

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА

ВОЛХОВСКИЙ ФИЛИАЛ

Кафедра гуманитарного образования и педагогических технологий

СОЦИУМ. СОЗНАНИЕ. ЯЗЫК

Выпуск шестой

Волхов
2016

УДК 37
ББК 74 С69

Печатается по решению Ученого совета
Волховского филиала РГПУ им. А. И. Герцена

Редакционная коллегия:

А.П. Фомин, д.филол.н., профессор (отв. редактор);
С.Г. Филиппова к.филол.н., доцент;
Л.Н. Дешеулина, к.филол.н., доцент,
Н.Л. Костарева к.филол.н., доцент.

Тексты статей представлены в авторской редакции

Социум. Сознание. Язык. Выпуск шестой. Санкт-Петербург: изд. ЛЕМА. 2016г. - 136с. Сборник включает в себя материалы тринадцатого заседания междисциплинарного научно-теоретического семинара «СОЦИУМ. СОЗНАНИЕ. ЯЗЫК» на тему: «Художественный образ в современной картине мира», а также материалы первого заседания междисциплинарного научно-теоретического семинара «СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ: ТОЧКИ РОСТА И ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ». Сборник может быть полезен студентам, аспирантам, преподавателям, научным работникам и всем, интересующимся междисциплинарными исследованиями в гуманитарных науках, в частности – в педагогике.

© РГПУ им. А.И. Герцена, 2016

© Коллектив авторов, 2016

ISBN 978-5-00105-093-3

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ: ТОЧКИ РОСТА И ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ

Первое заседание междисциплинарного
научно-теоретического семинара

30 марта 2016 г.

Вступительное слово зав. кафедрой гуманитарного образования и педагогических технологий Волховского филиала РГПУ им.А.И.Герцена **С.Г. Филипповой** 5

ДОКЛАДЫ

- Фомин А.П.** Точки бифуркации в педагогике. 6
- Рогожникова В.Н.** (Москва) Антропологическая составляющая экономического образования. 11
- Пристенский В.Н., Харламов А.Н.** (Воронеж) Особенности изучения философии права в образовательных организациях МВД России. 18
- Муртазаева М.М.** Проблемы развития педагогики ненасилия в современном отечественном образовании. 22
- Назаров А.Н.** Преподавание истории в современной высшей школе: проблемы и перспективы. 23
- Семенова Н.А.** Проблемы трудоустройства несовершеннолетних в свободное от учебы время. 28
- Зорькина Н.В.** (СПб) Проблемы проявления познавательной инициативы старшеклассников в образовательном пространстве школы 30
- Гапанович С.О.** (СПб) Информационные иллюзии и актуальные проблемы педагогики 36
- Семенова Е.В.** (Воронеж) О важности экологического образования. 40

ДИСКУССИЯ

Вопросы к **А.П.Фомину, В.Н.Рогожниковой, А.Н.Назарову, Н.А.Семеновой** 43

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В СОВРЕМЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА

Тринадцатое заседание
междисциплинарного научно-теоретического семинара
«СОЦИУМ. СОЗНАНИЕ. ЯЗЫК»

26 октября 2016 г.

Вступительное слово зав. кафедрой гуманитарного образования и педагогических технологий Волхвского филиала РГПУ им. А. И. 50

Герцена С.Г. Филипповой

ДОКЛАДЫ

Назаров А.Н. Художественный образ в картине мира как историческая проблема	51
Болотина Ю.П. Формирование образа национального русского характера посредством художественной литературы.	57
Филиппова С.Г. О языковой и художественной образности	62
Гапанович С.О. (СПб) Научная фантастика как инструмент формирования массовой идеологии	69
Рогожникова В.Н. (Москва) Впечатление как товар	74
Фомин А.П. Бытие и обыватель: диалектика объективного и субъективного в картине мира	82
Пристенский В.Н. (Воронеж) Образы права в современной картине мира: философский и научный подходы.	92
Чучупал В.В. (Воронеж) Образ будущего в российской избирательной кампании 2016 года	94
Семенова Е.В. (Воронеж) Образ человека в поэтических произведениях Микеланджело.	100

ДИСКУССИЯ

Вопросы к С.О.Гапановичу, Ю.П.Болотиной, С.Г.Филипповой, В.Н.Рогожниковой, А.Н.Назарову, А.П.Фомину	106
---	-----

КРИТИКА

Семенова Е.В. <i>Этические аспекты в истории экономической науки.</i>	120
Болотина Ю.П. <i>К вопросу о глобализации и антропогенезе в свете проблем информационной экологии.</i>	122
Муртазаева М.М.. <i>К вопросу изучения национального характера средствами художественной литературы.</i>	124
Чучупал В.В. <i>Алармистский взгляд на информационное пространство и его последствия.</i>	126
Гапанович С.О. <i>Ответ «оптимисту».</i>	128
Пристенский В.Н. <i>Антропоцентризм (философский и правовой аспекты).</i>	130
Фомин А.П. <i>О разном прочтении термина «человек».</i>	133
Авторы	137

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ: ТОЧКИ РОСТА И ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ

Первое заседание междисциплинарного
научно-теоретического семинара
30 марта 2016 г.

Вступительное слово зав. кафедрой гуманитарного образования и педагогических технологий Волховского филиала РГПУ им. А. И. Герцена, к.филол.н. **Филипповой С.Г.**

Уважаемые коллеги.

Любое открытие – знаменательное событие в нашей жизни. И сегодня происходит такое открытие, поскольку мы официально объявляем начало работы нового семинара под рабочим названием «Современные проблемы педагогики». Технически этот семинар представляет собой «дочернее предприятие» нашего уже устоявшегося, традиционного и всем известного междисциплинарного семинара «Социум. Сознание. Язык». Поэтому основные принципы организации работы этого мероприятия сохранены, но открыты для обсуждения. Семинар представлен как Всероссийский и междисциплинарный, включен в план научных мероприятий РГПУ им. А.И. Герцена, и планируется его ежегодное проведение в марте.

Для кафедры гуманитарного образования и педагогических технологий, которая выступает инициатором мероприятия, педагогическая тематика семинара является сегодня актуальной, поскольку, во-первых, педагогика (в частности, дидактика) – одно из основных направлений кафедральных научных исследований (что отражается в ее настоящем названии); во-вторых, такая тематика разработок необходима для качественной подготовки бакалавров, значительное количество которых обучается по профилям дошкольного и начального образования; в-третьих, педагогика нас всех объединяет в силу того, что мы педагоги и работаем в педагогическом вузе.

От себя скажу, что, не являясь специалистом в области педагогики и являясь, тем не менее, педагогом по образованию, а также руководителем кафедры, в названии которой присутствует фраза «педагогические технологии», считаю необходимым постоянно размышлять о проблемах педагогики и обсуждать их с коллегами. К числу этих проблем относятся как «вечные» вопросы педагогики, а именно, *зачем мы учим?, кого мы учим?, чему мы учим? и как?*, так и те вопросы, которые касаются непосредственно современной ситуации в нашей профессии – компетентный подход, практико-ориентированный принцип, конвергенция социоцентрической и антропоцентрической парадигмы в обучении, уровневая система обучения в высшей школе и др.

В работе семинара приветствуются дискуссия и рефлексия (критика), в которых участвуют докладчики, студенты и все желающие, материалы семинара будут публиковаться, публикации будут входить в систему РИНЦ.

Возможно заочное участие. Вопросы подаются докладчикам после доклада в письменном виде, что поможет нам соблюдать регламент. Семинар проходит в двух частях – представление докладов и обсуждение (ответы на вопросы).

В программе нашего семинара обозначены как очные, так и заочные доклады. Хочется поприветствовать и поблагодарить всех участников, и особенно докладчиков из других городов и учебных заведений, с других кафедр. Наконец, в очередной раз с удовольствием представляю руководителя семинара – Фомина А.П.

Открытие нашего семинара носит праздничный характер, и в качестве подарка и праздничной программы здесь организована выставка художественных работ Виктора Александровича Синявского, Надежды Михайловны Шевцовой и Варвары Николаевны Рогожниковой.

ДОКЛАДЫ

Фомин А.П.

ТОЧКИ БИФУРКАЦИИ В ПЕДАГОГИКЕ

Точкой бифуркации называется такое равновесное состояние системы, в котором два (или более) различных пути развития этой системы становятся равновероятны, и актуализация ни одного из них не детерминирована состоянием самой системы. Случайные и ничтожные факторы при этом могут сыграть решающую роль в «выборе пути» развития. В социальных системах, например, такую роль могут сыграть историческая личность, случайное событие, стечение обстоятельств. Конечно, не эти случайности определяют социальную систему; для того чтобы такая случайность «столкнула» социальную систему к одному из векторов, необходимо равновесное состояние этой системы. То есть точка бифуркации. Я думаю, коллега А.Н.Назаров нам приведет много таких примеров из истории, когда случай решал судьбу целых народов.

Я разделю в своем выступлении образование как социальную практику и педагогику как теоретическое и интеллектуальное обеспечение этой практики.

Образование и реформа.

В 2008 году в Новосибирском журнале «Философия образования» в.п.с. опубликовал статью «Образование как поле бифуркационного выбора будущего» [См.: Фомин, 2008]. В ней была высказана гипотеза, что образование является полем таких точек бифуркации. Это означало, что образование как социальная система находится в таком равновесном состоянии. Политически это означало, что здоровое консервативное сопротивление нашего учительства и педагогической общественности процессу «болонизации» и либеральным реформам пошатнулось и, фактически, было сломлено. Уже готовились во всю сторонники «реформ» – через систему повышения квалификации, грантов. Болонизация постепенно сошла на нет, про нее

благополучно забыли. Однако деньги бюджетные были вложены немалые. И «реформа» уже продолжалась на собственной почве, вне связи с первоначальной идеологемой болонизации. В 2010 году был запущен форсайт-проект «Образование 2030», ряд других не менее вредных проектов в рамках «реформы» (ЕГЭ, подушевое финансирование, инклюзивное образование одновременно с «оптимизацией» и др.). В результате в педагогической общественности росло сопротивление реформам, особенно в сетевом пространстве Интернета. Родители и учителя как будто начали понимать, что ведут нас не туда. В настоящий момент система как раз и находится в таком равновесном состоянии.

Дихотомия сегодня такова: продолжение либеральных рыночных реформ в образовании или мораторий на реформирование и научный анализ создавшегося положения. (На момент написания статьи еще никто не прогнозировал смену министра образования. Теперь мы можем расценивать этот факт как реакцию министерства на волну «сопротивления»).

Первый путь, путь продолжения «реформ» в том их виде и с тем направлением, вектором, который обозначен в стратегическом документе «Образование 2030». Прогнозирую, что на этом пути нас ждут:

- создание двух систем образования – массового и элитарного (как на Западе);

- продолжение снижения качества массового образования через выхолащивание научного содержания и интеллектуально нагруженных предметов, сохраняющих интеллект нации (русский язык, литература, математика);

- снижение уровня педагогического образования и уровня преподавания в массовых школах через превращение учителя в «продавца образовательных услуг»;

- невыполнение образованием своей главной стратегической культурной задачи – сохранение «цивилизационного кода» нации, а также и тактических задач – связь с экономикой и обеспечение реиндустриализации страны (опять-таки, на момент написания страны никто не мог прогнозировать, что в стране с «постиндустриальной» экономикой США президентом будет избран Д.Трмп, заявивший о необходимости реиндустриализации США);

- рост социальной напряженности по поводу системы образования;

- при наличии других причин для социального недовольства – вливание этого «образовательного» движения в общий социальный протест.

Второй путь – мораторий на реформирование – вовсе не означает пресловутый возврат к советской единой трудовой политехнической школе и советской системе профессионального образования. Дважды в одну воду не войти. Этот путь означает:

- мораторий на определенное время всех реформ в образовании;

- инициирование расследования деятельности министерства на предмет антикоррупционной составляющей (Ведь есть же какие-то мотивы их упорства, если до сих пор они не могут убедительно доказать необходимость «реформ».

Аргумент пока только один: «Другого пути у нас нет. Реформа – это объективная необходимость». Аргумент, согласитесь, странный);

- полную и компетентную ревизию результатов «реформы», всех ее частей и направлений; там есть, безусловно, и нечто положительное; например, ЕГЭ, если он не тотален, а по желанию и для тех, кто поступает в ВУЗ; или компьютеризация школ;

- подготовку компетентными силами разных политических направлений новой концепции образования и закона об образовании;

- продолжение реформирования, но уже на научной основе и основе анализа действительности.

- включение образования в отечественную социальную систему в качестве сферы духовного производства, связанной со всеми сферами общества: экономикой (не только рынком), наукой, моралью, религией, правом и др.

Небольшой экскурс в прошлое. Такая дихотомия в нашем образовании уникальна? Нет. Она была периодически в отечественном образовании. И при том именно в таком формате: верхи проводили некие реформы, а низы либо сопротивлялись либо нет.

Екатерина II: реформы Бецкого закончились неудачей, зато в результате реформ Янковича де Мериэво была создана первая отечественная система образования. За основу была взята австрийская система образования, однако содержание в нее вложено было отечественное, православное. По поводу политики Екатерины II шутят: ее применение идей Просвещения на российской почве ничего не оставили от Просвещения. Однако, на наш взгляд, это был хороший пример поисков компромисса, «золотой середины» между отечественной традицией и Западным положительным опытом. На тот момент истории это был выдающийся педагогический поиск и движение России по пути прогресса. .

XIX век – четырежды менялась образовательная политика государства то туда, то сюда, то открыли университеты, то прикрыли, то убрали философию, то опять ввели, то дали студентам волю, то отняли. Чем закончились шатания? Именно тем, чего опасались – студенты массово ушли в революционную деятельность. Левые идеи стали модными.

В СССР хаос (или творчество) 20-х годов в образовании закончился довольно быстро; «сверху» создано принципиально новое образование: единая трудовая политехническая школа, а до этого ликвидирована безграмотность в отсталой крестьянской стране – часть «культурной революции». Образование было идеологически нагруженным, коммунистическим. Православная крестьянская страна этому не противилась. И не потому, что большевики применили репрессии, а потому, что вместо одной веры дали другую, ничем не хуже – веру в светлое будущее всего человечества. Запад сегодня часто выигрывает информационную войну как раз потому, что находит много адептов своей мечты – веры в светлое демократическое рыночно-либеральное будущее, как мы когда-то в коммунизм. И вера эта воспроизводится через всю систему воспитания, через образование.

Педагогика и реформа. Эти противоречия, возникшие в самой системе образования, теперь уже вплотную касаются и ее теоретического интеллектуального обеспечения – педагогики. Каковы эти точки бифуркации в педагогической теории?

1. Эссенциализм или прагматизм.

Эссенциализм берет свое начало еще из античности, нацеленной на познание сущностей вещей, на логос. Я.А. Каменским был выдвинут принцип пансофии – всеобщей мудрости и знания всего. В эпоху Просвещения – это научное знание. В советской школе – это научное мировоззрение. Вероятно, сегодня сюда должна быть добавлена гуманитарная составляющая.

Прагматизм тоже имеет свою давнюю историю от Безедова к Дьюи и к современным нашим отечественным реформаторам.

2. Идеология или наука.

Традиционно отечественная педагогика опиралась на ту науку, которая видела социальную сущность человека и ребенка. Пример, как это надо делать, показал Ушинский в своей работе «Ребенок как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» (1868). Это линия Вико-Гердера-Гегеля-Маркса. Она была продолжена в советской педагогике Выготским, Рубинштейном, Лурия, Леонтьевым и др. Идеология коллективизма лишь вытекала из этой научной традиции. А не наоборот.

Сегодня, напротив, многие исследования сразу исходят из идеологической установки индивидуализма. Это – Гоббс, Локк, Монтескье и др. Сегодня вершина – Хайек и Хабермас. Наши реформаторы индивидуализм научно пытаются доказать, а точнее – слизать «доказательство» с Запада. Между тем попытка эта безрезультативна и чужда нам ментально.

3. Мировоззрение или обыватель с его обыденным сознанием.

Мировоззрение – духовная система личности, включающая в себя много чего, практически все формы общественного сознания. Обыденное сознание – это сознание, фундированное только личной целью и выгодой. Обыватель принципиально не интересуется ничем иным.

Модус этой дихотомии: культурные смыслы или космополитизм и «демонстрационный эффект».

4. Реальность социальная или виртуальная.

Не зря в языке слово общение заменяется словом коммуникация. Но ведь коммуникация – это только часть общения, это – обмен информацией. А куда деваются две другие части – взаимное воздействие (интеракция) и взаимопознание (социальная перцепция). А они невозможны в виртуальном мире! В виртуальном мире можно только «коммуницировать», то есть обмениваться информацией.

Неслучайно знания заменяются информацией и поисками информации. Есть доказательства, что долгая память – основа интеллекта. Долгая память – это поиск нужной информации и складывание из нее картины предмета. Это – работа в библиотеке! Сегодня долгая память отключена – за нас работает компьютер.

5. Инновации или развитие

Именно так! Не инновации и развитие! Дело в том, что инновации вовсе не ведут автоматически к развитию!

Часто противопоставляют традицию и инновацию, ставя знак равенства между старым и традицией и новым и инновацией. Это абсолютно не корректно. Е. Шацкий [Шацкий,1990] разделяет понятия «общественное наследие» и «традиция»: наследие – это все, что мы получили от прошлого, традиция же – это только часть наследия. При этом традиция носит весьма неустойчивый характер: во-первых, она может иметь разную степень рефлексии и интеллектуализации; а во-вторых, *традиция может вполне сознательно формироваться и создаваться идеологами и в силу этого вообще не быть частью наследия общества*. Современный традиционализм не исключает изменений, но часто лукавит, выбирая из многозначного прошлого то, что отвечает запросам конкретных социальных групп. Поэтому как современный модернизм, так и современный традиционализм носят вполне идеологический характер, в особенности в условиях большой социальной дифференциации и развитых СМИ, выполняющих соответствующий идеологический заказ.

Еще раз – о чем говорит Шацкий? Он говорит о том, что традиция сама по себе не плоха и не хороша, а инновация сама по себе не хороша, не плоха. Прогресс, или модернизация образования, следовательно, заключается не в повсеместном внедрении инноваций и разрушении традиций, а в чем-то другом. И второе: Шацкий говорит, что традиция – это не обязательно прошлое, ибо современные политические субъекты вполне успешно формируют взамен старых новые традиции. На этом построены целые политические технологии.

Вот что писал по этому поводу Фрэнсис Фукуяма в своей работе «Конец истории и последний человек». Государства, говорит он, могут играть очень важную роль в *формировании* народов, то есть выработке их «языка добра и зла» и создании новых привычек, обычаев и культур *de novo* (заново), поскольку «культуры – не статические явления, подобные законам природы; они – создание людей и находятся в процессе постоянной эволюции... Следовательно, к культурным «предусловиям» для демократии, хоть они определенно важны, надлежит относиться с некоторым скептицизмом» [Фукуяма, 2005, с.337].

Социальный инжиниринг – вот та стратегия, которую уже давно использует Запад, а вслед за ними и мы. Вопрос только в том, на что нацелен создатель нового социального здания – на смыслы аутентичной культуры или на рынок.

Литература:

Фомин А.П. Образование как поле бифуркационного выбора будущего // Философия образования. №2(23), 2008. Новосибирск, 2008.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек: Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ: Ермак, 2005. – 588 с.

Шацкий Е. Утопия и традиция: Пер. с польск. Общ. ред. и послесл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990. – 456 с.

Рогожникова В.В. (Москва)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Актуальность проблемы экономического образования сегодня связана с несколькими аспектами: во-первых, это необходимость в грамотной экономической аналитике и политике, в умении выстраивать баланс теории и практики; во-вторых, это вопрос о содержании экономического образования, и решение этого вопроса напрямую связано с научным статусом экономики. Если мы считаем, что экономика – это социальная наука, в процессе экономического образования разумно будет уделить большее внимание таким предметам, как социология и психология; если мы полагаем, что экономика – это вид логики, то мы должны развивать математическое моделирование и другие типы формализации экономического знания. Но, может быть, экономика – сложная наука, междисциплинарная область знаний? В таком случае нам следует научиться гармонично сочетать количественные и качественные методы, а экономисту придется научиться одинаково хорошо владеть математическим инструментарием и всем разнообразием подходов и методов других социальных наук.

Естественным также является взаимосвязь этих дискуссий со стремлением педагогического (и не только) сообщества определить сущность образования вообще. Если цель образования – формирование грамотного потребителя, то нет смысла в преподавании сложных научных дисциплин. Если же образование – это процесс получения знаний и освоения культурного наследия страны и мирового сообщества, то перед нами встают другие непростые вопросы. Так или иначе, в основе различных концепций образования лежат разные представления о том, что такое человек и что такое общество.

Экономическое образование

Под экономическим образованием мы понимаем систему передачи и развития знаний, связанных с хозяйственной деятельностью человека. Цель экономического образования – формирование специалиста: ученого, преподавателя, бизнесмена, реформатора. К образованному в области экономики специалисту вполне официально предъявляют следующие требования: системное мировоззрение, хорошая социально-гуманитарная и профессиональная подготовка, умение сочетать теорию и практику.

В реальности экономическое образование сталкивается с такими проблемами, как:

1) поиск «междисциплинарных мостов» в ситуации, когда в экономике возникают новые подходы и теории, например, биоэкономика, эконофизика,

когнитивная экономика. В таком случае будущий специалист сталкивается с необходимостью получения расширенного образования. Эта проблема решается, в частности, на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова через организацию межфакультетских курсов, а также, в основном в магистратуре, посредством переноса обучения на нужный факультет в один из семестров.

2) проблема научного статуса неоклассической экономической теории как господствующей научно-исследовательской программы [Colander, 2000]. В настоящее время основные учебники и учебные пособия по экономике и экономическим наукам в России опираются на неоклассическую экономику, ее теоретико-методологические постулаты. В то же время на экономических факультетах преподаются и другие теории – например, новая институциональная теория. Неоклассика сегодня подвергается основательной критике, но, в силу отсутствия полноценных альтернатив, по-прежнему считается наиболее адекватным подходом к пониманию и объяснению экономической действительности.

3) проблема теории и практики, рационализма и эмпиризма [Найт, 2009; Филипповская, 2004; Colander, 2000]. В сущности, это вечные проблемы каждой науки, но в определенный период своего развития наука обычно сталкивается с той или иной из этих крайних позиций. Для экономики баланс теории и практики очень важен, поскольку от экономики ждут предсказаний относительно поведения рынка и экономических агентов, и сегодня эти предсказания – особенно в масштабах мировой экономики – признаются провальными.

4) в научном сообществе экономистов в наши дни установилась прочная тенденция к поощрению публикационной активности в ущерб фундаментальным исследованиям [Colander, 2000; Kamarck, 2002]. Вследствие этого ученый нацелен на разработку моделей *ad hoc* – подходящих для конкретных случаев и не имеющих долгосрочной актуальности [Colander, 2000, с.138]. Такие модели при проверке дают обычно хорошие результаты, о которых и можно написать статью. Но насколько от этого выигрывает фундаментальная наука? И как должно выстраиваться экономическое образование в свете данной тенденции? Неслучайно сегодня в экономике больше внимания уделяют математическому моделированию, а не созданию продуманных теорий.

Все эти проблемы заставляют нас задуматься о соотношении и характеристиках *компонентов экономического образования*. Эти компоненты суть:

- человек;
- среда;
- реальная экономика;
- образовательный процесс;
- система экономических знаний;
- философско-методологические основания экономического образования.

Мы также можем выделить два основных аспекта любого – и в том числе экономического – образования: *консервативный* и *инновационный*. Без традиций, установленных правил и проверенных подходов образование превратилось бы в хаос; а без инноваций – новых подходов и теорий, методологических прорывов – образование перестало бы развиваться. Поэтому в любом образовании важен баланс двух этих тенденций.

Место человека в экономическом образовании

Как мы видим, человек – один из основных компонентов экономического образования. Для выяснения места человека в экономическом образовании нам нужно ответить по крайней мере на два вопроса: во-первых, как наше представление о человеке вписывается в процесс экономического образования?; во-вторых, в чем специфика проблемы человека в экономическом образовании?

Говоря о проблеме человека в экономике, можно выделить следующие ее аспекты:

1) Человек в экономике – это предмет познания. Сегодня считается, что экономика изучает поведение человека, осуществляющего выбор между альтернативными средствами с целью реализации собственных интересов в условиях безграничных потребностей и ограниченных ресурсов. В неоклассике индивид – предельная единица экономической действительности, по аналогии с которой следует рассматривать и более крупных экономических агентов – фирмы и государства.

2) Человек есть также субъект экономического познания, поскольку он является тем, кто познает экономическую действительность и меняет ее. Таким образом, человек в экономике – как и в других социальных науках – одновременно есть и предмет, и субъект познания. Такое положение дел создает определенные трудности, в частности, когда мы пытаемся выяснить уровень объективности экономической науки.

3) Наконец, в экономике проблема человека рассматривается в рамках проблемы *модели человека* – упрощенного представления о человеческом поведении (поведении экономического агента). Модель человека, как отмечает В.С. Автономов [Автономов, 1998], не является предметом экономической науки, она – ее аналитический инструмент. Тем не менее в основе модели человека лежат определенные представления о природе и сущности человека.

На наш взгляд, модель экономического человека является концентрированным выражением проблемы человека в экономике.

Модель экономического человека

Модель человека в экономике акцентирует внимание на хозяйственном аспекте деятельности человека: производитель, потребитель, даритель, распределитель и проч.

Поведение экономического человека может объясняться, исходя из двух основных методологических традиций:

- методологический индивидуализм – в рамках этого подхода социальные процессы могут быть поняты и объяснены только на основе индивидуального поведения. Общество есть совокупность индивидов, и вопрос о первичности целого или частей решается здесь в пользу частей. Данный подход принят в современном экономическом мейнстриме и является одной из важнейших предпосылок неоклассической экономической теории;

- методологический холизм – согласно этому подходу социальные действия могут быть поняты только из них самих, общество (целое) первично по отношению к индивидам (частям). Данный подход разделяет институциональная теория.

Эти методологические традиции являются иллюстрациями уже упоминавшегося нами противостояния рационализма (методологический индивидуализм) и эмпиризма (методологический холизм). В настоящее время не существует альтернативы этим противоположным подходам; считается, что их можно использовать в зависимости от целей исследования.

Среди наиболее обсуждаемых проблем, связанных с критикой существующей модели человека и с разработкой альтернативных моделей, можно перечислить следующие: проблема рациональности (сегодня предпосылка о полной рациональности заменена положением о рациональности ограниченной), соотношение эгоизма и альтруизма в человеческой природе и человеческом поведении, проблема природы наших потребностей, сущность выбора, влияние среды и психофизиологии человека на его поведение, проблема прогнозирования человеческого поведения.

Эти и другие проблемы относятся к реальному человеку, к формированию нашего представления о том, кто есть человек. Второй тип проблем касается собственно создания модели экономического человека: как определить меру реалистичности и абстрактности этой модели?; может ли существующая сегодня модель экономического человека давать достоверные прогнозы?; каковы пределы формализации компонентов этой модели, описываемых ею процессов, вывода?; предпосылка методологического индивидуализма сообщает поведению человека черты механистичности, атомистичности, массовидности, лишает его индивидуальности – но насколько вообще экономика имеет дело с индивидуальным поведением? Экономике интереснее скорее средний индивид – просто представитель рода, сообщества, организации.

Модель человека в экономическом образовании

Таким образом, в экономике, а значит, и экономическом образовании мы имеем дело с моделью человека, которая провоцирует нас на следующие вопросы:

1) Не лежит ли в основе этой модели чрезмерно узкое представление об экономической реальности? Естественно, что в науке должны применяться модели, упрощающие действительность – это обеспечивает концентрацию внимания ученого на определенном аспекте действительности и проблеме, которую данный ученый пытается решить. Но почему модели в естественных

науках воспринимаются нами менее критично, чем модель человека в экономике (и социальных науках вообще)? Почему они не вызывают таких дебатов о реалистичности этих моделей? Вероятно, потому, что «логика человеческого» чем-то существенно отличается от «логики природы». Эти отличия – наша разумность и наша социальная сущность.

2) Используя модель экономического человека в анализе социальных явлений, не понимаем ли мы социум и происходящие в нем процессы механистически? Сама экономическая рациональность механистична, поскольку для экономики не важны цели, которые ставит перед собой человек, но важен лишь результат, обеспечиваемый выбором подходящих средств.

3) Кто же все-таки действует в экономике – тот самый экономический человек? Это вопрос о том, как соотносится модель человека и реальное поведение людей. Экономисты-неоклассики утверждают, что они не описывают реальный тип человека, а лишь предоставляют некую меру, используя которую, можно сделать вывод об экономическом содержании действий людей (фирм, государств). Эта мера не носит характера долженствования, но, на наш взгляд, от обратного понимания модели человека сложно удержаться: с понятием экономической рациональности сегодня связывают экономическую эффективность, которая как раз предписывается всем без исключения организациям.

В связи с этим кажутся весьма актуальными рассуждения американского экономиста первой половины XX века Ф. Найта. В своих работах, в частности, посвященных этике конкуренции, Найт высказал мысль о том, что профессиональный экономист должен уметь сочетать (не отождествляя) навыки ученого и навыки реформатора [Найт, 2009; Kern, 1990]. Это означает, что экономист должен знать абстрактный язык науки, понимать сущность и цели моделирования социальных процессов, но он также должен быть близко знаком с самой социальной реальностью, о которой невозможно судить, оставаясь на уровне абстрактной науки. Здесь, возможно, пригодится умение решать конкретные задачи *ad hoc*, однако, подчеркивает Ф. Найт, следует соблюдать меру и здесь, поскольку без теоретического анализа, осмысления практики последняя рискует превратиться в бессистемное случайное экспериментирование, которое может привести к печальным последствиям. Стало быть, необходимо постоянно настраивать компас, указывающий на баланс теории и практики.

Что еще выпадает из антропологического дискурса в экономике, скептически воспринимается студентами-экономистами? Это те феномены человеческого поведения, которые сложно объяснить, основываясь на причинно-следственном подходе. К таким явлениям относятся доброта, совесть, любовь – явления, безусловно, личностные, а не индивидуальные. Есть ли им место в экономическом поведении? Может ли экономист понять социальные процессы, не принимая во внимание безосновательность доброго поступка? Вероятно, мы говорим о некоем вертикальном измерении социальной реальности, в то время как экономическая действительность есть измерение горизонтальное. Но социум – это определенное единство; значит,

вертикаль и горизонталь где-то пересекаются. Найти точку их пересечения, возможно, и значит отыскать ответы на большинство поставленных нами вопросов. Может быть, одной из задач на этом пути является преодоление экономического детерминизма, экономизации общества.

Специфика проблемы человека в экономическом образовании

В рамках решения обозначенных выше проблем мы выходим на уровень обсуждения следующих интересных тем.

Во-первых, это необходимость уточнения мировоззренческой функции экономической науки. Экономисты и философы экономики должны выяснить, какое представление о человеке формирует современная экономика, и какое представление о человеке она должна формировать. Должна не по идеологическим соображениям – хотя понятно, что любая, а тем более социальная наука несвободна от влияния идеологии – долженствование здесь скорее носит характер определенной саморефлексии. Понимая место экономики в системе наук, мы сможем ответить и на вопрос о том, какое мировоззрение, картину мира, представление о человеке предлагает нам экономика, следует ли его усовершенствовать, и если да, то в каких аспектах. На основании этих мировоззренческих предпосылок, очевидно, будет выстраиваться и стратегия экономического образования.

Во-вторых, экономисты сегодня сталкиваются с проблемой сохранения предметных границ своей науки. В то же время, перед ними стоит вопрос о том, не является ли господствующая модель человека слишком узкой, не учитывающей социально-культурный контекст экономического поведения. На наш взгляд, решение обеих проблем лежит в области выстраивания адекватных (не империалистических) взаимоотношений с такими науками, как биология, социология, психология, политология, право и т.д.

В-третьих, современный студент-экономист в процессе обучения знакомится с множеством теорий, объясняющих поведение человека и масс. Это разнообразие не следует искусственно ограничивать, но есть смысл подумать над разработкой некоего адаптивного методологического инструментария, который помог бы учитывать разные подходы к объяснению поведения экономических агентов.

В-четвертых, в экономическом образовании следует настроить баланс между обучением использованию математики и других методов формализации экономического знания – и навыками качественного, содержательного анализа социальных процессов.

На наш взгляд, проблема человека в экономике сегодня становится центральной. В модели экономического человека отражаются все перечисленные нами проблемы, с предпосылками данной модели связывается кризис современной экономической науки. Основными чертами этого кризиса, на наш взгляд, являются: приоритет формы над содержанием; проблема математизации экономики и адекватного междисциплинарного взаимодействия; разрыв теории и практики.

В качестве иллюстрации современного положения дел в экономической науке и экономическом образовании можно привести совместный проект Сколково и Агентства стратегических инициатив – «Будущее глобального образования» (Global Education Futures 2015-2035) [Проект..., URL]. Данный проект представляет собой футуристический междисциплинарный микс из популярных сегодня идей технологического изменения природы человека, развития информационных и коммуникационных технологий, политических идей контролируемой свободы, сплава традиций и инноваций. При этом авторы проекта предполагают, что он может быть реализован в России в довольно короткие сроки, что кажется особенно утопичным, учитывая состояние нашей инфраструктуры, институциональной среды, правовой грамотности населения и проч. Однако этот проект кем-то воспринимается всерьез, и за этим проектом стоит определенное представление о человеке и мире. На наш взгляд, эти представления недалеко ушли от философии и методологии позитивизма. Но в современной философии науки позитивизм – пройденный этап. Получается, что авторам проекта не хватает образования – как экономического, специального, так и более широкого, социологического и философского.

Вывод

В современном обществе мы сталкиваемся с экспансией экономики во все сферы социальной жизни, в том числе в образование. При этом экономическое образование далеко от идеала, вследствие чего экономизация других сфер социальной жизни происходит с уклоном в механистическую трактовку социальных процессов. Экономическими агентами становятся все – отдельные люди, фирмы и государства. Экономическая эффективность представляется нормой эффективности вообще, неважно, идет ли речь о сугубо коммерческой деятельности или об образовании. Очевидно, такое положение дел связано с господствующим в экономике мировоззрением, основные элементы которого отражены в предпосылках неоклассической экономической теории. Экономическое образование строится с опорой на неоклассику как ведущую научно-исследовательскую программу.

Модель экономического человека является частью жесткого ядра неоклассики. Мы полагаем, что сегодня неслучайно произошел выход за пределы понимания модели человека как только инструмента экономической науки. Экономизация общества выявила тенденцию к превращению экономического человека в норму, образец. Поэтому сегодня следует задаться вопросом о том, насколько экономический человек является универсальным типом человека. Если преимущественной социальной ролью ученого и преподавателя становится предприниматель, вполне пишывающийся в модель экономического человека, если студент – это потребитель услуг, предоставляемых университетом, то возникает вопрос о качестве такого образования. А если он не возникает, можно заключить, что экономизация общества прошла успешно, и мы уже находимся в мире, где экономический человек – преимущественный социальный тип. Может быть, с таким положением дел не стоит бороться? И нас ждет новая концепция прогресса,

построенная на началах экономической рациональности. Так или иначе, формируются эти идеи в том числе в пространстве экономического образования как пространстве переплетения консервативных и инновационных идей.

Возможно ли решение обозначенной проблемы силами одной экономической науки? Мы думаем, что это невозможно: уровень саморефлексии экономической науки не настолько высок, а кроме того, большая часть обсуждаемых сегодня проблем экономической науки относится к философии экономики. Такие вопросы, как человек в экономике, научный статус экономики, этика и экономика, затрагивают философские основания экономики: онтологические, гносеологические, методологические, аксиологические, логические. Работа над этими основаниями и должна помочь прояснению проблемы человека в экономике вообще, и в экономическом образовании в частности, поскольку человек – это изначально философская проблема.

Литература:

Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998. – 230с.

Найт Ф. Этика конкуренции. М., 2009. – 262с.

Проект «Будущее глобального образования». URL: http://map.edu2035.org/users/sign_in?mode=first&project=futuremap (дата обращения 15.11.2016).

Филипповская Т.В. Специфика и проблемы экономического образования // Образование и наука. 2004. №1. – С.115-124.

Чекмарев В.В. Сфера образования в экономическом пространстве // Экономика образования. 2009. №1. – С.33-34.

Colander D. Dead of neoclassical economics // Journal of the History of Economic Thought. 2000. Volume 22, Number 2. – Pp. 127-143.

Kamarck A.M. Economics as a social science. An approach to nonautistic theory. – Michigan: The University of Michigan Press, 2002. – 212p.

Kern W.S. Frank Knight's Skeptical View of Economic Education // Journal of Economic Education. Spring 1990. – Pp.195-206.

**Пристенский В.Н.,
Харламов А.Н.**

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

Роль и место философии права в образовательном процессе, особенности ее изучения и преподавания должны рассматриваться в более широком (чем, так сказать, «локально-образовательный»), социокультурном, контексте. История человеческой цивилизации наглядно свидетельствует о том, что успех различных социальных преобразований связан с участием в них наиболее образованных и активных общественных сил [Фомин, 2007; Фомин, 2015, с.79-

88]. В этом контексте цель всякого образования – приобщение человека к основным социокультурным ценностям [Фомин, 2013, с.66,75,76; Фомин, 2015].

Одной из таких ценностей, выработанных в ходе многовековой истории человечества, является право. Оно изучается целым рядом научных дисциплин. Однако каждая из наук, при всей их важности, – это лишь некое частное знание, своего рода фрагмент знания, а все науки в их простом сложении представляют собой некую сумму таких «гносеологических» фрагментов. Философия же дает целостное знание о мире. Она не занимается простым сложением всех научных знаний, но интегрирует их, строит систему знаний о мире как целом. В этом плане философия рассматривает и право – осмысливает его как часть мирового целого, выступает как интегративное знание о праве.

Именно как такое целостное, интегративное знание о праве философия права в последнее время достаточно бурно развивается в нашей стране не только как научная, но и как учебная дисциплина. Курс философии права становится сейчас важной и неотъемлемой частью вузовской подготовки будущих юристов, предполагает историко-философский и систематический подходы к изучению достижений общечеловеческой и национальной философско-правовой культуры. Особенности и проблемные моменты философии права как учебной дисциплины в рамках данной статьи представляется уместным рассмотреть с учетом опыта ее преподавания в вузе системы МВД.

Так, с одной стороны, освоение философско-правового материала способствует формированию широкой эрудиции специалиста системы МВД, развитию и углублению методологии познания юридических фактов и явлений, умению анализировать современную ситуацию и принимать наиболее адекватные и плодотворных решения в практической правоохранительной деятельности. Изучение философии права, знакомство с философско-правовыми теориями и концепциями прошлого и настоящего, обращенными к человеку, его отношению к свободе, справедливости и равенству, положению в системе социальных связей способствует расширению объема социально-гуманитарных знаний курсантов, обогащает их общий культурный уровень.

Однако, с другой стороны, в процессе преподавания философии права приходится сталкиваться с рядом проблем. Так, нередко на первой же лекции у курсантов возникает вопрос: зачем нужно ее изучение, ведь они уже получили теоретическое знание о праве в рамках целого ряда юридических дисциплин? Этот вопрос «высвечивает» проблему дифференциации правового знания – проблему соотношения философии права и частных юридических дисциплин.

Для ее решения необходимо обратить внимание на особенности курса, на то, что по характеру он является теоретически-обобщающим и несет в себе существенный элемент новых знаний о праве. Причем, новые знания, хотя и вводятся на основе знаний, полученных в процессе изучения других правовых предметов (прежде всего, теории государства и права, истории государства и права, криминологии и др.), но никоим образом их не дублируют. Философия права представляет собой систематическую реализацию всех видов правовых предметно-тематического связей и необходима в «полицейском» вузе для

полноты раскрытия всех сторон, всех аспектов права как социального института, охранять который как раз и призвана полиция. Философия права выступает как самая общая теория и методология права, вырабатывающая основные направления правовых исследований.

Таким образом, философский подход к праву не подменяет юридического: угол зрения юридической науки объективно очерчивает ее границы в исследовании права. Следует различать позитивное право как систему юридических законов и философию права, которая имеет своим предметом идею права и его наличного бытия. Вот почему задача философии состоит в том, чтобы определить, что есть право вообще, в отличие от положительной юриспруденции, имеющей дело с особенным правом как системой законов [Гегель, 2007, с.59-63].

Иными словами, философское исследование права не подменяет юридического, ибо выражает и реализует природу философии, ее угол зрения и, тем самым, детерминировано последними. Что может и что должна открыть философия в праве, имеющем, как и любое сложное явление, многоступенчатую структуру, различные уровни организации, сущности различного порядка? По всей видимости, то, что она открывает в мире как целом (а право – лишь фрагмент его, оно не имеет собственной логики, отличной от логики мира), – сущность самого глубокого порядка, субстанцию, всеобщее. Соответственно этим же определяется и подход. Он состоит в необходимости определения субстанции права, его самых глубоких детерминант (и, тем самым, критерия), естественно лежащих за его пределами [Галер, 2002, с.5-8,11, 12, 45, 99, 109].

Но здесь возникает еще одна, не менее актуальная, проблема, заключающаяся в недостаточности общего интеллектуального развития многих курсантов. Знания, полученные ими ранее, до поступления в вуз, не всегда отвечают необходимому минимальному уровню, не являются базовыми знаниями широкого спектра и направленности. Поэтому при изучении курса философии права приходится особое внимание уделять не только специфическим терминам, но и общегуманитарным базовым понятиям, которые должны закладываться еще в средней школе. Как следствие, возникает необходимость в формировании методологической культуры – умения рационально относиться к познаваемому материалу о праве, диалектически подходить к фактам, явлениям и процессам правовой действительности, четко формулировать ответы на поставленные вопросы и аргументировать свою точку зрения. Иными словами, приходится выстраивать у курсантов навыки аналитического мышления, которые должны были быть уже сформированы.

Важную роль в изучении философии права играет овладение ее понятийным аппаратом, этим своеобразным стержнем философского знания о праве.

И здесь можно выделить типичные ошибки курсантов при усвоении философско-правовых понятий:

1. Неумение выделять все признаки понятия (прежде всего, таких основных понятий, как право и государство);
2. Неумение отделять существенные признаки понятия от несущественных;
3. Стремление к обобщению понятия по неполным признакам.

Для более эффективного восприятия понятийного аппарата, учебного материала в целом необходимо вызывать ассоциацию с теми фактами и явлениями, с которыми курсанты сталкиваются в процессе изучения других дисциплин. Это поможет им легче проникнуть в суть понятий, связать их с изучаемой темой, осознать их особенности в отражении тех или иных правовых явлений. Необходимо постоянно иметь ввиду содержательную преемственность каждого занятия.

Особенностью работы с курсантами в системе вузов МВД является также объединение лекционных и семинарских занятий в строгую, логическую систему, в рамках которой и раскрывалось бы содержание каждой темы: усваивая материал конкретного занятия, обучающиеся постепенно подходили бы к осознанию идей всей темы.

Указанные проблемы теснейшим образом связаны с проблемой разработки для курсантов учебной литературы по философии права. Эта литература должна включать как теоретико-исторический раздел (от философии права Древнего мира до современных исследований), так и теоретико-методологический (темы, определяющие предмет, задачи, функции, метод философии права, ее понятийный аппарат), а также аутентичные тексты источников. Это и поможет курсантам более полно и глубоко усвоить данный предмет, сформирует у них широту юридического кругозора, а это, в свою очередь, позволит будущим юристам стать всесторонне образованными и активными участниками идущих в нашей стране социальных (правовых) преобразований.

Литература:

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль. – 524 с.
2. Таллер Р.И. Философия как логика и методология познания права. Под ред. М.П. Козлова. Куйбышев: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. – 166 с.
3. Фомин А.П. Педагогическое сознание в условиях виртуализации социальной реальности: Монография. М.: АПК и ППРО, 2007. – 208 с.
4. Фомин А.П. Образование на пути к истине // Социум. Сознание. Язык. Сборник. СПб.: ЛЕМА, 2013. С. 66-77.
5. Фомин А.П. Педагогические мысли философа. Очерки философии образования: Монография. СПб.: ЛЕМА, 2015. – 154 с.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИКИ НЕНАСИЛИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

К вопросам развития и внедрения в образовательную практику гуманистических идей педагогики ненасилия обращались и обращаются многие теоретики и практики. Еще в глубокой древности философы считали, что целью воспитания должно быть формирование гармонично развитой личности. Такая личность, по Аристотелю, формируется в единстве нравственного, физического, эстетического и умственного воспитания [Джуринский, 2012, с.58].

Как особый и жизнеутверждающий принцип ненасилия рассматривался в педагогике видными отечественными деятелями: А.С.Макаренко, В.А.Сухомлинским, Ш.А.Амонашвили, Л.Н.Толстым, Л.С. Выготским и др. Современная система образования представляет его как личностно-ориентированное направление, подразумевающее исключение из практики работы педагога принуждения личности, изменение отношения взрослого к детям и построение данного принципа на полном взаимопонимании и гуманном подходе.

Теоретически этот тезис выглядит так, однако реалии сегодняшней педагогической деятельности, на наш взгляд, далеко не соответствуют своей гуманистической природе. Примером тому могут служить волна жестокости и рост преступности среди детей. Связано это с тем, что современное российское общество претерпевает не только экономический кризис, но и глубокий ценностный.

Характерным является тот факт, что преступность социально обусловлена и зависит не только от условий жизни общества, но и от содержания и направленности задач, которые оно ставит перед собой. Наибольший рост преступности, как показывает статистика, процветает в семьях, где наблюдается упадок нравственности и элементарной культуры, алкоголизм и наркомания. Не меньшее влияние на него оказывают современные идеи, продвигаемые в информационном пространстве: агрессивность, экстремизм, псевдолиберальное понимание свободы, полное игнорирование традиционных форм воспитания. Анализ информационной индустрии Интернета и телевидения выявляет засилие компьютерных интерактивных игр с драками, убийствами, катастрофами, порно, а также разного рода сериалов и передач низкого уровня [Сулакшин, 2014, с.1065].

Все вышеизложенные проблемы характеризуют ценностное и моральное состояние нашего общества с отрицательной стороны и подчеркивают необходимость пересмотра воспитательной и просветительской функций средств массовой информации, а также необходимость разработки способов защиты психического и нравственного состояния подрастающего поколения.

Другим важным обстоятельством, влияющим на развитие личности ребенка, является организация его досуга. Сегодня многие детские

внешкольные учреждения и клубы прекратили свою деятельность на государственном уровне: закрываются летние оздоровительные лагеря, дома творчества. На замену приходят разного рода коммерческие центры развития, куда не могут попасть дети из малообеспеченных семей. С приходом нового компьютерного века опустели современные дворы и детские площадки, приспособленные для игр и занятий физкультурой. Все свободное дворовое пространство заставлено многочисленными автомобилями, а дети вместо живого общения предпочитают социальные сети. Перечисленные примеры сказываются не только на физиологическом развитии детей, но и на возникновении у них социальных и психологических проблем.

Конечно, рассматривать в качестве ведущей причины информатизацию общества было бы не совсем правильно. Основная вина лежит и на отношении взрослых. Так, например, в сетях на странице Facebook появилась публикация популярного блогера и светского обозревателя Божены Рынки, которая вызвала бурное обсуждение среди читателей. Объектом дебатов стала ссылка на статью о том, что в Нижнем Новгороде недовольные шумом жители залили детскую площадку смесью гудрона и битых стекол. Рынки поддерживает этих граждан и предлагает создать «зоны отчуждения» для детских площадок минимум в 50 метрах от жилых домов. «А если нет условий для организации детской площадки таким образом, значит, этого не надо делать вовсе», - отмечает она.

Нарастание таких зон является главной проблемой современного воспитания подрастающего поколения. Равнодушие, нелюбовь к детям – это тоже насилие. Ведь каждый ребенок ждет от взрослого внимания, участия, доброты, справедливости, любви.

Возникает традиционный вопрос: «Что делать?». Решение его сегодня невозможно рассматривать без изучения исторического опыта и наследия отечественной педагогики, аналогия с которым позволит актуализировать существовавшие ранее традиции ненасилия и применить их к современным условиям.

Литература:

1. Джуринский А.Н. История педагогики и образования. М.: Юрайт, 2012.
2. Сулакшин С.С. Нравственность российского общества и факторы влияния (интернет, телевидение) // Политика и общество, 2014, №9.

Назаров А.Н.

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

История – одна из ключевых гуманитарных дисциплин в основных образовательных программах подготовки бакалавров всех направлений в высших учебных заведениях Российской Федерации. Безусловно, речь в данном случае идет о студентах неисторических специальностей. В общих чертах цель

изучения этой дисциплины, в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом состоит в том, чтобы сформировать у студентов комплексное представление о культурно-историческом своеобразии России, её месте в мировой и европейской цивилизации.

Сегодня отечественная высшая школа находится в состоянии реформ и перемен, связанных как с построением в России капиталистического общества, так и с выстраиванием системы образования в соответствии с Болонским процессом. Это обнажило старые и создало новые проблемы в образовательной сфере и, в частности, отразилось на преподавании истории в вузах.

В первую очередь, трудно пройти мимо того факта, что количество аудиторных часов, отводимых на историю, сократилось. Об этом можно судить как по личным впечатлениям, так и по многочисленным статьям, написанным преподавателями истории, и посвящённым данной проблеме [См.: Здеревы, URL]. Таким образом, заявленные выше цели достаточно трудно реализуются из-за столь малого количества часов.

Данная проблема, в принципе, существует, хотя, судя по всему, не является абсолютно непреодолимой. Преподавательское сообщество уже находит рецепты: в частности, Г. Здеревы пишет, что «более актуально изучение студентами не фактологии, поскольку событийную историю они изучали в школьном курсе истории, а философии истории, так как она способствует формированию самостоятельности мышления, расширяет кругозор, характеризуя основные пути развития человеческого общества, и, в значительной степени, упорядочивает реальное историческое пространство» [Здеревы, URL]. И в данном случае количество часов не должно являться помехой.

Здесь, однако, возникает другая проблема, уходящая корнями в школьное образование. Уже давно мы слышим, что российские школьники плохо знают историю даже своей страны, не говоря уже о всемирной истории. И это, судя по всему, является правдой. Поэтому не мало бывших школьников с крайне слабым историческим багажом приходят в вузы, и преподаватели вынуждены посвящать занятия не, так сказать, движению в дальнейшем направлении, а восполнению пробелов в знании студентами истории. Кроме того, помимо слабых знаний, значительная часть студентов слабо владеет навыками поиска информации, ориентирования в ней и т.д.

Причин такому явлению множество, они носят как экономическую, так и социальную природу. Противостоять им крайне сложно, и, наверное, здесь должны произойти какие-то изменения в обществе. Ведь школа – это общественный институт.

Существуют, однако, и причины вполне «ведомственного» характера. Речь, в первую очередь, здесь идёт об особенности понимания чиновниками истории как учебного предмета и исторической науки в целом.

История в какой-то степени универсальная наука об обществе и человеке. В принципе, любая наука имеет свою историю, а значит, может являться предметом исторического исследования. Исторические дисциплины обладают значительным развивающим и воспитательным потенциалом. История учит

работать с различными источниками, вести дискуссии и аргументировать свою позицию. Современные историки достигли серьёзных успехов в объяснении многих общественных процессов, затрагивающих и современное общество. Таким образом, изучение истории интеллектуально развивает человека, учит его самостоятельному мышлению, собственному взгляду на окружающую действительность

Кроме того, история выступает в качестве мощного инструмента патриотического воспитания. И именно эта сторона предмета истории традиционно была популярна в наших образовательных программах. Это, безусловно, хорошо. Все западные страны использовали школьный курс истории для подобных целей. Особенно явно это было в период образования национальных государств в XIX в. История, безусловно, способна сплачивать народ, придавать ему силы. Но стоит помнить, что это палка о двух концах, потому что в основе подобного понимания истории лежит национальный миф. Подбираются конкретные факты, подтверждающие величие народа, его исконное проживание в данной местности и т.п. Это может произвести положительный эффект, когда маленький этнос пытается выжить в чуждом для себя окружении, как это можно наблюдать, например, в ЮАР, где музыкальное творчество популярного в среде этнических африканеров исполнителя Бока фан Блёрка, посвящённое в том числе и событиям истории Южной Африки, не только привлекает внимание указанных африканеров, но и вызывает у них подъём национального чувства. Национальный миф может иметь также и отрицательные последствия для народа, как это было в нацистской Германии, когда населению внушили чувство превосходства над другими народами, и оно позволило политической верхушке втянуть себя в губительную мировую войну. Таким образом, нужно знать не только успехи народа, но и его недостатки.

Ещё раз следует сказать, что в нашей стране за преподаванием истории по факту преобладающим мотивом виделось воспитание патриотизма. И подход к преподаванию был излишне политизирован. Такое понимание истории повлияло и на способ подачи материала учащимся. Как пишет отечественный историк И. Курилла, «историки доносят до школьников связный рассказ об историческом прошлом, прежде всего о прошлом своей страны. Этот рассказ «рифмуется» с памятниками и топонимикой, окружающими детей, и создает общее «культурное поле», позволяющее жителям России считать себя единой нацией, восходящей к общим предкам, пережившим одни и те же трагедии и одержавшим совместные победы» [Курилла, URL]. Рассказ о событиях сам по себе не так и плох, однако, очень часто он связан с чередой цифр, дат имён, сухих фактов. И интерес к этому рассказу зависит от мастерства учителя. Поэтому многие школьники не испытывают интереса к истории и не понимают, зачем нужно зубрить всё это.

Подобная ситуация осложнилась введением ЕГЭ. Трудно сказать, насколько целесообразно введение ЕГЭ для естественно-математических дисциплин, однако для истории подобный экзамен просто губителен. С одной стороны, понятна та общественная атмосфера, в которой было принято решение о введении ЕГЭ: недовольство коррупцией при приёме в вузы,

«дутые» итоговые оценки выпускников и т.д. Но устранил ли ЕГЭ эти проблемы? Возможно, вышеназванные частично да. Но возникли другие.

Дело в том, что история – это живой процесс, в котором различные факты взаимосвязаны. Их связи могут быть самые необычные, они могут иметь разную трактовку, в зависимости от подхода. ЕГЭ же фрагментирует историческое знание. Оно превращается в набор слабо связанных дат, имён, терминов. Учащиеся не высказывают свою точку зрения, не аргументируют её, не привлекают знания других дисциплин, что происходит при традиционной сдаче экзамена по билетам. Они выучивают готовые ответы. Поэтому, придя в вуз, они просто не умеют разговаривать.

С пониманием истории исключительно как инструмента воспитания патриотизма видится ещё одна проблема. Речь идёт о так называемом едином учебнике истории. Саму идею единого учебника впервые высказал президент В.В. Путин 19 февраля 2013 г. Как подчеркнул глава государства, учебники должны быть «построены в рамках единой концепции, в рамках логики непрерывной российской истории, взаимосвязи всех ее этапов, уважения ко всем страницам нашего прошлого» [Российская газета, URL].

Эта идея вызвала целый ряд критики в научном сообществе, а также общественности (заявление КГИ). Летом 2014 г. Министерство образования и науки отказалось от идеи единого учебника, но решило перейти к единому историко-культурному стандарту, на основании которого должны будут писаться учебники.

Что здесь важно для нас? Введение единого учебника или некоего единого стандарта подразумевает утверждение единого подхода к пониманию истории. Об этом и говорил президент. Дать оценку единому подходу к преподаванию истории можно по-разному. Для этого необходимо понять мотивы инициаторов этого перехода. Теоретически, с одной стороны, это может означать, что российское общество достигло некоего консенсуса (в культурной, экономической, политической сферах, преодолело национальные, социальные противоречия и т.д.). В этом случае единый подход не только имеет место быть, но даже желателен: сплочение народа, так сказать, закрепляется исторически. То есть, в таком случае мы видим, что подобная практика является запросом самого общества.

С другой стороны, утверждение единого подхода в преподавании истории может означать то, что правящая элита стремится использовать историю для укрепления своей власти. Однако и этот вариант нельзя оценить однозначно. Во-первых, опять-таки, теоретически это может быть связано с так называемой «модернизацией сверху», когда правящая элита осознаёт необходимость перемен в стране и проводит комплекс политических, экономических и культурных мероприятий, направленных на модернизацию общества. В данном случае элита осознаёт всю сложность своей деятельности, готово взять на себя ответственность за дальнейшую судьбу вверенного ей народа. И история в этом деле может быть теоретическим ядром этих мероприятий (реформ). Что-то похожее было в России во времена петровских реформ. Есть аналогия с революцией Мэйдзи в Японии и т.д. В этом случае к подобной практике можно

отнестись с пониманием. Однако создание положительного образа народа и страны должны сопровождаться успехами в экономике, политике, борьбе с коррупцией и т.д. Обществу должны ставиться некие цели, должен быть предложен проект нового человека.

Во-вторых, утверждение единого подхода может происходить с целью укрепления власти правящей элиты, для чего нужно устранить иные точки зрения, прежде всего, на историю. В данном случае обществу навязывается положительный образ страны для того, чтобы отвлечь его от насущных проблем.

Российское общество проходит сегодня стадию становления. Россия старается занять своё место в меняющемся мире. Поэтому действия властей по реализации этого проекта вызывают неоднозначное толкование. Часть населения критикует экономическую, культурно-образовательную политику правительства. Существует определённая поляризация мнений по различным внешнеполитическим вопросам. Следовательно, в этой атмосфере идея единого подхода также вызывает критику. Однако у другой части населения вызывает симпатию стремление властей сделать Россию заметной в мире страной, сплотить народ. Поэтому отношение к некоторой стандартизации понимания истории, можно сказать, достаточно положительное. Таким образом, адекватно оценить данную идею будет возможно только спустя некоторое время.

У преподавателей вузов эта идея вызывает тревогу, так как она может сказаться на свободе научного и педагогического творчества. Примером может служить «дело» петербургского историка К.М. Александрова, 1 марта 2016 г защитившего докторскую диссертацию по теме «Генералитет и офицерские кадры вооружённых формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг.» в Санкт-Петербургском институте истории РАН.

Таким образом, утверждение единой концепции преподавания истории вызывает опасение преподавательского сообщества, так как у некоторых чиновников может возникнуть желание контролировать учебный процесс, и это может сказаться на качестве преподавания. Проблема «правильного» и «неправильного» знания может стать актуальной.

В эпоху развития интернета бессмысленно что-либо скрывать от общества. Такие действия чиновников с одной стороны, и жажда познания с другой подталкивает молодых людей к чтению так называемой «альтернативной истории», называемой в научных кругах «фолк-хистори», и к презрительному отношению к так называемой «официальной истории». Например, сегодня вызывает у некоторой части нашего общества вызывает интерес псевдоисторическая деятельность артиста М.Н. Задорнова, академика-математика А.Т. Фоменко и подобных им. Всё это сказывается на учебном процессе.

Это лишь часть существующих в современной высшей школе проблем, связанных с преподаванием истории. Возможно, некоторые из них будут решены (как мы видим, часть уже решается). В частности, как уже говорилось, малое количество часов можно будет компенсировать за счёт концентрации внимания на философии истории. Кроме того, в условиях перехода к Болонской

системе вопросы истории могут освещаться через различные подходы. Как пишет И. Курилла, «историческая наука сегодня не ставит своей задачей создание неких единых нарративов или отбор «важных фактов». История представляет собой непрерывный диалог современности с прошлым, в котором познающий субъект, задающий прошлому вопросы» [Курилла, URL]. И это поможет воспитать действительно мыслящих людей.

Литература:

Заявление комитета гражданских инициатив об общенациональном учебнике истории // URL: <https://komitetgi.ru/news/news/434/#.UYa3ArUqyKp>

Здерева Г. Современные проблемы методологии исторической науки и преподавания истории в вузе // URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=1161>

Курилла И. Дорога в никуда? // URL: <http://trv-science.ru/2013/04/09/doroga-v-nikuda/>

Рах Африкана: континент и диаспора в поисках себя. Отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2009. – 439 с.

Российская газета. Президент: учебники истории должны иметь единую концепцию // URL: <https://rg.ru/2013/04/25/uchebnik-anons.html>

Семенова Н. А.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВРЕМЕННОГО ТРУДОУСТРОЙСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ГРАЖДАН В СВОБОДНОЕ ОТ УЧЕБЫ ВРЕМЯ

Трудоустройство несовершеннолетних является одним из важных направлений работы МОБУ «Сясьстройская СОШ №2». Летняя занятость подростков стала традиционной. Приоритетом при трудоустройстве пользуются дети из неблагополучных семей, семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, или состоящие на учете в Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Целью реализации мероприятий по организации занятости школьников является профилактика детской преступности и правонарушений, предупреждение детской беспризорности, приобщение несовершеннолетних к общественно-полезному труду, получение профессиональных навыков, умение подростков ориентироваться в условиях современного рынка труда. Труд – главная сфера самоутверждения личности. Главная, но не единственная. И если человек не может найти себя в труде, то ищет другие способы реализации своего «Я» и находит их в бесцельном времяпрепровождении, в ложном самоутверждении, в потребительском образе жизни. Поэтому очень важно занять молодых людей, воспитать в них трудолюбие, дать навыки трудовой

активности, а кого-то, возможно, уберечь от совершения правонарушений и преступлений.

Необходимость привлечения подростков на время летних каникул к труду вполне оправдана.

Молодые люди приобщаются к труду, получают профессиональные навыки, *приучаются к ответственности, учатся рационально распределять свое свободное время*, адаптируются на рынке труда, что, безусловно, поможет им в дальнейшей жизни. Кроме того, трудоустройство подростков смягчает социальную напряжённость в молодёжной среде, снижает уровень правонарушений. Работа помогает подросткам обрести уверенность в себе, найти новых друзей, воспитывает чувство локтя, умение работать в коллективе. А ещё для современного подростка это возможность почувствовать, насколько ценны деньги, заработанные собственным трудом.

Мы понимаем высокую социальную значимость трудоустройства подростков, поэтому информационной, просветительской, организационной работе как с несовершеннолетней молодежью, так и с организациями уделяем особое внимание. Активно взаимодействуем с Комитетом общего и профессионального образования Ленинградской области, специалистом по работе с молодёжью при Администрации МО «Сясьстройское городское поселение», с инспектором ОПДН ОМВД, членами КДНиЗП по Волховскому району.

По вопросам трудоустройства школьников прделывается большая подготовительная работа. Проводятся рабочие встречи с руководителями организаций, формируется банк вакансий предполагаемых временных рабочих мест, определяются объёмы работ, заключаются договоры об организации временной занятости подростков.

Основные виды работ для подростков определены в соответствии с действующим законодательством РФ, относятся к категории легкого труда, не причиняющего вреда их здоровью. Активно в этом нам помогают Волховский центр занятости населения, ГУ и Муниципальное бюджетное учреждение «Городская служба благоустройства – Парк» уже не первый год они предоставляют рабочие места нашим подросткам. Только в 2014 – 2015 учебном году для учащихся, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, – 28 мест.

Безусловно, данная работа способствует снижению роста правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, и даёт положительные результаты. За 3 года произошло снижение количества учащихся, состоящих на различных видах учёта:

учебный год	количество, состоящих на учете на начало год/конец года		
	КДН и ЗП	ОПДН ОМВД	внутришкольный учёт
2012-2013	4/8	2/5	21/33

2013-2014	9/3	6/2	33/15
2014-2015	4/0	6/0	21/14

Местными органами власти совместно со школой данной проблеме уделяется много внимания, но, к сожалению, видимо, этого недостаточно, и трудоустройство несовершеннолетних остаётся одной из актуальных проблем школы. Обусловлено это тем, что:

1. ограниченное количество работодателей готовых принять несовершеннолетних на работу;
2. перечень работ, в которых могут быть задействованы несовершеннолетние, весьма ограничен;
3. недостаточное число вакансий;
4. падения престижа производительного труда;
5. нежелание работодателей из-за многих различных ограничений и большой ответственности.

Таким образом, для устранения проблемы необходимо:

1. создание системы условий, которые будут способствовать более успешному трудоустройству несовершеннолетних;
2. устранение существующих противоречий между правовыми актами, в связи, с которыми возникают проблемы при их применении и защите прав несовершеннолетних работников.

Решение проблемы по трудоустройству несовершеннолетних может разрешить многие другие их проблемы.

Именно повышенное внимание, заинтересованность и сотрудничество в решении проблемы летней занятости несовершеннолетних являются инструментами для успешного выхода из ситуации.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующий вывод: существующей проблеме должно уделяться внимание со стороны власти всех уровней, должностных лиц, общественных организаций и иных структур, в сфере деятельности которых входят эти вопросы.

Зорькина Н.В.

ПРОБЛЕМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ШКОЛЫ

Внимание педагогов к проблеме воспитания активной самостоятельной личности обусловлено основной задачей педагогики. Эта проблема волновала педагогов многие века, ее актуальность в начале XXI века связана с воспитанием активной личности, способной к дальнейшему самообразованию, самореализации и адаптации к быстро меняющимся условиям социума. Процесс воспитания активной личности неразрывно связан с проявлением инициативы.

В педагогике и психологии в процессе изучения инициативы как явления однозначного понимания не сложилось. С одной стороны, инициатива - это **идея**, необычное предложение для решения проблемной ситуации, задачи. Здесь понимание «инициативы» соотносится с понятием **«креатив» (И)**; («как новаторское предложение личности», «она определяется как побуждение к новым формам деятельности, почин, начинание, умение») [Терских, 2012]. С другой стороны, инициатива- это **поведение человека** по воплощению собственной идеи в реальность. **(И)** Это поведение личности, характеризующееся внутренним стремлением выполнить определенную деятельность без побуждения к этой деятельности извне. В этом случае «инициатива» близка к понятиям **«творчество», «созидание»**, обозначающим процессы деятельности. Поэтому «инициатива - деятельность личности по реализации этого предложения с целью авторского изменения окружающей действительности и себя в ней» [Терских, 2012]. М. Г. Гинзбург понимает под интеллектуальной инициативой внешне не стимулированное стремление человека к аналитической деятельности, результатом которой является обнаружение закономерностей, и рассматривает инициативу как сверхнормативную деятельность, чувство нового, находчивость и лёгкость ориентировки, склонность к преобразовательской деятельности и т.д. [Гинзбург, 1997]. Ряд исследователей под инициативой понимает **направленную активность личности** (инициативное **отношение** к деятельности)**(А)**. К.А. Абульханова-Славская определяет инициативу как форму самовыражения личности, проявление встречной активности по отношению к другому человеку. Е.А. Погонина под инициативой понимает форму активности, которая является причиной начала и развертывания деятельности [Погонина, 1987]. «Под инициативой следует понимать форму социальной активности старшеклассников, направленную на их самоопределение и самореализацию в системе социальных отношений» [Коновалова, 2006].

Богоявленская Д. Б. ввела понятие интеллектуальной инициативы в связи с познавательной активностью [Богоявленская, 1973]. «Однако и инициативное отношение к деятельности отличается от инициативности как устойчивой черты личности, поскольку может быть спонтанным, неорганизованным, обладать ситуативностью и импульсивностью. Даже для инициативной деятельности ещё характерна зависимость от стихийно складывающихся внутренних побуждений, случайных обстоятельств. Ситуация может стать причиной инициативного поведения даже пассивного человека. Именно совокупность определённых объективных и субъективных условий и факторов создаёт настрой личности на проявление инициативы в ситуации» [Терских, 2002]

Исследователи отмечают, что высшей формой проявления инициативы является **инициативность как качество личности (К)**.

В современном педагогическом процессе школы проблема изучения инициативы, познавательной в частности, исследована относительно школьников 1 ступени. Познавательная инициатива обучающихся 2 и 3

ступени обучения исследована и описана в связи с профессиональным самоопределением старшеклассников. [Зорькина, 2010]. Однако как самостоятельность, так и познавательная инициатива старшеклассников не ограничивается сферой профессиональных интересов, она гораздо шире, поэтому проблема изучения и формирования познавательной инициативы старшеклассников не теряет своей актуальности.

Современное образовательное пространство школы создает условия для проявления старшеклассниками познавательной инициативы в разных пониманиях этого явления и в зависимости от потребностей личности. В таблице 1 представлены формы проявления познавательной инициативы и соотнесены с типами инициативы, выделенными учеными.

Таблица 1. Проявление познавательной инициативы старшеклассников.

Форма проявления познавательной инициативы старшеклассников в образовательном пространстве школы	Тип инициативы	Педагогические приемы и методы
<p>В урочной деятельности:</p> <p>1. Анализ научной информации; научное наблюдение.</p> <p>2. Выполнение дополнительных заданий, самостоятельная работа над изучением научного явления.</p> <p>3. Выполнение творческих заданий: выступление с презентацией по заранее полученной информации; выступление с оригинальным текстом и\или проектом.</p>	<p>1. креатив,</p> <p>2. креатив, поведение,</p> <p>3. креатив, поведение, активность</p>	<p>Метод проектов, проблемное обучение</p>
<p>Во внеурочной деятельности:</p> <p>1. участие в предметных олимпиадах ВПО* школьного уровня;</p> <p>2. участие в дистанционных предметных олимпиадах;</p> <p>3. участие в предметных олимпиадах ВПО* муниципального уровня;</p> <p>4. участие в предметных олимпиадах ВПО* регионального уровня;</p> <p>5. посещение кружков и факультативов, элективных курсов;</p> <p>6. дистанционное обучение;</p>	<p>1. креатив, поведение,</p> <p>2. креатив, поведение,</p> <p>3. креатив, поведение, активность</p> <p>4. креатив, поведение, активность;</p> <p>5. креатив, поведение, активность;</p> <p>6. креатив, поведение,</p>	<p>Педагогическая поддержка, метод проектов</p>

7. участие в творческих конкурсах;	активность; 7.креатив, поведение, активность, качество;	
8. участие в научно-практических конференциях и проектах;	8.креатив, поведение, активность, качество;	
9. самостоятельная познавательная деятельность старшеклассника в процессе подготовки к итоговой аттестации.	9.креатив, поведение, активность, качество;	

*ВПО – Всероссийская предметная олимпиада.

Старшеклассник имеет возможность проявить познавательную инициативу в урочной деятельности и во внеурочной деятельности.

Проявление познавательной инициативы на уроке ограничено по времени, на проявление познавательной инициативы влияет количество участников. Проявление познавательной инициативы на уроке может быть отражено в классном журнале в форме отметки. Выявить инициативных обучающихся по предмету возможно, если у обучающегося количество отметок выше среднего по классу. Однако классный журнал не предоставит полной картины инициативности обучающихся на уроке. По результатам проведенного исследования, инициативны на уроке 17-23% обучающихся, то есть третья часть обучающихся на уроке не проявляют инициативу, неактивны.

Внеурочная деятельность позволяет старшекласснику проявлять познавательную инициативу сообразно своим познавательным интересам и личностным запросам. Возможности внеурочной деятельности значительно шире вследствие отсутствия временного ограничения, а также вследствие реализации индивидуального подхода. Формы деятельности, позволяющие проявить познавательную инициативу, также описаны в таблице 1. В результате исследования документов МОБУ «Волховской средней общеобразовательной школы №1» за 5 лет с 2010 по 2015 год по проявлению познавательной инициативы старшеклассников были получены следующие результаты (таблица 2).

Таблица 2. Результаты проявления познавательной инициативы старшеклассников во внеурочной деятельности.

Виды внеурочной деятельности	Результаты исследования
1. участие в предметных олимпиадах ВПО* школьного уровня;	5-7% от числа обучающихся
2. участие в дистанционных предметных олимпиадах;	Максимальное количество 30% от числа обучающихся

3. участие в предметных олимпиадах ВПО* муниципального уровня (результат – победители);	16-35% от количества участников
4. участие в предметных олимпиадах ВПО* регионального уровня (результат – победители);	От 2 до 7 обучающихся
5. посещение кружков и факультативов, элективных курсов;	Посещение -90%, активность – 17-23% от количества записанных обучающихся
6. дистанционное обучение;	8-10% человек от числа обучающихся
7. участие в творческих конкурсах;	7-8 человек
8. участие в научно-практических конференциях и проектах;	4-5 человек
9. самостоятельная познавательная деятельность старшеклассника в процессе подготовки к итоговой аттестации.	Не отражается

Данные таблицы показывают, что активны и инициативны в обучении около 20% старшеклассников. Однако результаты опроса самих старшеклассников показывают, что старшеклассники считают себя активными именно в обучении (78% активны в обучении, 75% активны по характеру, 39% в социальной сфере) [Зорькина, 2015]. Низкий уровень инициативности старшеклассников показывает, что возможности, предоставленные школой, старшеклассниками либо не используются, либо используются не в полной мере.

Проблемы в проявлении активности и познавательной инициативы старшеклассниками можно разделить на несколько групп.

Психологические:

Личностные:

- личностные особенности обучающихся;
- личностные особенности педагогов.

Мотивационные:

- мотивация обучающихся;
- мотивация педагогов.

Организационные:

Наполняемость класса ограничивает обучающихся в проявлении самостоятельности;

Ограниченное количество часов внеклассной деятельности, заложенной в учебный план;

Нехватка педагогических кадров;

Высокая нагрузка педагогов;

Техническое оснащение кабинетов.

Педагогические:

Повышение квалификации педагогов;
Интеграция научного и практического знания.

Социальные:

Востребованность активных людей;
Нарастающая пассивность общества;
Недоверие к образованию в целом.

Реформы, проводимые в области образования, направлены на решение выделенных проблем, однако требуются более радикальные изменения. Кроме того, необходимы изменения отношения общества к образованию, повышение доверия к педагогам в целом.

Литература:

1. Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов-на-Дону, 1973. – 176 с.

2. Гинзбург М.Г. М. Г. К проблеме мотивационных компонентов интеллектуальной инициативы // Вопросы психологии. 1976. № 4. С. 128–132.

3. Зорькина Н.В. Инициативность личности как педагогическая проблема // Образование: ресурсы развития. «Вестник ЛОИРО», 2010, №4. Информационное научно-методическое издание. ЛОИРО. – С. 73-77.

4. Зорькина. Н.В. Особенности восприятия познавательной инициативы старшеклассниками и учителями // Письма в Эмиссия. Оффлайн (TheEmissia. OfflineLetters): электронный научный журнал. 2015. №9 (сентябрь). ART 2412. URL: <http://www.emissia.org/offline/2015/2412.htm>.

5. Коновалова Т.В. Содержание обучения будущих социальных педагогов технологии педагогической поддержки инициативы старшеклассников. Вестник СамГУ, 2006, №5\2 (45)

6. Погонина Е.А. Психологические особенности инициативы старших школьников в общественной деятельности и условия ее развития: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 – Брянск, 1987. – 18 с.

7. Терских Н.В. Проблема формирования инициативности как качества личности будущего учителя в учебном процессе. Ежегодник КГПУ, 2002. т1: «Преподавание в высшей школе». С. 307-311.

8. Щукина Г.И. Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе: Учебное пособие для студ. пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1979. - 160с.

Гапанович С.О. (Санкт-Петербург)

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ЛОВУШКИ
В МИРЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ ИЛЛЮЗИЙ**

В современных условиях вопросы, которые вызывает стремительное развитие информационного пространства, приобретают все большую актуальность. Сформулируем два вопроса. Первый: существует ли предел информационной

нагрузки на человеческое сознание и мышление? И второй: каким именно образом осуществляется «давление информации» на человеческое и, что особенно важно, на детское сознание? [Тарасова, 2015].

На первый вопрос можно уверенно дать утвердительный ответ – да, существует. Достижение этого предела, как было показано еще в прошлом веке, приводит к формированию невротических состояний [Хананашвили, 1978], на массовое развитие которых и указывает современная медицинская статистика. Резкий рост объема доступной информации совершенно очевидным образом превышает обрабатывающие и аналитические возможности, да и возможности прямого восприятия тоже.

Ответ на второй вопрос требует обращения к биологическим основам человеческого поведения. В рассуждениях о роли информационного пространства (или информационной среды) в жизни современного социума зачастую принято рассматривать информационные потоки лишь как искусственное явление, что не вполне верно. С позиций биологии, информационный обмен существует на любом уровне биосферы, а человечество – лишь часть биосферы, хотя и совершенно особенная часть, для которой информационный обмен имеет совершенно особенное значение. С точки зрения психологии или социологии, под информационной средой общества вполне можно понимать «сферу жизни людей, связанную с созданием, преобразованием и потреблением информации», при этом «информационная среда, являясь *частью рукотворной реальности*, детерминирует условия информационного существования человека» [Дружилов, 2013]. С позиций биологии, следует уточнить, что «нерукотворная» реальность также является источником информации, причем для получения и усвоения информации именно в естественной среде обитания эволюционно приспособлены наши органы чувств и наш мозг. Способность человека усваивать и использовать информацию, полученную из внешней по отношению к организму среды (пространства), опосредована эволюционно закрепленными в генетике, в поведении, в культуре стереотипами и навыками.

Эти поведенческие стереотипы (иногда говорят об инстинктах) обуславливают в конечном счете не только возможности усвоения информации, но и (в том, что касается искусственных потоков информации «в рукотворной реальности») способы подачи информации, ее интенсивность и т.п. Без обращения к биологическим основам поведения человека невозможно понять и правильно оценить причины, по которым современные IT-технологии приобрели в жизни современного общества столь важное значение, обсуждению которого уделяется так много внимания. И в тех случаях, когда человек сам, сознательно и активно, разыскивает какие-то сведения, и в тех, когда он становится жертвой манипулятивного воздействия, и когда речь идет о болезненном пристрастии (интернет-зависимости), мы говорим об информационном воздействии на человеческую психику. Такое воздействие (или взаимодействие) обуславливается интегративным комплексом поведенческих реакций, так называемой «поисковой активностью». Именно поисковую активность следует считать основой поведения человека, тем самым «основным инстинктом», который действительно направляет человеческое внимание. На повседневном, обыденном уровне поисковая

активность соответствует таким формам человеческого поведения, как любознательность, любопытство (у животных имеются эволюционно соответствующие программы поведения, ориентировочный рефлекс и т.д.). Эта форма поведения является важнейшим фактором адаптации к условиям окружающей среды, показателем физического и душевного здоровья, а также движущей силой саморазвития человека [Ротенберг, 1984]. Таким образом, стремление к поиску новых впечатлений заложено в самые основы человеческого поведения, а мелькание цветных картинок на экране перед глазами зрителя (или «юзера») имитирует такой поиск. В былые годы телевидение, а в наше время интернет и компьютерные игры становятся своеобразным суррогатом поисковой активности, на подсознательном уровне замещая ее и вызывая тем самым положительные эмоции, которые, включая биохимические механизмы в организме человека, получают закрепление как привычный и нетрудный путь к получению необязательно осознаваемого удовольствия и формируют самую настоящую зависимость. По всей вероятности, именно таким является механизм образования «интернет-зависимости», «информационной наркомании» и прочих podobных психологических состояний и девиаций поведения.

Перенасыщение сознания готовыми образами сначала способствует формированию «экранной зависимости», а затем провоцирует утрату психикой способности самостоятельно генерировать образы. В настоящее время монитор компьютера (ноут- или нетбука, экран планшета, айпада или айфона) с успехом заменил собой экран телевизора, а о негативном воздействии на психику чрезмерного увлечения просмотром ТВ достаточно много написано еще в прошлом веке. Уже тогда отмечалось, что телевидение беспардонно эксплуатирует естественные человеческие потребности и способности. Формируемая у телезрителя привычка пользоваться ТВ-картинками и перегрузка его сознания готовыми образными структурами в конечном счете отучает от самостоятельной интерпретации событий, их оценки и мировидения. В наши дни интернет с помощью все умножающегося количества технических средств перехватил у телевидения сомнительное первенство по разрушительному влиянию на человеческую психику. Особенно опасно его воздействие на еще несформировавшуюся личность и психику детей и/или подростков. «Стихийное и массовое увлечение интернетом привело к появлению разнообразных социальных, психологических и культурных девиаций в поведении и процессе социализации детей и молодежи» [Тарасова, 2015].

Весьма драматичным представляется изменение типа личности в результате систематического взаимодействия с компьютером в детстве — на этапе ее формирования. Психологи и педагоги, анализируя личности подростков, сформировавшиеся под влиянием IT-технологий и социальных сетей, отмечают их высокую пластичность, отсутствие в них устойчивых структур, формируемых лишь самостоятельными усилиями и глубоким самостоятельным «проживанием» событий собственной жизни. Возможность получать требуемые эмоции в готовом виде не только не развивает способность к сопереживанию и ведет к формированию «социальных аутистов», личностей с ослабленными обратными связями. Отсутствие необходимости в собственных усилиях для получения

эмоций атрофирует волевые качества (часто при наличии упрямства и энергии) и всю сферу, связанную с самосознанием. С учетом того, что главным критерием разума как такового является именно способность к сознательному целеполаганию, в стратегической перспективе вырисовывается вопрос о самом сохранении разумности человека в ее привычной для нас интерпретации [Делягин, 2015].

К сожалению, негативное влияние информационных технологий на подрастающее поколение не ограничивается рамками психологических воздействий. В раннем детском возрасте привычка наблюдать за движением картинок на экране (расположенном на фиксированном расстоянии, то есть в руках) отнюдь не способствует формированию зрительно-моторной координации, являющейся важнейшим этапом психофизического развития ребенка. В подростковом возрасте, как известно, формирование «психологического паттерна» личности развивается синхронно физиологическим переменам, гормональной перестройке растущего организма. Именно в этом возрасте происходит взросление, социализация личности, которая традиционно обеспечивалась общественными институтами: семьей и системой образования. Однако в современном социуме роль этих общественных институтов начинают играть средства массовой коммуникации и, в первую очередь, – интернет, все более усиливая свое влияние на мировоззрение, формируя определенные установки и, более того, программируя подростка на определенные поступки [Кувшинова, 2015]. Есть вещи, быстрое овладение которыми со стороны детей должно вызывать у взрослых не восторг, а ужас. Весь сектор “компьютерной культуры” относится как раз сюда <...> Компьютеризация школы, кстати, вообще является преступлением. Да и дома компьютер должен быть только для взрослых <...> Дети и подростки должны быть полностью выключены из компьютерного поля, до тех пор, пока наша цивилизация морально не созреет для того, чтобы ее дети с пеленок понимали пагубность некоторых действий, а взрослые – аморализм наживы на детской незрелости [Кирвель, Стрельченко, Балахонская, 2015].

Кроме всего этого, детство, проведенное за компьютером, лишая подростков как минимум части «живого» общения со сверстниками, искажая процесс социализации, приводит к нарушениям в будущем половом поведении. Весьма вероятно, что именно депривация «живого» общения в условиях современной мегаурбанизации и приводит к массовым отклонениям в сфере гендерного поведения. С одной стороны, можно констатировать, что современный мир подвергся глобальной тинейджеризации, в которой юношеские ценности вышли на передний план [Сунягин, 2015]. С другой, подобное явление указывает на своеобразную «неспособность повзрослеть» у целого поколения. Злободневность подобных вопросов лишь усиливается день ото дня, от нашей способности найти ответы на них зависит будущее духовно-экологической цивилизации XXI века [Кирвель, Стрельченко, 2015]. Парифразируя печальную шутку А. Эйнштейна, можно сказать: либо цивилизация ближайшего будущего будет духовно-экологической, либо ее не будет вовсе. Именно с целью сохранения шансов на

счастливого будущее следует не «демонизировать» IT-технологии, а пытаться разработать более разумные методы их использования.

Пока же вал «инноваций», «модернизаций» или «оптимизаций» превратился в технико-бюрократическое безумие. Приобретение студентами навыков научно-рационального творческого мышления становится ненужным занятием. Повсеместное насаждение тестов непосредственно связано с процессом компьютеризации образования. В своем пределе вся эта электронизация имеет тенденцию к исключению из образования живого человека (педагога), к превращению процесса обучения исключительно в автоматический. Если прибегнуть к рассуждениям в духе философии постмодернизма, то можно сказать, что за «смертью автора» наступает «смерть педагога» и «смерть оратора-докладчика» (презентации делают излишними всякое ораторское искусство). Иначе говоря, чрезмерное насаждение современных информационных технологий в образовательную сферу оборачивается игнорированием личностного начала в образовании, ведет к обезличиванию преподавания, отдаляет учителя от ученика [Кирвель, Стрельченко, Балахонская, 2015].

Предварительным итогом настойчиво декларируемого перехода к «информационному обществу» и связанному с этим экспоненциальному увеличению объема передаваемой информации можно считать появление информационной экологии и термина «информационное загрязнение», под которым понимается «поток дисгармоничной, хаотической, разрушительной информации, воздействующей на человека преимущественно через его зрение и слух» [Дружилов, 2013]. Нужно заметить, что информация может воздействовать «разрушительно», даже не будучи «хаотической» - просто в силу чрезмерности своего объема. Социальные последствия информационного загрязнения вполне сопоставимы с негативными последствиями химических и прочих видов загрязнений среды обитания человека, оказывая существенное влияние на его физическое и психическое здоровье [Дружилов, 2013]. Вряд ли можно рассчитывать, что столь серьезные изменения информационной среды обитания не приведут соответственно к не менее серьезным изменениям эволюционно выработанных у *Homo sapiens* программ поведения и что подобные изменения не получат закрепления на генетическом уровне. «Развоплощение плоти», особенно заметное сейчас на фоне массового вторжения в жизнь коммуникационных средств, стало своеобразным показателем перехода человеческой цивилизации в состояние, определяемое столь характерной для нашего времени приставкой «*post-*»: *постмодерн, постиндустриальное общество, постчеловечество...* [Иванов, 2015] Остается лишь продолжить этот ряд – *Homo postsapiens...* В истории человеческой цивилизации прошлый информационный взрыв был связан с распространением книгопечатания и кризисом систем управления, что в конечном счете привело к Реформации с ее чудовищными религиозными войнами; нынешние последствия остаются неопределенными, и остается только надеяться, чтобы не столь же масштабными и разрушительными [Деягин, 2015].

Литература:

Деягин М. Чего мы не знаем? // Свободная мысль», №1, 2015.

Дружилов С.А. «Загрязненность» информационной среды и проблемы психологического здоровья личности // Современные наукоёмкие технологии. №4, 2013. С. 89-92.

Иванов С.Г. Идеиные и философские корни постмодерна // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. №2 (220) 2015, С. 116-125.

Кирвель Ч.С., Стрельченко В.И. Идея духовно-экологической цивилизации как территория антропологической перспективы // Инновационно-креативная аксиосфера и стратегии образования. Сборник научных трудов. Главный редактор К.В. Султанов. С-Пб, 2015. С. 23-31.

Кирвель Ч.С., Стрельченко В.С., Балахонская Ю.В. Компьютеризация образования: проблемы и противоречия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, №3 (67), 2015.

Кувшинова Б.С., Манипуляция сознанием подростка при помощи рекламы и ее профилактика // Территория детства: образовательные практики и манипулятивные технологии. Сборник научных трудов. Гл. ред. К.В.Султанов. С-Пб, 2015. С.92-96.

Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Поисковая активность и адаптация. М.: Наука, 1984.

Сунягин Г.Ф. Гендерный проект становления и эволюции «человека разумного» // Тинэйджеры в пространстве гуманитарных технологий. СПб, 2015. С. 265-276.

Тарасова О.И. Электронное детство и феномен интернет зависимости // Тинэйджеры в пространстве гуманитарных технологий. СПб, 2015. С. 127-132.

Хананашвили М.М. Информационные неврозы. Л.: Медицина, 1978.

Семенова Е.В. (Воронеж)

О ВАЖНОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Экологическое воспитание в наши дни становится важнейшим условием выживания человечества. Главной причиной экологического кризиса является безнравственное, бездуховное отношение к природе. Только общая духовно-нравственная перестройка, переориентация самого человека, изменение его отношения к миру, к земле, труду может привести к замене бесперспективной тактики "латания дыр" (пустыни - орошать, болота - осушать, выхлопные газы - очищать и т.д.) научно обоснованной и морально оправданной "стратегией выживания". В связи с этим огромное значение приобретает программа экологического образования и воспитания на всех этапах обучения.

Экологическое образование осуществлялось уже в древних цивилизациях Запада и в особенности Востока. Экологическая составляющая была частью общей картины мира основоположников философии: Конфуция, Лао-цзы, Демокрита, Аристотеля. В Новое время экологическое образование сопутствует зарождению и развитию экологической науки, особенно после

введения в оборот самого термина «экология» Э.Геккелем в 1866 г. Наше российское экологическое образование имеет давние традиции. Усилиями таких светил отечественного естествознания, как А.Н. Бекетов и К.А. Тимирязев, их педагогическими работами в конце XIX - начале XX в. был создан естественнонаучный фундамент экологического образования. В настоящее время проблема непрерывного экологического образования становится жизненно необходимой, т.к. только таким образом можно не только разрешить современные проблемы, но и заложить основы для выживания человечества в будущем.

Единственный способ избежать ошибок прошлого и не повторять их в будущем – экологическое образование, главной задачей которого становится формирование нового *экологического сознания* как способа гармонизации отношений человека с окружающей средой. Экологическое сознание должно побуждать человека оценивать свои поступки не только с позиций общечеловеческих ценностей, но и с точки зрения экологических ценностей, т.е. исходя из их влияния на окружающую среду и биосферу в целом.

В силу жизненной важности экологической проблематики обязательным принципом методологии экологического образования должен стать принцип его непрерывности. Экологическое образование в настоящее время принято рассматривать как единую систему, основными компонентами которой выступают формальное (дошкольное, школьное, среднее специальное и высшее) образование и неформальное образование взрослого населения. Но при этом основным в методологии преподавания экологии в школе и вузе объявляется междисциплинарный подход, который, как правило, опускает этико-философскую составляющую экологического сознания. Между тем только философский подход к образованию в широком социокультурном контексте [Фомин, 2007; Фомин, 2013, с.66-77; Фомин, 2015] может дать отдельным наукам общую теорию экологического кризиса и стратегию его преодоления [Фетисов, 1998].

Особое место в системе экологического образования принадлежит техническим вузам. Это связано с тем, что в данные учебные заведения поступают люди, увлеченные техникой, которая олицетворяет для них средство власти над природой. Следовательно, следует, прежде всего, не допустить формирования у них философии «господства над природой», «заразить» их идеями эгоцентрического мышления, которое позволяет осознать себя как неотъемлемую часть биосферы, научиться строить свою деятельность в техносфере согласно экологическому императиву. Особенно важно это для работников техносферы, непосредственно использующих природные процессы и явления в качестве промышленных ресурсов. Система образования должна быть построена таким образом, чтобы в свете определенных нравственных установок помочь студенту сформировать навыки поведения и научить предвидеть последствия своей профессиональной деятельности для человека и биосферы [Семенова, 2014].

Проблемой экологического воспитания заинтересовались и представители педагогической науки. Предлагают ввести такую учебную дисциплину, как

«Прикладная техносферная рискология», которая должна наглядно демонстрировать студентам технических вузов потенциальную опасность их профессиональной деятельности. Е.В.Муравьева предлагает весь учебный процесс в технических вузах подчинить следующим требованиям:

- интегрирование базового технического и экологического образования;
- выделение в содержании образования фактов, понятий, закономерностей, законов взаимодействия биосферы и техносферы;
- взаимодействие разных способов познавательной, научно-исследовательской и практической деятельности студентов инженерно-технических специальностей;

- использование технологий развивающего, проблемного, деятельностного и личностно-ориентированного обучения студентов инженерно-технических специальностей;

- создание условий для творческого развития и саморазвития студентов инженерно-технических специальностей, формирование у них личностно значимой ответственности за сохранение и улучшение экологического состояния окружающей природной среды [Муравьева, 2006]. Можно согласиться с данным подходом, но необходимо его дополнить и усилить созданием целостной программы «Экологическая этика и культура», соединяющей многообразные возможности естественных, технических и гуманитарных дисциплин, сведения о биосферных заповедниках, возможности художественной литературы и искусства как способы «достучаться» не только до ума, но и до сердца каждого студента.

Основываясь на результатах проведенного анализа, можно сделать вывод о необходимости создания в технических вузах образовательной среды, которая была бы направлена на формирование у студентов эгоцентрического сознания. Система образования должна функционировать в контексте нормативно-правовых документов, выработанных мировым сообществом и Российской Федерацией с целью преодоления экологического кризиса. Необходимость приобретения экологических знаний – это требование мирового сообщества в рамках программы устойчивого развития, что было сформулировано Европейской федерацией национальных федераций инженеров (ФЕАНИ) при сертификации программ подготовки инженеров.

Литература:

Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. -522 с.
Муравьева Е.В. Экологическая подготовка студентов технического вуза: монография. Казань: РИЦ «Школа», 2006. – 244 с.

Семенова Е.В. Экологическое образование и воспитание в вузах лесного комплекса //Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. М., 2014. Т. 2. № 2-3 (7-3). – С. 345-349.

Фетисов, В.П. Исследовательский проект «Экология и нравственность» // Экология и нравственность: матер. межвуз. науч. конф. 3-4 февраля 1998, ВГЛТА. Воронеж, 1998. С.70-77.

Фомин А.П. Педагогическое сознание в условиях виртуализации социальной реальности: Монография. М.: АПК и ППРО, 2007. – 208 с.

Фомин А.П. Образование на пути к истине // Социум. Сознание. Язык. Сборник. СПб.: ЛЕМА, 2013. С. 66-77.

Фомин А.П. Педагогические мысли философа. Очерки философии образования: Монография. СПб.: ЛЕМА, 2015. – 154 с.

ДИСКУССИЯ

Вопросы к А.П.Фомину:

Вопрос В.Н.Рогожниковой: Что Вы думаете о потенциале концепции дуального образования в плане восстановления связи образования с производством?

Ответ: Хотелось бы думать, что концепция дуального образования – это один из признаков начала оздоровления нашего образования. Связь образования с производством (не с рынком!) – это отличительная черта советской единой трудовой политехнической школы. Известно, что связь эта в СССР осуществлялась на всех уровнях образования – ПТУ, техникум, вуз (с его системой распределения выпускников).

Вопрос В.Н.Рогожниковой: Не следует ли выйти за пределы противопоставления личности и социума в педагогике? Следование крайностям непродуктивно.

Ответ: Именно это мы и предлагаем уважаемому оппоненту: выйдите за эти пределы. Ведь это именно Вы и противопоставляете «личность» и социум, отождествляя личность с индивидом. Для Вас «личность» - это атом со своим якобы независимым от социума сознанием, потребностями, интенциями и т.д. Между тем это не так! Противопоставление индивида и социума именно в отечественной теории личности и преодолевается. Крайности здесь – бихевиоризм и экзистенциализм в трактовке личности. Отечественная же школа психологии и педагогики трактовала личность как индивидуальную форму существования социального, как ансамбль социальных связей и отношений в индивидуальной психике.

Вопрос В.Н.Рогожниковой: Разве в мировоззрении не существует иррациональное и эмоциональное наряду с рациональным? Разум без эмоций механистичен!

Ответ: Разум без эмоций – это миф. Человеческий разум без эмоций не существует. Даже научную статью мы без эмоций читать не можем. Эмоциями окрашено все наше познание. И выделение в структуре психики разных компонентов (интеллект, эмоционально-волевая сфера, личность) – это лишь научный прием анализа. Человеческая психика – это целостное образование. Но не надо путать эмоции с иррациональным. Совсем другое дело, когда мы

говорим о целостных формах отражения действительности в нашем сознании. Такая форма, как мировоззрение, отличается рациональностью, системностью и непротиворечивостью, в отличие от мировосприятия и мироощущения, которые могут включать в себя все, что угодно. В том числе и иррациональные элементы. Но о человеке, чье мировоззрение включает в себя также и мировосприятие, и мироощущение, мы скажем, что у такого человека каша в голове. Это даже не эклектика, поскольку эклектика все же рациональна. Это именно каша из понятий, мифов и ощущений. Для мировоззрения же, основой которого служат мифы, есть и название – мифологическое; а для такого, которое основано на иррациональной вере, тоже есть название – религиозное мировоззрение.

Вопрос С.Г.Филипповой: Бифуркация и конвергенция – это противоположности? Возможны ли точки конвергенции в педагогике?

Ответ: Бифуркация и конвергенция – это понятия не противоположные, а несравнимые. Конвергенция – это процесс совмещения двух родственных явлений, а бифуркация – это системная качественная перестройка, направление которой не задано самой системой. Конвергенция для педагогики – естественный процесс. Так, педагогика, «конвергируя» с психологией, дает нам педагогическую психологию. Вообще, конвергенция – это природа педагогики, поскольку сама педагогика постоянно черпает знания из родственных наук. Поэтому следует говорить скорее не о «точках конвергенции», а о процессе конвергенции в педагогике. Отслеживание «площади» и глубины этой конвергенции – задача самой педагогики, ее метатеории.

Вопросы к В.Н.Рогожниковой:

Вопрос А.Н.Назарова: Вы что-то слышали о проекте «Россия 2045» и идее постчеловека?

Ответ: Слышала, но глубоко в эту тему не вникала. Насколько я понимаю, «постчеловек» есть существо, расширившее границы своей биологической природы до слияния с техникой. Поскольку биологическая природа и социально-духовная сущность в человеке взаимосвязаны, очевидно, вместе с киборгизацией человеческого тела произойдут и определенные изменения в личности человека. Но на данный момент эти рассуждения немного из области фантастики.

Вопрос А.П.Фомина: Что такое «когнитивная экономика»? Это о том, как «может быть»? Это футурология? Моделирование? Разве это наука, если нет прогноза? Каков предмет и объект этой «науки»?

Ответ: Когнитивная экономика изучает процессы, происходящие в сознании человека, и их влияние на принятие нами решений (в частности, экономического выбора). Любая наука содержит в себе элемент того, что «может быть». Когнитивная наука претендует на объективность (в традиционном смысле этого понятия), поскольку предполагает взаимодействие

экономики, биологии и психологии, а также философии сознания. Футурологией когнитивная экономика не является, а прогнозы она определенно дает. Сейчас, правда, в когнитивной экономике больше вопросов, чем ответов – например, очень актуальным является вопрос о взаимопонимании биологии и психологии, которые говорят об одном и том же предмете – сознании – на разных языках. Когнитивная экономика сейчас востребована в маркетинге (в частности, в нейромаркетинге) и вообще в бизнесе, поскольку она может предложить методы выявления механизмов принятия решений экономическими агентами.

Объектом когнитивной экономики выступает экономическое поведение человека, предметом – выяснение роли ментальных, психических и биологических процессов, происходящих в мозгу человека в процессе принятия решений (экономического выбора). Предмет когнитивной экономики в настоящее время находится в стадии определения – наука междисциплинарная, и некоторый хаос в терминологии и области исследования понятен.

Вопрос А.П.Фомина: В образовании метод проектирования доминирует потому, что экономисты «рулят»?

Ответ: Скажем так – это влияние позитивистской методологии, которая сегодня продолжает использоваться в том числе в экономике. В то же время не следует категорично осуждать метод проектирования в педагогике, поскольку в нем есть как недостатки, так и достоинства.

Вопрос А.П.Фомина: Модель человека homo economicus – это модель научная или идеологическая?

Ответ: Модель экономического человека – научная модель, но мы знаем, что наука не может быть свободна от мировоззрения ученого. Модель экономического человека идеологически построена на мировоззрении экономического либерализма. Естественно, этот факт сыграл определенную роль в оценке данной модели как внутри экономической науки, так и со стороны других дисциплин, в частности, философии.

Вопрос А.П.Фомина: Какого определения личности Вы придерживаетесь?

Ответ: Понятие личности определяет человека в аспекте единства его биологических, социальных и духовных характеристик.

Вопрос С.Г.Филипповой: Не думаете ли Вы, что проблемы экономического образования, о которых Вы говорили (модель человека, формализация и т.д.), касаются сегодня любого образования?

Ответ: Да, пожалуй, так можно сказать. Полагаю, что это связано с экономизацией (распространением экономического подхода) других социальных наук.

Вопросы к А.Н.Назарову:

Вопрос В.Н.Рогожниковой: Возможна ли и нужна ли полная деидеологизация преподавания истории в современном вузе?

Ответ: Безусловно, полной деидеологизации в преподавании истории быть не может. Базовые понятия общественных наук, например, такие, как «общество», «личность» и т.д. разными идеологиями, например, либерализмом, консерватизмом, социализмом трактуются по-разному. Следовательно, мы все равно будем, хотим того или нет, опираться на какую-либо идеологию. Под деидеологизацией, наверное, имеется в виду расширение свободы творчества историка, обращение к острым темам, не имеющим однозначного решения.

Вопрос А.П.Фомина: Есть ли в исторической науке сегодня методологическая проблема? Или история еще не дозрела до нее?

Ответ: Да, методологическая проблема есть. В начале XX в. классическая модель исторического исследования, подразумевавшая поиск объективных законов развития общества, причинно-следственных связей и т.д. зашла в тупик. Выходом из него виделась неклассическая модель или «антропологический поворот», ориентирующийся на изучение «человека в истории». Однако сегодня есть ощущение, что история в рамках «антропологического поворота» «погрязла» в мелких деталях и перестает быть наукой. Ответом на это стала выработка новой исследовательской модели – неоклассической, старающейся вобрать в себя лучшее из предыдущих двух моделей.

Вопрос А.П.Фомина: А Вы лично какой методологии истории придерживаетесь: креационизм? прагматизм? позитивизм? марксизм?

Ответ: Всё-таки, диалектический принцип выглядит более привлекательным и объективным.

Вопрос А.П.Фомина: Как Вы считаете, единый подход к истории в школе нужен?

Ответ: В принципе, нужен. Но у общественности есть все основания не доверять его инициаторам, так как в стране не решены многие социально-экономические проблемы и путь, по которому она должна идти, только намечается.

Вопрос М.М.Муртазаевой: Общеизвестно, что история – наука субъективная. Не значит ли это, что процесс оценивания знаний учащихся тоже носит субъективный характер? Каких критериев, на Ваш взгляд, должен придерживаться сегодняшний учитель истории?

Ответ: Оценка знаний вполне объективна. Главным критерий – это знание исторических фактов. Все рассуждения и выводы должны быть основаны на фактах.

Вопрос В.А.Синявского: Как Вы трактуете вопрос патриотического воспитания? Ведь оно неразрывно связано с идеологией. Была коммунистическая идеология – были свои герои. Сейчас идеологии нет, а патриотическое воспитание есть. Какое? Зачем?

Ответ: Патриотизм – это любовь к своей стране, своему народу, культуре и, в принципе, к государству, организующему всё это в единое целое. Да, сегодня патриотизм выглядит «куцым» – любовь к государству затруднена состоянием жизни людей, безответственностью правящего класса. Однако не любовь может быть чревата потерей остатков суверенитета. Через любовь к своей родине народ России должен осознать своё подлинное место в истории.

Вопрос С.Г.Филипповой: Со сменой гос. стандарта высшего образования базовая дисциплина стала называться «История», а не «Отечественная история». Как Вы относитесь к такой перемене?

Ответ: Трудно сказать. С одной стороны, идея неплохая – ведь изучается история и других стран, и обществ, а это даёт представления о том, какое место занимает наша страна в мировой истории и расширяет наши знания об историческом процессе. С другой стороны, малое количество часов несколько профанирует этот принцип.

Вопрос Я.Бракнис (студ. 3 курса): Вы утверждаете, что у школьников есть большие пробелы в знаниях по истории. Почему? Мало времени в программе или есть другие причины?

Ответ: Во-первых, это связано с ослаблением интереса к книгам (а именно там берутся знания, в том числе и по истории). Во-вторых, за время либеральных реформ учёные утратили авторитет в глазах населения. И молодёжь, зачастую, читая книги, читает не «официальных историков», а дилетантов и маргиналов от науки. А это не ведёт к приобретению знаний. В-третьих, действительно, школьная программа уделяет мало времени истории. Например, с 6-го класса школьники изучают и историю России, и историю Средних веков. Количество же часов остаётся малым. И многие школьники, в итоге, этот материал забывают. Ну, и в-четвёртых я бы назвал ЕГЭ. О нём я уже говорил.

Вопросы к Н.А.Семеновой

Вопрос А.П.Фомина: Существует ли проблема несовершенства законодательства по вопросам трудоустройства несовершеннолетних?

Ответ: На мой взгляд, да. Несмотря на то, что Российское законодательство в области регулирования труда несовершеннолетних соответствует международным правовым стандартам в данной сфере. Однако реализация на практике всех предусмотренных положений продолжает оставаться проблемным аспектом рассматриваемой темы.

Вопрос А.П.Фомина: Существует ли проблема негативного отношения работодателей к несовершеннолетним?

Ответ: Вопрос достаточно серьезный, и ответ на него неоднозначный, т.к., если говорить о самом негативном отношении работодателя к несовершеннолетнему, то оно может появляться по причинам, связанными с воспитанием личности. В данном случае, в частности, рассматривать надо отношение к работе самого несовершеннолетнего, которое бывает разным. От его отношения к работе, им выполняемой, зависят качество и количество её. Что является интересом работодателя. Я бы сказала, что негативное отношение работодателей существует не к самому несовершеннолетнему, а к процессу организации трудоустройства несовершеннолетних, т.к. предъявляемые требования по трудоустройству несовершеннолетних отнимают у работодателя много времени и сил. Правовая регламентация труда несовершеннолетних обладает рядом особенностей, которые призваны создавать оптимальные условия для их развития и трудовой деятельности и должны быть учтены работодателем. Прием на работу несовершеннолетних обязывает работодателя создать для них соответствующие условия труда. Законодательство предъявляет строгие требования к соблюдению норм, касающихся организации труда сотрудников до 18 лет. Нужно подчеркнуть, что прием на работу несовершеннолетних – это не только возможность подготовки собственных кадров и возможность делегировать простые обязанности, не требующие высокой квалификации. В первую очередь, прием на работу подростка – это большая ответственность. Надо сказать, что в моей профессиональной деятельности нам с ребятами не приходилось сталкиваться с негативным отношением работодателя. Нас всегда тепло встречали и провожали. Отзывы только положительные, как о нас, так и о работодателях.

Ну, а если говорить об этом в общем, не о моей практике, то надо сказать, что несовершеннолетние в некоторых случаях не защищены, т.к. нередко встречаются случаи, когда юридические лица допускают ошибки в применении трудового законодательства. Не всегда ответственно соблюдают и выполняют требования по оплате труда несовершеннолетнего, в том числе при увольнении его. Привлекают несовершеннолетних работников к работам, на которых запрещается применение труда лиц в возрасте до 18 лет. Таким образом, нарушаются приоритеты интересов несовершеннолетних.

В настоящее время отсутствует эффективный механизм привлечения к ответственности работодателей-правонарушителей, хотя любые отступления от предусмотренных норм могут повлечь серьезные неблагоприятные последствия для физического, духовно-нравственного развития и образования несовершеннолетнего и, соответственно, для общества в целом.

Вопрос А.П.Фомина: Кто возглавляет комитет по молодежной политике в ГД?

Ответ: председатель думского Комитета по делам молодежи Тараканов Павел Владимирович, фракция ЛДПР. Департамент государственной политики в сфере воспитания детей и молодежи (далее - Департамент) является

структурным подразделением Министерства образования и науки Российской Федерации (далее - Министерство). Директор Департамента государственной политики в сфере воспитания детей и молодежи (далее - Департамент) Страдзе А.Э. Приказ от 16 октября 2013 года N 1154 Об утверждении Положения о Департаменте государственной политики в сфере воспитания детей и молодежи Министерства образования и науки Российской Федерации

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В СОВРЕМЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА

Тринадцатое заседание
междисциплинарного научно-теоретического семинара
«СОЦИУМ. СОЗНАНИЕ. ЯЗЫК»
26 октября 2016 г.

Вступительное слово зав. кафедрой гуманитарного образования и педагогических технологий Волховского филиала РГПУ им.А.И.Герцена, к.филол.н. **С.Г.Филипповой**.

Уважаемые коллеги и студенты!

В работе кафедры гуманитарного образования и педагогических технологий сложился определенный алгоритм научных мероприятий, и октябрь у нас давно ассоциируется с одним из наших самых традиционных и проверенных временем мероприятий – семинаром «Социум. Сознание. Язык». Это мероприятие явилось детищем «научных и не только» дискуссий между двумя кафедрами Волховского филиала РГПУ им. А.И. Герцена. Первое заседание семинара, который сразу же вписался в формат междисциплинарного научно-теоретического, состоялось в марте 2010 г.

Резюмирую кратко достижения этого научного проекта. Семинар приобрел всероссийский статус благодаря участию наших коллег из Москвы, Воронежа и Иркутска и ежегодно входит в перечень научных мероприятий РГПУ им. А. И. Герцена. За время работы семинара опубликовано пять сборников материалов под одноименным названием - «Социум. Сознание. Язык». Результаты работы семинара были теоретически обобщены в 2014 г. и опубликованы в виде коллективной монографии «Социум. Сознание. Язык: междисциплинарный диалог». В монографии предлагаются научные изыскания и рассуждения о социуме в проблемном поле реальности, медиареальности и контекста; о сознании - в проблемном поле истины, знания и субъектно-объектных отношений; о языке - в свете проблем текста, дискурса и коммуникации. Для иллюстрации достижений работы семинара приведем небольшую статистику – в его работе приняло участие 5 докторов наук, 15 кандидатов наук и 8 магистрантов, аспирантов и старших преподавателей. Наконец, все опубликованные материалы входят в РИНЦ.

Хочу напомнить о сложившихся традициях семинара. В программу и соответственно в опубликованные материалы включаются не только основные доклады, но и критические выступления по тематике предыдущих семинаров, а также дискуссия. Любой присутствующий может выступить по обсуждаемой проблематике без предварительной заявки. Вопросы для обсуждения предлагаются в письменном виде, обсуждение проводится после всех выступлений докладчиков.

Сегодня наша тринадцатая встреча. Тема сегодняшнего семинара – «Художественный образ в современной картине мира». В качестве

художественного образа нашего мероприятия мы подготовили выставку керамики Т.А. Ганиевой, педагога школы искусств г. Паша и нашей студентки заочного отделения. Образы, представленные на выставке, на мой взгляд, репрезентируют современную картину мира с ее знанием, представлением и ощущением.

В заключение своего короткого вступительного слова хотелось бы поблагодарить своих коллег – преподавателей кафедры гуманитарного образования и педагогических технологий, наших постоянных участников из других вузов, городов и кафедр, присутствующих здесь студентов, поскольку когда мы видим на таких мероприятиях студентов, то получаем двойное удовлетворение от проделанной работы. Выскажу особую благодарность и постоянному руководителю и вдохновителю семинара - доктору философских наук, профессору кафедры Фомину Андрею Петровичу.

ДОКЛАДЫ

Назаров А. Н.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В КАРТИНЕ МИРА КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Человек всегда познавал мир. В процессе познания формировалась картина мира, то есть, «совокупность взаимосвязанных систематизированных представлений об устройстве мира, Вселенной, о месте в ней человека его познавательных и творческих возможностях» [Некрасов, 2010, с.190]. Современная философия, в зависимости от ведущей формы познания, а именно, религии, философии или науки, выделяет религиозную, философскую и, соответственно, научную картины мира.

История, как «наука, изучающая человеческое общество в его развитии» [Репина, 2006, с.25] видит предметом своего исследования практически «любое проявление человеческой деятельности» [Репина, 2006, с.26]. В связи с этим, такое социокультурное явление как картина мира также входит в исследовательское поле исторической науки. Однако здесь оно представляет интерес в связи с тем, что вышеуказанные формы познания, определяющие картину мира, тесно взаимосвязаны с социально-экономической, политической и духовной организацией общества и теми общественными институтами, которые функционируют в конкретную эпоху. Следовательно, в картине мира содержится образ современного для носителей данной картины общества, то есть, представления о генезисе и эволюции общества и его институтов. Таким образом, изучение картины мира в рамках исторической науки связано с изучением культуры, которую можно определить, как «систему разделяемых всеми значений, отношений и ценностей, а также символических форм, в которых они выражаются или воплощаются» [Кром, 2010, с.124], элементом которой картина мира является.

Историческая наука не сразу столь широко подошла к определению предмета своего исследования. Первоначально, в пределах так называемой классической исторической модели, она ориентировалась на установление между явлениями «причинно-следственных связей, исторических закономерностей и реконструкцию исторической действительности в виде системы объективного научного знания» [Теория и методология исторической науки, 2014, с.296]. Однако охвативший мир в XX в. кризис, затронувший практически все сферы жизни общества и выразившийся в мировых войнах, экономических потрясениях, глобальном ядерном противостоянии, заставил историков пересмотреть классические принципы, или, по крайней мере, взглянуть на них по-новому. Понимание того факта, что история не представляет собой линейный однонаправленный процесс, спровоцировало так называемый «антропологический поворот» в исторической науке, то есть, перемещение в исторических исследованиях акцента «на изучение «человека в истории», причём не столько созданных им и довлеющих над ним «структур», сколько его непосредственного опыта в историческом процессе» [Калимонов, 2006, с.230]. В данном контексте стали перспективными исследования того широкого «комплекса взглядов, верований, жизнеповеденческих принципов» [Гинзбург, 2000, с.32], то есть «культуры». Именно в контексте данной модели историческая наука стала изучать механизм передачи и усвоения культурных ценностей и норм, взглядов и представлений о мире.

Начало этому опыту было положено так называемой «школой Анналов» во Франции в 20-е – 30-е гг. XX в. Представители этой школы, а именно, М. Блок и Л. Февр, одними из первых преступили к реконструкции народных представлений в конкретную историческую эпоху. В частности, уже в 1924 г. вышла фундаментальная работа М. Блока «Короли-чудотворцы», в которой автор исследует распространённые в Средневековье и Новое время в Англии и Франции представления о сверхъестественном характере королевской власти. Причём он не только описывает эти представления, но и пытается раскрыть механизм формирования этих представлений. Не менее важной была работа современника М. Блока и Л. Февра немецко-американского историка Э. Канторовича «Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии», так же раскрывающую представления о характере королевской власти.

В последующие годы эти идеи развивались не только отдельными авторами, например, Ж. Ле Гоффом, но и целыми направлениями, такими как микроистория, история повседневности, история ментальностей и т.д.

Рассматривая картину мира, историки воспринимают её прежде всего, как элемент культуры, который в процессе развития самой культуры также подвергается изменению. Это культурное развитие происходит благодаря выработки новых идей, символов, образов и смыслов. И здесь мы вынуждены констатировать, что процесс познания мира не исчерпывается только лишь религией, философией и наукой. Мир также познаётся через специфическую творческую деятельность – искусство, которое, как раз, через свои первичные элементы – художественные образы – способно выстраивать эти новые

ориентеры. Кроме того, в отличие от религии, философии и науки, которые доминируют в познавательном процессе в определённую эпоху, сменяют друг друга, искусство не теряет своих позиций и, в принципе, способно взаимодействовать со всеми формами познания, дополняя их, внося в них разнообразие и живость.

Искусство, как было отмечено выше, – это «художественное творчество как особая форма общественного сознания, вид духовного освоения действительности» [Нов. фил. энциклопедия, 2010, т. 2, с.160], специально организованная творческая деятельность, которой, в принципе, занимаются и всегда занимались профессионалы. Именно они, с одной стороны, в своих произведениях, будь то литература, живопись, архитектура, выражали архетипические ценности данной культуры, в рамках которой они творили, с другой стороны, они эти ценности производили. Примером подобного влияния, или, точнее, взаимовлияния, может служить памятник японской средневековой культуры «Кодекс Бусидо», написанный прекрасным литературным языком и, в тоже время, содержащий в себе правила поведения и рекомендации для представителей военного сословия самураев. Значение этого произведения, как и подобных ему, трудно переоценить. С одной стороны, родившийся в недрах этого общества, с другой – формирующий у него определённые идеалы, «Кодекс Бусидо» является прекрасным образцом того, как художественные образы, то есть, «эстетические категории, характеризующие особый, присущий только искусству способ и форму освоения и преобразования действительности» [Нов. фил. энциклопедия..., 2010, т.3, с.129] могут приобретать социально значимый характер, а именно, участвовать в формировании общекультурных ценностей, идей и т.д.

Значительный объём «следов» деятельности предыдущих поколений, того, что историки называют «историческим источником», оставлен деятелями искусства. Это и уже упомянутый «Кодекс Бусидо», и множество образцов подобной ему литературы, а также, произведений живописи, скульптуры, архитектуры – всего того, на основании чего мы составляем наши представления о прошлом.

Однако, как кажется, роль искусства в культурном развитии общества, в формировании картины мира, несколько шире. За огромным массивом документов, предметов материальной и духовной культуры, зафиксированных фольклорных произведений, идеологий и т.п., то есть, тех самых «следов» прошлого, которые, в принципе, не воспринимались как образцы искусства, а были предназначены для иных целей, стоят люди. И люди эти создали то, что сегодня для нас, потомков, кажется необычайно ценным. Эти предметы и т.п. тщательно собираются и хранятся. Причём, для хранения создаются специальные помещения, в которых эти предметы (и не только предметы) демонстрируются за деньги. Кроме того, они становятся объектом коллекционирования. На основе произведений прошлого, даже если в своё время они носили сугубо декоративно-прикладной характер, сегодня создаются новые художественные образы, влияющие на общественное сознание и культуру. Примером могут служить сказочные произведения Дж.Р. Толкина,

черпавшего вдохновение из средневековых европейских сказаний. То есть, перед нами самая настоящая творческая деятельность и самое настоящее искусство. Следовательно, за любым историческим источником также стоит творческая деятельность, которая сознательная, и через которую мы познаём прошлое. Так, уже русский учёный начала XX в. А.С. Лаппо-Данилевский отмечал, что исторический источник есть «реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением» [Лаппо-Данилевский, 2006, с.292].

Таким образом, для историка, за исключением отдельных моментов, которые, конечно же всегда бывают, в принципе, нет необходимости делить творения прошлого на настоящее искусство и не настоящее. Какой же смысл, в таком случае, поднимать эту проблему?

Дело в том, что современная неоклассическая модель исторического исследования строится на базе «синтеза позитивных когнитивных установок классической и неклассической моделей, а также с учётом всего того когнитивно ценного, что содержится в постмодернистской модели исторического познания» [Теория и методология исторической науки, 2014, с.298]. То есть, для исследователя одновременно существуют и безликие причинно-следственные связи, и закономерности исторического развития и «человек в истории». Эта дилемма выражена в том, что в историческом процессе можно выделить два противоположных течения: носящее бессознательный, спонтанный характер и другое, которое можно было бы охарактеризовать как сознательный творческий акт. То есть, с одной стороны можно сказать, что формирование культурных идеалов и представлений о мире детерминировано исторической эпохой и спецификой той социокультурной общности, в которой эти представления имеют место быть. Например, говоря об эпохе Средневековья, трудно будет обойти стороной такую проблему, как религиозные представления, веру в чудеса и т.п. И говоря об этом, мы будем понимать, что в разных социальных группах эти представления были разные, тем более, они могли быть разными у разных народов.

Кроме того, здесь мы бы добавили, что при формировании представлений о мире так же действуют механизмы, описанные ещё в рамках социальной психологии, социологии и др. наук. Речь идёт о психологии толпы, престиже, статусе, социальной роли и т.д. И подобные механизмы действуют во всех общностях, занимающих любое положение на социальной лестнице. Просто они различаются по социальным целям и практикам.

С другой стороны, всегда и во всех социальных группах находились люди, склонные пренебрегать существующими в обществе правилами, имеющие потребность создавать что-то новое. И если поначалу они нередко отвергались современниками, то впоследствии, опять-таки часто их идеи принимались потомками. И опять-таки, даже борьба с инакомыслящими, отторжение их идей, нередко формирует в обществе совершенно новое видение.

И эти сознательные творческие акты как раз и проявлялись через указанные нами ранее исторические источники. Причём не только в контексте создания конкретного материального предмета или отображения конкретной,

существовавшей в то время реальности, но и в контексте создания новых смыслов, образов, идей, стремления формировать новую историческую реальность, выступать, если угодно, в роли художника. Например, в известном нам летописном свидетельстве «Повесть временных лет» специалисты видят не только описание реальных событий древнерусской истории, но и взгляд на эти события, их историко-философскую оценку как автора данного произведения монаха Нестора, так и его заказчика, княжившего в то время в Киеве Мстислава Владимировича. И сегодня мы ориентируемся именно на эту оценку.

То же самое мы можем сказать и, к примеру, о таком произведении как «Домострой», в котором представлено видение священником Сильвестром особенностей норм поведения, существовавших в то время. Надо понимать, что это скорее пожелание, чем реальность, однако, мы сегодня воспринимаем особенности взаимоотношений в семье в средневековой Руси именно через призму данного произведения.

Подобных примеров множество. И дело здесь не в том, что перед нами своеобразные образцы исторических фальсификаций, а в том, что эти люди действительно так видели мир, желали его изменить и имели такую возможность.

Необходимо отметить, что в процессе формирования картины мира и, шире, культурных ценностей, норм и принципов в конкретные исторические эпохи бессознательные объективные исторические законы и «антропные факторы» постоянно взаимодействуют. Это видно из того, что образы, формирующие картину мира, культурные ценности и нормы имеют, безусловно, коллективный характер происхождения и «пропущены» через конкретный социальный опыт.

Говоря о формированиях коллективных представлений в определённую эпоху, внесение в них творческого видения конкретных личностей, мы говорим, в первую очередь, о представителях высших слоёв общества или людях так или иначе приближенных к ним. Безусловно, они могли обладать колоссальным потенциалом своих творческих экспериментов. Например, судьбоносное решение императора Константина объявит понравившуюся ему религию государственной, и оказать ей всяческую поддержку, навсегда изменило будущее значительной части человечества. Целые эпохи или исторические явления назывались по имени наиболее выдающегося деятеля. Примером этому может служить «Каролингское Возрождение», получившее название по имени императора франков Карла Великого, оказывавшего поддержку развитию искусств в своём государстве.

Художественные образы, производимые представителями высших социальных слоёв, и оказывавшие влияние на формирование картины мира, могут синтезироваться во вновь созданных праздниках, религиях, законах и т.п.

Однако и представители низших слоёв населения так же способны создавать художественные образы, вносящие коррективы в представления современников о мире. Например, многие известные святые были выходцами из слоёв простого народа. Можно привести другой пример. Известный итальянский историк К. Гинзбург в своей книге «Сыр и черви. Картина мира

одного мельника, жившего в XVI в.» описал судьбу мельника из Северной Италии, обладавшего незаурядными взглядами на мироздание и за это поплатившегося жизнью. Этот человек фактически основал свою собственную синкретическую религиозную систему, которую он искренне пытался распространять среди своих земляков. Конечно, его попытки окончились неудачей, но, тем не менее, им заинтересовались в инквизиции, в архивах которой сохранились протоколы его допросов. Знакомясь с историей возникновения тех или иных религий, становится понятным то, что подобные случаи в совершенно другой социальной обстановке завершались гораздо успешней.

Следует ещё раз подчеркнуть, что употребляя термины «искусство», «творчество» мы, конечно же, используем в значительной степени допущение. Тем не менее, многие виды современного искусства и культурные явления в своём изначальном предназначении к современному пониманию искусства никакого отношения не имели. К примеру, театр выполнял религиозно-ритуальную функцию, спорт так же вышел из практики поклонения богам, сказочная литература имеет корни в мифологии. И такие примеры можно продолжить. Мотивом многих поступков был творческий потенциал, жажда создать что-то новое, не вписывающееся в привычные схемы. Опять-таки, у истоков образования государства США лежало творчество философов эпохи Просвещения, и пока этот проект вполне жизнеспособен. Следовательно, пусть и с определённой долей натяжки, деятельность «преобразователей» можно считать приближенной к искусству, то есть к сфере, оперирующей художественными образами.

Социальное познание – процесс достаточно сложный. А потому, у искусства, как может представляться, существует ещё одна важная функция. В отличие от познания предметов и явлений внешнего мира, общественная система познаёт сама себя. Зачастую, особенно это имело место в «религиозную эпоху», результаты наблюдений трудно сформулировать в конкретных понятиях. И тогда люди прибегали к языку символов и образов. На их основе создавались мифы, как религиозные, так и социальные.

Таким образом, искусство через художественные образы является не только специфическим видом освоения действительности, но и существенным фактором развития культуры как системы представлений, образов, символов, идей, смыслов. Культура, в свою очередь, развиваясь, изменяет картину мира. Представления общества о мире в конкретную историческую эпоху формируются самим обществом и отражают реальный социальный опыт и тот уровень объективного знания о самом мире, которого это общество достигло. Этот процесс формирования в значительной степени анонимен и спонтанен, и является результатом действий социально-исторических объективных законов. Однако определённая доля в оформившейся картине мира носит, так сказать «авторский» характер, то есть, является результатом художественного творчества и деятельности «человека в истории». Причём как непосредственно в сфере высокого искусства, которое формирует соответствующие

представления, так и вообще, в любой деятельности, направленной на творческое преобразование действительности.

Литература:

Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: РОССПЭН, 2000. – 272 с.

Калимонов И.К. Основы научных исследований (зарубежная история). – Казань: Казанский гос. ун-т, 2006. – 277 с.

Кром М.М. Историческая антропология. СПб., М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге «Квадрига», 2010. – 214 с.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Территория будущего, 2006. – 472 с.

Некрасов С.И. Философия Науки и техники: тематический словарь-справочник. Орёл: ОГУ, 2010. – 289.

Новая философская энциклопедия в четырёх томах. М.: Мысль, 2010.

Репина Л.П. История исторического знания. М.: Дрофа, 2006. – 288 с.

Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. – 576 с.

Болотина Ю.П.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА НАЦИОНАЛЬНОГО РУССКОГО ХАРАКТЕРА ПОСРЕДСТВОМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Полноценный теоретический анализ русского национального характера начался в 19 веке, а более или менее объективную оценку он получил в конце 19 – начале 20 века. Первое, на что обратили внимание исследователи, была нелогичность, бессистемность и утопичность русского мышления, отсутствие у русского ума потребности в свободной, творческой мысли. Также в числе недостатков русского характера назывались импульсивность, лень и неумение постоянно организованно трудиться. Во многих случаях указывалось также на неспособность русского ума к рациональному мышлению, результатом чего было отсутствие концентрации и сосредоточенности. При этом говорилось о чрезвычайной гибкости и восприимчивости русского ума, но отмечали также быстро пропадающий интерес к предмету изысканий. Перечислив отрицательные характеристики нашего народа, русские исследователи в конце 19 века обратились к поиску положительных качеств в народном характере. Важнейшими положительными свойствами русских людей практически все авторы называли доброту, чувствительность, отзывчивость, сердечность, открытость, бескорыстие и предпочтение духовных благ материальным. Они считали, что именно это отличает Россию от Запада, делает ее такой притягательной даже для иностранцев. Отмечалось, что зависимость европейцев от материальных благ и удобств, которыми они обладают, ослабила в их сердцах высшие человеческие чувства добра, правды и красоты.

Так, Бердяев считал главной чертой русского характера его мягкость, пассивность, женственность. Главная тайна русской души – в ее антиномичности, противоречивости. Поэтому все исследователи русской души видели в ней только то, что им хотелось видеть, каждый находил подтверждение своим мыслям о русском национальном характере, в котором, действительно, можно обнаружить самые противоречивые черты и самые разнообразные факты, намерения. Именно они и придают русской душе глубину и загадочность. Корень этих противоречий Бердяев видит в несовместимости мужественного и женственного начал в русском духе и в русском характере: мужественная свобода не овладевает женственной русской стихией изнутри, из глубины. Поэтому безграничная свобода в России оборачивается безграничным рабством, вечное странничество – вечным застоём. Только раскрыв в своей духовной глубине личное, мужественное, оформляющее начало, Россия сможет выйти из этого замкнутого круга. Отмечает Бердяев и особый национализм русских, который связан с мессианством, с представлением об особой миссии России в истории, с убеждением, что только наша страна — единственный оплот истинного христианства (единственно верной идеи), которая живет для того только, чтобы дать пример всему остальному миру. Поэтому мессианизм русских переходит в отрицание всякого национализма, в признание того, что русский народ жертвенно служил делу всех народов. Это, кстати, объясняет то, почему идея православия была так легко заменена идеей коммунизма при сохранении общей мессианской установки в русском характере [см.: Бердяев, 1990].

У славянофилов и западников, Бердяева и других отечественных мыслителей была возможность исследовать проблему русского национального характера, находясь в непосредственном контакте с объектом исследования. Каким же образом формировался образ русского человека у иностранцев? За исключением немногочисленных и, зачастую, несомненно субъективных замечаний служащих в России иностранцев (офицеров, учителей, дипломатов) почвой для его формирования, несомненно, служила классическая художественная литература, а именно те ее произведения, которые получили наибольшую популярность в западной культуре. Лидером среди этого своеобразного клуба популяризаторов русской культуры на западе является Достоевский. Так, профессор Колумбийского университета Дебора Мартинсен в интервью газете «Культура» говорит: «Еще уважают Толстого. Но Достоевского — больше. Спросите среднестатистического американца, знает ли он русскую литературу, вам ответят: «Конечно! Я в восторге от Достоевского. Он создал множество великих произведений — «Преступление и наказание», «Анна Каренина», «Война и мир»... У наших славистов даже определение такое есть — «Толстовский». Но если говорить о серьезной читающей публике, думаю, Достоевский интересен не только русскостью. Он отражает состояние души современного человека — вне национального контекста» [Мартинсен, URL].

Несмотря на то, что произведения Достоевского носят наднациональный характер, в героях его произведений можно проследить определенные черты,

типичные для русского человека. Как пишет писатель Игорь Волгин: «Мир воспринимает Достоевского как некий «магический кристалл», сквозь который можно просмотреть русскую душу. Русские предстают в его произведениях людьми страдающими, готовыми пожертвовать собой, ищущими справедливость и стремящимися познать себя. По Достоевскому, пишет И. Волгин, «главная деятельность – душевная» [Волгин, URL].

Н. О. Лосский пишет о том, что «Достоевский изображает характер русских людей, дерзновенно подвергающих испытанию ценности и нормы в своем личном поведении. ... Достоевский говорит, что в Западной Европе есть прочно установившиеся правила и формы жизни, поддерживаемые во что бы то ни стало ради порядка, считаемые иногда, несмотря на их условность, «священными». А у нас у русских, «нет святынь *quand même*». Мы любим наши святыни, но потому лишь, что они в самом деле святы. Мы не потому только стоим за них, чтобы отстоять ими *l'Ordre*» [Лосский, URL].

Толстой по мнению И.А. Ильина изображает русского человека совсем не таким, каким он предстает в произведениях Достоевского. «Толстой видит человека не изнутри, как Достоевский или Шмелев, а снаружи, как Тургенев или Бунин; он не погружается в душу своего героя, идентифицируясь с ним, чтобы жить изнутри, т.е. художественно-синтетически, а наблюдает жизнь его снаружи, регистрируя, анализируя, толкуя и расшифровывая». Кроме того, для Толстого важна не отдельная личность с ее душевными переживаниями (за что так ценят на западе Достоевского), а народ в массе своей, обычный человек, не генерал, не император, а солдат, крестьянин в «Войне и мире» проявляет героизм, мужество, патриотизм и является движущей силой истории. Ильин считает, что «русские, которых мы видим у Толстого в «Войне и мире» (да и в других его сочинениях), действительно таковы, какими он их изображает», однако это не исключает того, что среди них нет эмоциональных, страдающих, с задатками гениальности героев Достоевского. Далее, пишет Ильин, «тот, кто хочет узнать русского в его прямом обличье, русского как человека природы, человека инстинкта, как заурядное существо, как человека толпы без отпечатка интеллекта, как душу рубахи-парня, — тот пусть читает Толстого с полным доверием; только ... пусть не сомневается, что были, есть и будут и много совсем других». Русскому человеку в произведениях Толстого присущи «простота и сердечность; преобладание чувства, и именно — отзывчивого, живого чувства над волей; расслабленность, импровизация природных натур, прикрытая слегка хитростью и шуткой; юмор, который так редко изменяет русскому» [см.: Ильин, 1997].

Помимо Достоевского и Толстого штрихи к образу русского человека иностранцы могли почерпнуть также в произведениях Чехова и Тургенева. Рассказы, повести и драмы Чехова представляют довольно достоверный портрет русского человека, среднего человека, обывателя во всех смыслах этого слова. По словам В.В. Набокова чеховский герой был человеком, сочетавшим «глубочайшую порядочность с почти смехотворным неумением осуществить свои идеалы и принципы, человеком, преданным нравственной красоте, благу всего человечества, но в частной жизни неспособным ни на что

дельное, погрузившим свою захолустную жизнь в туман утопических грез; точно знающим, что хорошо, ради чего стоит жить, но при этом все глубже тонущим в грязи надоевшего существования, несчастным в любви, безнадежным неудачником в любой области, добрым человеком, неспособным творить добро» [Набоков, 1999, с.331]. Сам А.П. Чехов отмечает в своих заметках, что русский национальный характер является заложником окружающих условий: «суровый климат, серый, суровый народ со своей тяжелой, холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество, сырость столиц, славянская апатия»... «Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрого места не остается ...». По мнению Чехова, «в Западной Европе люди погибают оттого, что жить тесно и душно, у нас же оттого, что жить просторно... Простора так много, что маленькому человечку нет сил ориентироваться...» [см.: Чехов, 1987]

Герои Тургенева не являются героями в прямом смысле слова; это богатые по содержанию, но слабые люди, которым отводится роль неудачников, и в игре, называемой жизнью, они неизменно остаются в проигрыше. Что касается героического, то в лучшем случае оно воплощено в какой-нибудь второстепенной фигуре, чья скромная добросовестность помогает сатирически оттенить других действующих лиц. Г. Джеймс полагает, что неудачники, в глазах иностранных читателей этот тип усилиями Тургенева стали олицетворением русского характера. Признавая, что возможно, это не совсем так, Г. Джеймс все же считает, что подобная категория людей по крайней мере весьма характерна для России, хотя вряд ли все они столь интересны, какими их сделало искусство Тургенева. Под его пером они стали интересны главным образом потому, что благодаря тонкой и сложной душевной организации, благодаря тому стремлению к «самоуглублению», которым он наделяет всех русских, за исключением лишь круглых дураков и завязтых сумасбродов, они остро осознают свою ущербность [Джеймс, 1984, с.206].

Таким образом, упомянутые выше классики русской литературы в немалой степени содействовали созданию образа русского человека. Однако, не следует забывать о том, что мы воспринимаем окружающий мир через призму своей родной культуры. Существуют примеры, ярко показывающие насколько различной может быть интерпретация одного и того же образа в межкультурной коммуникации. Так, сказка «По щучьему велению» вызвала резко негативную реакцию практически у всех студентов из Японии, которые ее прочитали. Они сочли эту сказку глубоко безнравственной, т.к. она повествует о том, как патологический бездельник, не совершив ничего полезного, не ударив палец о палец, получает ничем не заслуженную награду. У японцев вызвало серьезное удивление, что сказка эта весьма популярна в России, и родители не считают предосудительным читать ее своим детям. Очевидно, что различия в восприятии текста между русскими и японцами, ярко проявляющиеся на уровне оценки, обусловлены различиями в структуре представления этого текста, которые, в свою очередь, связаны с различным делением признаков центрального персонажа на существенные/несущественные. Японцы выделяют в Емеле прежде всего лень,

нежелание трудиться, приносить пользу обществу, игнорируя иные его черты. Русские, прекрасно сознавая, что Емеля лодырь, обращают внимание на его находчивость, незлобивость, демократичность, бескорыстие. Таким образом, как пишет Д.Б. Гудков, различная оценка Емели русскими и японцами не означает, что русские считают лень положительным качеством, а японцы не ценят ум и находчивость, но свидетельствует о том, что русские и японцы выделяют разные черты характера данного героя как главные, игнорируя остальные как несущественные [см.: Гудков, 1997].

И.А.Ильин точно выразил роль писателей в создании образа национального характера в следующем высказывании: «Нет на свете людей, которые могли бы исчерпывающе представить и всесторонне описать свой народ: дух всякого здравствующего народа всегда намного глубже, многообразней, мощнее, способнее к модификациям, чем это может получить от природы, вынести, объять и воплотить в себе отдельный человек. Самый великий человек, редчайшее национальное дарование — талант и гений, представляют свой народ и выражают его своеобразие только в весьма определенном смысле и в весьма определенных границах: каждый из них подобен лишь одной двери, или лишь одному окну в огромном здании народного духа, в то время как в этом здании — бесчисленное множество покоев различного предназначения, различного разряда. Ибо всякий народ, живой духом, всякий народ-созидатель должен обладать такими богоизбранными и одаренными от природы людьми, которые есть кровь от крови его и дух от духа его, которые дышат его воздухом, носят в себе его сердце, создают его творческим актом, выражают его сущность (как говорят — в личностных пределах и модификациях). Поэтому, пожелав познакомиться с каким-либо народом, мы не прогадаем, если обратимся к его великим представителям-творцам и дадим им возможность говорить с нами» [Ильин, 1997, с.497].

Литература:

Бердяев Н. Судьба России (Опыты по психологии войны и национальности). М.: «Философское общество СССР», 1990.

Волгин И. Л. О Достоевском // Комсомольская правда, 11.11.2011// URL: <http://www.spb.kp.ru/daily/25785/2768549/>

Гудков Д.Б. Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 1.

Джеймс Г. Женский портрет. М.: Наука, 1984.

Ильин И.А. О России и русской душе; Гении России // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 тт. Т. 6, кн. 3. Москва: Русская книга, 1997.

Лосский Н.О. Характер русского народа // URL: http://www.odinblago.ru/russk_harakter/

Мартинсен Д. Достоевский отражает состояние души современного человека // URL: <http://www.ruskiymir.ru/publications/88170/>

Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1999.

Чехов А.П. Записные книжки. Записи на отдельных листах. Дневники // А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Том семнадцатый. М.: Наука, 1987.

Филиппова С.Г.

О ЯЗЫКОВОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАЗНОСТИ

Термины «образ» и «образность» не всегда заслуживают внимания составителей лингвистических словарей. Если понятие образности включено в словарное описание, то оно определяется как (1) «основная черта художественной литературы, ориентированная на создание художественных образов» и (2) «стилевая черта художественной речи, связанная с употреблением слов в переносном значении» [Жеребило, URL], и, таким образом, связывается с художественной коммуникацией. Литературная энциклопедия трактует «образ» как (1) «всеобщая категория художественного творчества; присущая искусству форма воспроизведения, истолкования и освоения жизни путем создания эстетически воздействующих объектов», и как (2) «фрагмент, который обладает как бы самостоятельной жизнью и содержанием (напр., характер в литературе, символические образы, вроде «паруса» у М.Ю. Лермонтова)» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, с.671]. Следует отметить, что для образа и образности как понятий характерны условно широкая и узкая трактовки.

Кроме того, понятия образа и образности традиционно определяются по-разному в лингвистике и литературоведении.

Литературоведение преимущественно обращается к содержательной стороне образа, его роли и месте в структуре литературного произведения. Для литературоведов образ – «живой и целостный организм», который отражает действительность и представляет собой картину человеческой жизни или обобщенный портрет, имеющий эстетическую ценность. Образ понимается как изображение не только характера человека, но и «всего вещного, животного и вообще предметного мира, в котором человек находится, и вне которого он немислим» [Борисова, 2010, с.9].

Главным аспектом образа и образности для лингвиста является его языковая составляющая. Лингвист в первую очередь связывает образ с языковой единицей, которая в процессе языкового творчества может приобретать многозначность и обрастать дополнительными смыслами под воздействием контекста. Образ как эстетически ценностное изображение действительности (художественный образ) не обязательно связывается с языковыми механизмами его реализации, а образ как языковое явление (языковой образ) не обязательно связывается с литературным текстом.

В лингвистических исследованиях понятия образа и образности рассматриваются неотрывно друг от друга. Под образностью понимается использование образов, которые в свою очередь трактуются широко – «как

изображения, вызванные в сознании словами (pictures brought into the mind by words)» [Щирова, 2006, с.39].

Представления и ассоциации в виде образов постоянно сопровождают речевую деятельность человека. Б.М. Гаспаров называет такое сопровождение образным откликом и пишет, что способность к образному отклику является универсальной чертой нашего обращения с языковым материалом. «Нет такого языкового действия, которое не получило бы проекции в мире образных представлений — прямой или косвенной, полной или частичной, отчетливой или смутно-намекающей; и обратно: в представлении не может возникнуть ничего такого, на что языковая память неспособна была бы дать некоторый, хотя бы частичный и приблизительный, языковой ответ» [Гаспаров, 1996, с.200-201]. Таким образом, языковая деятельность человека осознанно или неосознанно связана с образным мышлением.

В лингвистических исследованиях образная составляющая включается в семантическую структуру слова и в структуру концепта. В частности, образный компонент лексического значения составляет его импликационал. Импликационные связи значений представляют собой когнитивный аналог реальных связей сущностей объективного мира, их взаимодействий и зависимостей. Одно понятие предполагает, вызывает мысль о другом, т.е. имплицитно другое понятие, если предполагается какая-то зависимость, взаимодействие, связь отражаемых ими сущностей [Никитин, 1996, с.225]. В известном описании механизма семантической деривации М.В. Никитина импликационная связь лежит в основе переноса значения в случае метафоры, метонимии и синекдохи [там же: с.234 - 238], которые можно рассматривать как основные способы языковой образности.

В лингвокогнитивных исследованиях образный компонент включается в образно-ассоциативный слой концепта - совокупность образов и ассоциаций, возникающих в сознании при репрезентации концепта. Сложившиеся в обществе образы и ассоциации концепта составляют его центральную зону (ядро и приядерную зону). Это могут быть, например, внутренние формы языковых единиц (*медведь – любящий мед*) и образы, закрепленные в авторских или фольклорных текстах (*кошка гуляет сама по себе*) [Слышкин, 2004, с.33]. Центральные образы концептов формируют общенациональную составляющую картины мира. Периферийные зоны концептов состоят из индивидуально-личностных (авторских) образов и ассоциаций и формируют индивидуальную составляющую картины мира. Перераспределение смысловых акцентов с ядерной зоны концептов на периферийную, характерное для художественного текста, проявляется в выдвигании на первый план индивидуально-авторских личностных смыслов. Результатом такого перераспределения становятся уникальные образы, наполняющие содержание авторского концепта, которые составляют суть художественного творчества.

Языковая образность как речетворчество – необходимое условие развития языка. В языке должны все время появляться новые выражения, образная основа которых ощущается с яркостью и «свежестью», иначе языку грозит смысловое омертвление. От многократных повторений образ утрачивает свое

свежесть, становится «стертым», его значение начинает восприниматься автоматически, без образного представления. Значение «стертого» образа признается дефектным, поскольку оно теряет духовное наполнение, утрачивает творческую энергию. Чтобы противостоять автоматизации, которая непрерывно грозит языку в процессе его обиходного употребления, языковому материалу необходимы свежесть и новизна образного восприятия, придавая ему «остраняющий эффект» [Гаспаров, 1996, с.200-201]. Термин «остранение» (от слова «странный»), введенный в теорию литературы В.Б. Шкловским, означает «художественный прием описания любого явления как впервые увиденного», который нацелен на потребность в нарушении «традиции», желание противостоять косности восприятия и стимулирование свежести с помощью неожиданного, неотягощенного культурным контекстом взгляда на реалии бытия и искусства [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, с.704]. Так, модернизм утвердил принцип постоянного насилия по отношению к языку, постоянной ломки и перекраивания языкового материала для придания ему эффекта остранения [Гаспаров, 1996, с.201].

Языковая образность как постоянное речетворчество происходит не только в рамках литературного процесса. Однако ярче всего образность проявляется в художественном слове. Именно поэтому для изучения образности и речетворчества художественный текст имеет особое значение в силу уникальности языкового материала. Можно считать, что любой образ, воплощенный в художественном тексте, является не только языковым, но и художественным.

Понятие художественного образа шире литературного, т.к. относится к любому виду искусства, и связано с такой формой познавательного процесса как воображение и творчество. Воображение способно воспроизводить образ предмета, уже когда-то созерцавшегося (репродуктивное воображение) и создавать образ впервые (продуктивное или творческое воображение) [Роль человеческого фактора в языке, 1988, с.23]. Воображение и мышление являются высшими познавательными процессами, в результате которых складывается картина мира, сочетающая как понятийную сторону, так и образное понимание мира. Воображение работает на том этапе познания, когда неопределенность ситуации велика и исходные данные с трудом поддаются точному анализу, что порождает вариативность творческих решений [Маслова, 2012, с.36]. Специфика художественной образности состоит в том, что «давая человеку новое познание мира, оно одновременно передает и определенное отношение к отражаемому» [Арнольд, 2002, с.113].

Считается, что понятие образности совпадает с понятием художественности: художественное отражение жизни и есть отражение жизни в образах. Эстетический аспект художественности предполагает органическое соответствие формы содержанию, которое достигается талантом, мастерством, оригинальностью, вкусом, чувством меры и вдохновением художника. Однако существенным признаком художественности признается идейно-эмоциональное отношение художника к действительности в ее эстетическом значении [Борисова, 2010, с.7].

В гносеологическом аспекте образность – есть вымысел. Однако не всякий вымысел следует считать художественным.

Так, Е.Ю. Ильинова выделяет три разновидности вымысла в зависимости от его функционально-прагматической значимости и интенций его использования: (1) манипулятивный вымысел, связанный с намеренным искажением информации; (2) эвристический вымысел, нацеленный на постижение неизвестного, нового с опорой на уже познанное и вербализованное человеком; и (3) эстетико-художественный вымысел, нацеленный на реализацию эстетических потребностей человека в образно-эмоциональном описании мира, своего внутреннего состояния, в выражении своего отношения. Цель манипулятивного вымысла – внедрить в сознание социума неточные или ошибочные представления о положении дел в мире, о псевдоценностях и псевдогероях в формате различных жанров институционального, бытийного и бытового дискурса. Эвристический вымысел направлен на объяснение человеком не вполне понятных ему явлений в окружающем мире и проявляется как в научном и бытовом дискурсе [Ильинова, 2009, с.17]. В отличие от манипулятивного в художественном вымысле, проявляющегося в художественном дискурсе, нет намерения обмануть или ввести в заблуждение. Между автором и читателем есть «договоренность о правилах игры в правдоподобие», в частности, о том, что истина автора – это истина субъекта творческого познания. На вымысле основывается «эстетическое событие» художественного текста [Щирова, 2013, с.108-118].

Проблема художественного вымысла сложна и неоднозначна. Так, различают жизнеподобный (правдоподобный) и нежизнеподобный (неправдоподобный) вымысел. В первом случае не происходит нарушений законов действительности, поскольку моделируемые сущности, свойства и процессы подобны тем, что уже имеются в мире, во втором - вымышленные ментальные конструкты «столь причудливо сочетают в себе характеристики реального мира, что возникает иллюзия их независимого существования, нарушающего эти законы». Иллюзорная неузнаваемость вымышленных конструктов определяется отсутствием у них денотатов в действительном мире [Щирова, 2013, с.104].

Преобладание нежизнеподобного вымысла – возможно одна из ярких характеристик современного литературного процесса. С ним связывается интерес к сказке (например, *Гарри Поттер*) и рассвет литературного жанра фантастики и его видов – научной фантастики и фэнтези, - которые отличаются значительной степенью отрыва авторской фантазии от реальной действительности, так что создается целый вымышленный мир. Такая крайняя форма художественной образности нацелена на то, чтобы усилить эмоциональный эффект произведения искусства. На самом деле любой художественный образ – это средство выражения отношения к действительности, чаще всего, к человеку, его отношениям в мире, его психологическим состояниям. Можно сказать, что в каждом произведении искусства решается проблема поиска смысла жизни.

Именно поэтому помимо познавательной и эстетической функции художественная образность выполняет функцию воспитательную. И.В. Арнольд пишет, что «образная природа искусства может рассматриваться как сигнально-

информационная, причем его воздействие на формирование личности, его социально-воспитательная роль несоизмеримы с его собственной энергией» [Арнольд, 2002, с.113].

Наконец, следует сказать, что образность в литературном тексте представлена системой образов. Поскольку такой текст как произведение искусства выражен языковыми единицами, то любой языковой образ здесь формирует отдельный художественный образ или составляет его, а любой художественный образ, так или иначе, имеет языковое воплощение. Художественный текст как целое представляет собой образ действительности (макро-образ), содержание которого представлено базовым авторским концептом (глубинным смыслом). В этот образ включаются образы персонажей, событийные образы, образы-детали, состоящие в свою очередь из словесных образов (микро-образов). Образная система текста, таким образом, строится отношениями иерархии [Щирова, 2006, с.40]. Это значит, что отдельно взятый образ без учета его отношений с другими образами в системе, не несет художественную смысловую нагрузку.

Для иллюстрации некоторых образов как компонентов образной системы художественного текста возьмем известную сказку Британского писателя Роальда Даля (*Roald Dahl*) «Бесподобный мистер Лис» (*Fantastic Mr Fox*). Хотя сказка была написана в 1970 г., она вполне может считаться артефактом, репрезентирующим современную картину мира, поскольку, во-первых, представляет собой признанный образец литературного чтения для современных детей, во-вторых, широко представлена во вторичных интерпретациях – постановках, мультфильме, фильме и оперетте (последняя экранизация датируется 2009 г.), наконец, текст сказки используется на современных обучающих сайтах (например, сайты *Roald Dahl* - <http://www.roalddahl.com/home>, *Storyboard That* - <http://www.storyboardthat.com/>).

Главный персонаж сказки - мистер Лис - борется за жизнь своей семьи против трех фермеров, которые хотят его поймать, раскопав его нору, и убить. Мистер Лис – герой, что очевидно из заглавия. Он умен, хитер, энергичен, щедр и заботлив по отношению к своей семье. В отличие от него фермеры (антагонисты) представлены отвратительными, жадными и злыми. Конфликт построен на поиске выхода из казалось бы безвыходной и драматичной ситуации – семья Лиса не может выйти из норы, так как на нее идет охота, и ее ждет смерть либо от рук злых фермеров, либо от голода. Писатель не обходит стороной и моральную дилемму: фермеры хотят убить Лиса, поскольку он ворует у них птицу. Друг Лиса Барсук напоминает ему о том, что воровство порочно. Однако, когда семья и соседи в смертельной опасности, все способы хороши. Воспитательный аспект истории понятен – жадности и насилию нужно противостоять, семью любить и спасать, с соседями делиться.

Для стиля Даля (автора многих известных произведений для детей и взрослых) характерны гротеск, ирония, «черный юмор», использование сниженной лексики, за которые его часто критикуют. Все эти черты характерны для современной литературы в целом. Однако традиционными

остаются жанровые принципы текстопостроения – типизация персонажей и композиция нарратива.

Наиболее ярко представлены образы антагонистов. Имена фермеров реализуются антономасией - *Vunce* (выгода), *Boggis* (bogus – фальшивый), *Bean* (боб) (в русскоязычном переводе сохраняется аллитерация – *Шар, Шок, Шун*). Их образы крайне неприятные: первый очень маленький (как карлик) и злой, второй – толстый обжора, третий – очень худой, циник и алкоголик.

Образность характеров и сюжета сопровождается «черным юмором» с помощью эмоционально и оценочно окрашенной лексики:

(1) *He made a disgusting paste from the livers* (Он делал отвратительный паплет из печенки) (здесь и далее перевод наш – С.Ф.);

(2) *Boggis smells of rotten chicken-skins* (Шок пах гнилыми куриными шкурками);

(3) *the fumes of apple cider hang around him like poisonous gases* (аромат яблочного сидра окутывал его как ядовитые газы);

(4) *poor bloodstained remains of... a fox's tail* (бедные окровавленные останки... лисьего хвоста);

(5) *Bean never took a bath. He never even washed. As a result, there were all kinds of muck and wax and bits of chewing-gum and dead flies and stuff like that in his earholes* (Шун никогда не мылся... В результате его уши были забиты разным пережженным и воском и кусками жвачки и дохлыми мухами и всяким таким) [<http://english-e-reader.net/onlinereader/mr-fox-roald-dahl/>].

Отметим, что образность здесь носит преимущественно чувственный характер – создаются визуальные, обонятельные, вкусовые образы, которые способствуют передаче иронического модуса повествования, окрашенного «черным юмором».

Интересен образ тракторов, которые пригнали, чтобы раскопать нору Лисов. Этот образ олицетворяет угрозу жизни и сравнивается с чудовищем:

The machines were both black. They looked like monsters.The machines went to work, biting huge mouthfuls of soil out of the hill. The big tree under which Mr Fox had dug his hole fell like a matchstick (Обе машины были черными. Они были похожи на монстров.... Машины начали работать. Набивая рты землей, они выедали ее из холма. Большое дерево, под которым Лис вырыл свою нору, упало как спичка).

В языковом аспекте интересны метафора и сравнения, апеллирующие к динамичному визуальному ощущению.

В качестве других языковых микро-образов используются интересные случаи художественного сравнения – *Suddenly, as though springs had been released in their legs, the three hungry Small Foxes and the hungry Badger sprang forward to grab the food* (Вдруг, как будто в их ногах отпустили пружины, три голодных Лисенка прыгнули вперед хватать еду); *"It's... it's like melted gold!" he gasped. "Oh, Foxy, it's... like drinking sunbeams and rainbows!"* («Это... это как расплавленное золото!», - он «О, Лисок, это... как будто пить солнечный свет и радугу!»), и трансформация фразеологизма - *he was lending a paw* (он протянул лапу помощи).

Таким образом, вся система образов сказки нацелена на формирование макро-образа – борьбу добра со злом, – и состоит из ярких образов персонажей (Лис, фермеры, лисята, Барсук и др.), в числе которых умный и щедрый, но не лишенный слабостей протагонист; образов-деталей (например, машины-монстры) и микро-образов (метафор и сравнений).

Итак, под художественной образностью может пониматься создание эстетически ценностной системы художественных образов с целью передачи идейного содержания. Языковая образность представляется познавательно и эстетически значимым преобразованием языкового материала как результатом речетворчества.

Литература:

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта, Наука, 2004.
2. Борисова Е.Б. Художественный образ в английской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод. Автореф.....д.филол.н. Самара, 2010.
3. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов // URL: http://lingvistics_dictionary.academic.ru.
5. Ильинова Е.Ю. Концептуализация вымысла в языковом сознании и тексте. Автореф...д.филол.н. Волгоград, 2009.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин, М., 2001.
7. Маслова Ж. Н. Когнитивная концепция поэтической картины мира. М.: Флинта, 2012.
8. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996.
9. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.
10. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004.
11. Щирова И.А. How to analyze fiction. СПб.: Борей Арт, 2006.
12. Щирова И.А. Текст сквозь призму сложного. СПб.: Политехника-сервис, 2013.
13. Dahl R. Fantastic Mr Fox / <http://english-e-reader.net/onlinereader/mr-fox-roald-dahl/>

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

Научно-фантастическая (НФ) литература в XX веке пережила бурный расцвет. Если в начале века НФ развивалась в направлении, заданном романами Жюль Верна (где восхищенно описывались новинки техники и те сказочные перемены, которые они должны принести в жизнь мирных обывателей), то во второй половине века, в послевоенный период, НФ становится «площадкой» для психологических экспериментов и философского осмысления ситуации, сложившейся с началом фактического осуществления «научно-технического рая» на практике. Человечество осваивалось в новых реалиях и пыталось понять, куда еще его может занести нелегкая судьба очередной научно-технической революции в ближайшем будущем. С одной стороны, НФ в лице Шекли, Бредбери, Саймака, Хайнлайна, Кобо Абэ, Лема, Ефремова, Стругацких и многих сотен других авторов упорно размышляла над теми же самыми «вечными» вопросами («кто мы, где мы и куда идем?»), что и все прочие писатели в «дофантастическую» эпоху. С другой стороны, НФ, описывая человеческие характеры «в новых декорациях», выполняла функцию психологической адаптации населения к меняющимся реалиям и в определенном смысле задавала «вектор развития», как бы «подсказывая», чего именно нужно ждать впереди. Именно эта последняя функция НФ (формирования общественных ожиданий) получила в настоящее время самое серьезное развитие и, с учетом распространения фантастики на кино- и телеэкраны, используется как никогда эффективно.

Между тем за последние полвека (уточним: примерно с 1965 по 2015 годы) НФ сильно изменилась - «научность» из нее в значительной мере ушла, а освободившееся пространство заполнилось (в полном соответствии законам для идеального газа) «фантастичностью», откровенной «сказочностью», мистикой и т. п. Данное наблюдение, по всей видимости, отражает перемены в жизни «постиндустриального» общества. Интенсивность развития НФ прекрасно коррелировала с интенсивностью развития самой науки, ростом общего числа работников, занятых в научно-технической сфере (НТР), то есть была тесно связана с развитием индустриально-технической цивилизации. Процессы интенсивной деиндустриализации в мировом масштабе вызвали в этой цепочке (индустрия — наука — НТР) соответственно интенсивные процессы, но уже с обратной направленностью. Такое изменение структуры НФ говорит о том, что число технически грамотных читателей резко снизилось, а выросло число тех, кто готов поверить в любые байки, лишь бы они были складно написаны и сюжет развивался достаточно динамично. Именно у этой постоянно растущей части читателей (уже квазинаучной фантастики) можно спокойно формировать любые требуемые «ожидания».

Сколько ни рассуждай Фукуяма об «обществе знаний», читать его многостраничные опусы сможет достаточно узкая прослойка населения, а вот

современная «фантастика», да еще экранизированная, донесет те же самые идеи до самых широких масс. Без подобной пропаганды было бы невозможно продвигать, например, идеологию трансгуманизма, а без подобных проектов (заметим: пользующихся скандальной известностью), как без подпорок, рухнет все идеологическое обеспечение «общества знаний», построение которого служит оправданием всей глобальной программы деиндустриализации под предлогом якобы «перехода к новому укладу экономики». Неотвратимость наступления глобального трансгуманистического будущего обосновывается усиленной пропагандой успехов (настоящих и предполагаемых, то есть мнимых), в частности, так называемых БНИК-технологий (то есть био- нано-информационно- и когнитивных технологий). При этом, как мы помним, число читателей, способных отличать откровенные выдумки от реально перспективных проектов, постоянно снижается.

Идеология трансгуманизма предполагает ни больше ни меньше, как постепенную трансформацию обычного «биологического» человека в некое более совершенное существо, «транс-человека» (приставка «транс-», судя по всему, служи эвфемизмом скомпрометировавшей себя в данном случае приставки «сверх-» перед словом «человек»). Такая трансформация мотивируется возможностью получения «сверхспособностей» за счет все более тесного «сращивания» человека с техническими устройствами (то есть трансформации «биологического» человека в киборга), либо снабжения его искусственно выращенными органами, либо «выведения» методами генной инженерии человека с заранее заданными («сверх-») свойствами и т. п. Именно в русле развития «трансгуманистической» идеологии лежат скандально знаменитые инициативы по официальной легализации однополых браков с последующей заменой терминов «отец» и «мать» на «родитель № такой-то». Подобные инициативы позволяют снять (с юридической точки зрения) ряд проблем, фактически уже давно возникающих при применении вспомогательных репродуктивных технологий (например, суррогатная мать как родитель №3) и готовят почву для возможного развития событий в этом направлении (например, появления генно-модифицированных транс-людей). Критики трансгуманизма отмечают, что развитие событий в этом направлении грозит уничтожением человека, как биологического вида и отражает изначальную психологическую подсознательную установку идеологов-трансгуманистов на борьбу с собственной природой.

Основателем движения «трансгуманизма» объявлен Дж. Хаксли – выдающийся ученый и гуманист, мечтавший в середине XX века (это было время, когда люди, выжившие после двух мировых войн, жили в ожидании третьей) о той роли, которую наука и культура могут сыграть для избавления человечества от страшных бедствий и на пути к лучшему будущему. Можно полагать, что в целом Дж. Хаксли имел в виду не столько радикальную трансформацию человека, сколько максимально полную реализацию тех потенциалов, которые уже заложены в его природе. Что бы мог сказать знаменитый ученый о своих якобы «последователях»? Вряд ли он бы их одобрил. К сожалению, мотивы активности современных апологетов

трансгуманизма далеко искать не нужно. Под рекламную кампанию о «светлом постчеловеческом будущем» разворачиваются дорогостоящие научные программы. По мнению Б. Юдина, «во времена Дж. Хаксли трудно было бы помыслить, что публикация статьи даже такого авторитетного ученого с обоснованием идей трансгуманизма может привести к финансовой поддержке исследований в этой области. Между тем в наши дни не то что победа, которую одержали бы сторонники трансгуманизма в дискуссиях со своими оппонентами, но даже само по себе оживленное обсуждение этой темы выступает в качестве важного фактора, обеспечивающего как социальную, так и финансовую привлекательность выдвигаемых в этой области проектов» [Юдин, 2013].

Одним из основополагающих текстов трансгуманизма является увидевшее свет в 1989 г эссе «Манифест киборгов» Донны Харауэй. Эта работа получила широчайшую известность и цитируется до сих пор (возможно, благодаря удачно выбранному заголовку). Труд Д. Харауэй (биолога и философа), написан с долей иронии и представляет из себя вольные обобщения на материале большого количества научно-фантастических произведений и носит откровенно утопический характер, однако он был воспринят мировой общественностью совершенно всерьёз и резонанс имеет нешуточный. Пафос работы опять-таки заключается в борьбе с собственной природой во имя снятия вечных (в том числе гендерных) противоречий и никак не решаемых проблем. С точки зрения Д. Харауэй, поскольку люди в условиях современной цивилизации не могут существовать без всевозможных технических устройств, им пора перестать притворяться «просто биологическими людьми», признать себя уже почти киборгами и сделать следующий шаг: начать срывать себя с техническими устройствами, то есть стать киборгами настоящими. «В мире, где живут Номо Суборг, нет гендерных различий, более того — не существует границы между человеком и животным, человеком-животным и машиной, материальным и нематериальным. Когда будут пересмотрены традиционные представления о том, что такое человек, а бинарные оппозиции гуманизма преодолены, воцарится справедливость и взаимоуважение, без конфликтов и противоречий» [Харауэй, URL]. Важной особенностью этой работы является то, что Д. Харауэй анализирует не просто фантастику, а феминистскую фантастику, в которой лейтмотивом является «несправедливость», вытекающая из биологического «неравенства», связанного с разделением людей по полу, то есть на мужчин и женщин. Призывы к уничтожению пола в этой работе вроде бы и не звучат, но вместо этого читателю предлагается смириться с тем, что половое (гендерное) разделение попросту исчезнет само по себе, по мере научно-технического развития цивилизации и исчезновения прежнего, «биологического» человека - что, собственно, по мнению Д. Харауэй, уже и происходит.

Утопические и «природоборческие» тенденции трансгуманизма наглядно обнаруживаются в фактах отрицания человеческого пола, как почти отжившего свое и совершенно необязательного в будущем пережитка прошлого. Отрицание пола, то есть, по сути, борьба против собственной природы,

практически полностью заимствовано из идеологического багажа ультрарадикального феминизма 60-70 гг XX века. Одной из наиболее известных теоретических работ на эту тему стала изданная в 1970 г книга Суламифи Файерстоун «Диалектика пола» («Dialectic of sex»). В этом труде автор без каких-либо сомнений смешивает социологию с биологией, экстраполируя идеи борьбы социальных классов на отношения полов. Файерстоун объявила женские тела «средствами производства населения» (которые по сути не принадлежат женщинам, а эксплуатируются мужчинами) и потребовала их экспроприации. По мнению автора, женщинам следовало прекратить (хотя бы временно) рожать детей, вынудив человечество ускорить изобретение альтернативных способов производства потомства, например, в лабораториях. Все это должно было помочь женщинам не проводить за "биологическими" занятиями большую часть своей жизни. Таким образом, осознав, что есть барьеры, которые невозможно преодолеть - то есть законы природы, ограничивающие биологические возможности человека – Файерстоун предложила бороться именно с ними: «для уничтожения сексуальных классов необходимо восстание низшего класса (женщин), и захват ими контроля над средствами воспроизводства: не только полное восстановление собственности женщин на свое тело, но и (временный) захват власти над процессом человеческого размножения - новая популяционная биология и социальные институты по рождению детей и уходу за ними... Конечной целью феминистской революции должно стать... не только уничтожение мужских привилегий, но и различий между полами как таковыми» [Файерстоун, 2010; URL].

Таким образом, поставив задачу борьбы с социальной несправедливостью, автор в итоге предлагает ее решать путем борьбы с биологической сексуальностью вплоть до ее полного уничтожения. Подобное «решение» позволяет лишь продемонстрировать, сколь пагубно не только игнорировать биологическую составляющую в человеке, но и смешивать вместе, не разделяя, биологическое и социальное, фантастику и реальность. Кроме того, призыв Файерстоун помочь женщинам не тратить время на «биологические занятия» выявляет изначально негативную психологическую установку (возможно, не до конца осознаваемую) автора по отношению к своей собственной природе, термин «биологические» здесь получает оттенок «недостойное, не заслуживающее внимания». Эта установка так или иначе опирается на широко распространенную в современной (в первую очередь западной) культуре оппозицию «душа – тело», непосредственно связанную с оппозицией «человек – животное», коренящуюся в теологическом прошлом современной гуманитарной традиции и наложившей отпечаток на мышление всех ее представителей, независимо от их религиозности. Многие гуманитарии (в отличие от биологов и экологов) до сих пор отвергают возможность какого-либо сравнения поведения человека с поведением животных [Гороховская, URL]. Так или иначе, очевидно, что идея уничтожения человеческого пола (сексуальности) достаточно четко была сформулирована как минимум полвека назад.

Заметим, что сама идея превращения людей в бесполох человекоподобных существ и рождения (появления на свет) детей таких существ искусственным образом в лабораторных условиях, уже относится к области научной фантастики и вряд ли могла бы появиться в «донаучную» и «дофантастическую» эпоху. Но пока мечта о роботизированных инкубаторах человеческих клонов (по крайней мере на данном этапе развития науки и техники) может быть порождением либо невежества, либо маниакальной фантазии. Тем не менее, подобный «пересмотр традиционных представлений» о человеке грозит, по мнению Ж. Бодрийера, тем, что продолжение происходящих процессов в ближайшем будущем «...приведет к растворению гендера как социального явления, а анатомический пол - при свободе многократных трансгендерных операций и развития виртуальной эротике - потеряет смысл первичной гендерной дифференциации. В результате мы получим бесполого пост-человека, размножающегося клонированием, наподобие раковой опухоли, воспроизводящей совершенно одинаковые и не нужные организму клетки злокачественной ткани» [Бодрийер, 2000].

Каким же образом, начав борьбу за социальную справедливость (равноправие с мужчинами), феминизм пришел к борьбе против биологии пола? Традиционно рассмотрение гендерной проблематики в историческом плане возводилось к рассмотрению угнетения женщин в рамках в патриархальной цивилизации, где власть как репрессивность ассоциируется с патриархальным укладом жизни и «маскулинностью». Но из констатации существования женственности и мужественности самих по себе никак не вытекает ни оправдание, ни объяснение доминирования, ни биологическая обусловленность социальной несправедливости. Более того, попытки «биологически» обусловить дискриминацию тех или иных групп населения пахивают социал-дарвинизмом, а то и чем-то похуже. Таким образом, подмена борьбы за социальную справедливость борьбой с собственной природой, с биологией пола, ведет в тупик, «потому что поверх дихотомии мужского/женского начала существует начало человеческое, общее для мужчины и женщины: его освобождение и реализация по-прежнему стоит на повестке дня». Общей задачей людей вне зависимости от половой принадлежности является «...борьба за полное экономическое, социальное и культурное равенство» [Маркузе, 2008].

Лейтмотив борьбы с природой, покорения природы, доминировавший (насаждавшийся) в массовом сознании в начале XX века, к концу века сменился осознанием необходимости сохранения природы, в том числе и своей собственной, ее лучшего понимания и изучения. По мнению известного биолога Франса де Вааля, именно благодаря переоценке роли природных факторов, биологических законов в нашей жизни психологическая установка «природа существует для использования ее человеком» сменилась установкой «природа - это исток, который нужно беречь» [Де Вааль, URL]. Разумеется, подобная борьба идей находила свое отражение в фантастике, в качестве примера можно привести, скажем, роман Гарри Гаррисона, в русском переводе известный как «Неукротимая планета». И сейчас, в XXI веке мы вдруг снова

видим рецидив идеологии борьбы с природой? Не совсем так – может быть, от понимания, что природу надо беречь (природу, окружающую нас), человечество еще не дошло до понимания, что и свою собственную природу тоже надо беречь. Фантастика в данном случае по-прежнему находится на переднем крае идеологической борьбы – в качестве одного из инструментов формирования общественного мнения.

Литература:

Бодрийяр Жан. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

Гороховская Е. А. Споры вокруг этологии человека: конфликт и взаимовлияние биологического и гуманитарного подходов. 2007. URL: <http://ethology.ru/library/?id=270>

Де Вааль Ф. Культура приматов. Как шимпанзе стали людьми. Интервью радио «Свобода». URL: <http://ethology.ru/interview/?id=180>

Маркузе Г. Марксизм и феминизм. Лекция, прочитанная в Стэнфордском университете 7 марта 1974 г. М.: Свободное марксистское издательство, 2008. 17 с.

Файерстоун С., Диалектика пола. Демоскоп weekly № 411-412, 22 февраля – 7 марта 2010 г. Электронная версия бюллетеня «Население и общество» Институт демографии Государственного университета - Высшей школы экономики. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0411/gender03.php>

Харауэй Д., Манифест киборгов // URL: <https://wayback.archive.org/web/20120214194015/http://www.stanford.edu/dept/HPS/Haraway/CyborgManifesto.html> ; Горизонты утопии: 10 манифестов о будущем. URL: <http://econet.ru/articles/66510-gorizonty-utopii-10-manifestov-o-buduschem>

Юдин Б. Г. Трансгуманизм: сверхгуманизм или антигуманизм? // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. М.: ИФ РАН, Вып. 7. 2013. С. 10- 24.

Рогожникова В.Н. (Москва)

ВПЕЧАТЛЕНИЕ КАК ТОВАР

Внутренний мир человека – его воображение, желания, чувства, эмоции – сегодня является восполняемым (хотя и ограниченным – прежде всего в психологическом смысле слова) ресурсом экономики. К нашему внутреннему миру обращается реклама, которую мы видим по телевизору или слышим на радио; места, где мы развлекаемся или культурно отдыхаем (театры, музеи, библиотеки, кинотеатры); места, где мы получаем образование (университеты и школы, разнообразные курсы); места, где мы лечимся или развиваем физические способности нашего организма (фитнес-клубы, клиники, аптеки).

Фирмы, которые сопровождают свои товары слоганами вроде «вы получите незабываемые впечатления», «вас ждут уникальные переживания и эмоции», «этот товар сделает вас счастливыми» предлагают нам не что иное, как нас самих – наши желания, чувства, наше воображение. Как это возможно? Каковы характеристики мира, в котором мы продаем и покупаем впечатления? На эти вопросы мы постараемся ответить в данной работе.

Формирование новой экономики

В конце 1990-х на Западе заговорили о формировании экономики нового типа, ориентирующейся не на товары и даже не на услуги, а на впечатления как основной товар. Условия перехода к экономике впечатлений, а также ее характерные черты были описаны в одноименной книге Дж. Пайна и Дж. Гилмора.

Впечатление – след, оставленный в сознании, душевной жизни чем-то пережитым, воспринятым [см.: Ожегов, 2010]. По мнению американского футуролога Фейт Попкорн, впечатление – это «сказочное приключение» [Пайн, Гилмор, 2005]. Эти два определения похожи, но если впечатления, соответствующие первому определению, мы получаем ежедневно в нашей обычной жизни, то впечатления второго порядка – нечто особенное. Именно они лежат в основе экономики впечатлений.

Среди условий формирования новой экономики можно называть следующие явления [см.: Пекар, 2008]:

1. Миграция ценности – добавленная стоимость товара возникает в наше время благодаря тому, что мы получаем незабываемые впечатления от предоставляемого товара или услуги.

2. Коммодитизация – ситуация, когда потребитель не видит разницы между одинаковыми товарами разных брендов. Как итог – ценность бренда падает, и конкуренция осуществляется в форме конкуренции цен (скидки, распродажи).

3. Размывание понятия собственности – появление новых форм собственности, в основном касающихся размещения материалов в сети Интернет.

4. Трансформация классовых границ потребления – одни и те же товары доступны для разных классов покупателей, и заработать на богатых потребителях становится все сложнее.

5. Изменяется понятие занятости – благодаря развитию удаленных форм работы, работы по совместительству и проч.

6. Понятие бренда – торговый знак (марка) с высокой потребительской репутацией – также претерпевает изменения, связанные с дефицитом новаторских идей.

7. Глобальная экономика приводит к тому, что в любой развитой стране в магазинах представлен примерно один и тот же ассортимент товаров.

Все, сказанное выше, в применении к российской действительности имеет определенные ограничения – так, в нашей стране классовые границы потребления во многом сохраняются из-за большого социального расслоения;

кроме того, качество обычных товаров и услуг часто оставляет желать лучшего. Удаленная занятость и работа по совместительству также в России – удел немногих. Но явление коммодитизации вполне применимо к нашей действительности – стоит зайти в любой крупный торговый центр, и мы заметим, что витрины магазинов пестрят объявлениями о скидках, распродажах и «окончательных ликвидациях».

Так или иначе, спрос на товары и услуги падает, полагают Дж. Пайн и Дж. Гилмор, и на смену последним приходят впечатления. Психологическая причина развития экономики нового типа заключается в том, что желания у потребителей возникают, но их все труднее становится вписать в привычную форму товара или услуги. Еще один фактор образования экономики впечатлений – внутренний закон развития технологий, сформулированный создателем операционной системы Linux, Линусом Торвальдсом: сначала они являются средством выживания, затем встраиваются в «общество, основанное на коммуникациях», и наконец, используются для развлечения [см.: Торвальдс, Даймонд, 2002]. Он же говорит и о впечатлениях, которые стали доступны с развитием новых технологий – будь то современные парки аттракционов или круизные лайнеры. Все, что производит экономика, должно отвечать только одному требованию – желанию человека.

Впечатление как товар

Как товарную экономику сменила экономика услуг, так, по мнению Дж. Пайна и Дж. Гилмора, на смену последней придет экономика впечатлений. Впечатление как товар имеет несколько особенностей:

- оно не несет в себе непосредственной экономической пользы, его нельзя потребить [см.: Пекар, 2008];
- в то же время одно и то же впечатление нельзя потратить дважды;
- впечатления принадлежат к т.н. нематериальной экономике – их нельзя осязать;
- каждое впечатление нагружено личностными смыслами;
- впечатление следует «подавать горячим» и изготавливать с помощью потребителя.

Существенное отличие впечатлений от традиционных товаров и услуг заключается в том, что, покупая впечатление, человек «платит за незабываемые минуты своей жизни, подготовленные компанией (как в театральной пьесе), т. е. за собственные чувства и ощущения» [Пайн, Гилмор, 2005]. Что интересно – реальность, стоящая за впечатлением, часто носит только правдоподобный характер: события сопровождаются кажущимся риском, путешествия ограничиваются нашим воображением. Именно воображение является опорой экономики впечатлений.

Ценность впечатления иная, чем ценность товаров и услуг, потому что это внутренняя, субъективная значимость. В этом смысле впечатление не может обесцениться, а товар или услуга – могут. Таким образом, ценность впечатлений имеет субъективные основания, но именно эти основания оказываются более прочными, чем вроде бы объективная потребность человека

в определенных товарах и услугах. Но компании могут использовать впечатления как форму, упаковку для продажи связанных с впечатлениями товаров или услуг.

Наиболее очевидный пример продажи впечатлений – это индустрия развлечений. Однако развлечениями новая экономика не исчерпывается. Отличительная черта впечатлений – то, что они затрагивают сразу несколько чувств. Например, современные библиотеки уже не рассчитывают, что к ним придут люди, любящие чтение – сегодня библиотеки привлекают потенциальных читателей, устраивая квесты, музыкальные вечера, дискуссии на разные темы (подчас совершенно не связанные с книгами и чтением) и т.д.

Современные технологии позволяют выстраивать сложные и уникальные впечатления, и такой способ зарабатывания денег все больше нравится компаниям, потому что прежние способы устаревают. Такие компании называются «режиссерами впечатлений» [Пайн, Гилмор, 2005].

Срежиссировать впечатление, связанное с необычным товаром (услугой) – легко, отмечают Дж. Пайн и Дж. Гилмор, и гораздо труднее это сделать в отношении обычных вещей, которыми человек пользуется в быту. Один из способов сделать это – придумать нестандартный способ использования вещи.

Впечатления могут предоставляться: а) во время использования товаров и услуг; б) в дизайне товаров и услуг; в) во время получения товаров; г) в процессе обладания товаром.

При этом или мы погружаемся в мир, созданный впечатлением, или же впечатление переходит в наш внутренний мир. В зависимости от этого, Дж. Пайн и Дж. Гилмор выделяют четыре области впечатлений:

Развлечение – пассивное поглощение впечатлений.	Обучение – активное поглощение впечатлений.
Уход от реальности – активное погружение во впечатление.	Эстетика – пассивное погружение во впечатление.

Таблица составлена на основе источников [Пайн, Гилмор, 2005; Пекар, 2008].

На наш взгляд, данную классификацию не следует рассматривать как окончательную. Например, определение развлечения как пассивного поглощения может быть справедливым в отношении классической формы кинофильма, предлагающего нам готовый альтернативный мир, в создании которого мы не участвуем. Безусловно, мир кинофильма не мог бы существовать без нашего воображения, но наше участие в создании этого мира все равно пассивно. Сегодня, тем не менее, уже существуют фильмы, сюжетную линию и концовку которых определяет зритель. Эти фильмы пока существуют на границе виртуального мира компьютерных игр и классического кино, набор сюжетов обычно также задан. И все-таки, мы полагаем, что в ближайшие 10-15 лет могут появиться полноценные интерактивные фильмы, создание которых не только допускает участие зрителя, но и невозможно без него.

Эстетическое впечатление

Мы поговорим об эстетическом впечатлении. Для человека, выбирающего данный тип впечатления, важно просто быть, присутствовать в реальности этого впечатления. Особую важность здесь обретает среда, в которой человек получает впечатление; эта среда может быть природной, созданной человеком или содержать в себе элементы того и другого. Реалистичность эстетического впечатления условна – тот, кто предоставляет такое впечатление, должен стремиться к реалистичности последнего... и это все. Переживания, за которые мы платим, должны иметь свои границы допустимого. Впрочем, здесь есть и исключения – таков экстремальный спорт, где клиент не только получает комбинацию впечатлений, но и действительно рискует своим здоровьем или жизнью. Однако спорт нельзя отнести к эстетическому впечатлению – он скорее связан с уходом от реальности.

Говоря об эстетическом впечатлении, мы сталкиваемся с проблемой общества потребления, подробно описанной еще Ж. Бодрийяром: создание симулякров, копий товаров и услуг приводит к необходимости отличать копию от подлинника. Но сегодня, отмечают Дж. Пайн и Дж. Гилмор, перед нами встает другая проблема – отличить одну копию от другой, поскольку копии тоже бывают разного качества. По мнению авторов книги «Экономика впечатлений», хорошие подделки отличаются от плохих тем, что они «улучшают реальность» [Пайн, Гилмор, 2005].

С другой стороны, впечатление не может быть неестественным – оно всегда настоящее, поскольку действительно переживается нами.

Наши отношения с реальностью – тема для отдельной статьи, но интересно отметить, что сегодня реальность беспокоит нас все больше: мы постоянно проблематизируем это понятие, пытаюсь то уйти от реальности, то приблизиться к ней, а то и сделать ее более «реальной». Чувство реальности происходящего изменяет нам. Экономика впечатлений, на наш взгляд, вполне вписывается в эту традицию. Понятие «настоящий», используемое авторами «Экономики впечатлений», тоже своего рода соломинка, за которую мы пытаемся ухватиться в стремлении к впечатлениям, способным встряхнуть наше сознание.

В качестве руководящих принципов разработки главной темы впечатления для компаний – режиссеров впечатлений – Дж. Пайн и Дж. Гилмор дают интересные рекомендации:

- тема впечатления должна менять восприятие реальности (обычные вещи должны представлять в неожиданных ракурсах);

- самые сильные впечатления «полностью изменяют восприятие времени, пространства и материи» [Пайн, Гилмор, 2005] – таковы, например, различные симуляторы реальности, от космических полетов до путешествия в мир, населенный динозаврами. В Москве действует аттракцион «Дом вверх тормашками»;

- хорошая тема создает целостный мир со своим пространством, временем и материей – своего рода альтернативную реальность;

- хорошая тема продумана и структурирована, она представляет собой строгую последовательность взаимосвязанных частей – сюжет впечатления, его *историю*;

- впечатление должно разворачиваться в непротиворечивой среде, которая не будет отвлекать клиента от главного;

- тема впечатления должна быть связана со специализацией компании.

Передачами впечатления выступают ощущения, связанные либо с предметами, либо с людьми (персоналом фирмы).

Происходящие в компании процессы по режиссуре впечатлений можно назвать массовой персонализацией – эффективным сочетанием низких издержек и высоко индивидуализированного подхода к каждому клиенту [см. Пайн, Гилмор, 2005]. В результате возникает впечатление как ответ на более или менее явные желания потребителя – если компания угадывает эти желания, она может не беспокоиться о выборе: клиент не будет думать, что ему выбрать, если ему предлагают в точности то, чего он хочет.

Бизнес как театр

Таким образом, возникает новая модель бизнеса – театр. Она характеризуется высшей степенью продуманности действий персонала фирмы – от директора до маркетологов и продавцов в торговом зале. Все они – участники одного (или нескольких) представления, которое разворачивается не столько в физических декорациях (или может быть антураж магазина, его сотрудники и сами товары), сколько в пространстве воображения и чувств клиента.

Логичной кажется заключительная мысль, следующая за описанием «театральной модели» бизнеса: клиент – это продукт. Компания продает клиенту его самого, вернее, наиболее личную его часть – желания и ту реальность, которая жаждет сбыться посредством этих желаний. Мы есть то, что мы покупаем – впечатления, приобретаемые нами, выражают нашу сущность. И в этом пункте, по мнению американских исследователей, открывается путь к следующему этапу развития экономики – к экономике трансформаций. Суть этого типа экономики – совершенствование потребителя благодаря товарам, услугам и впечатлениям, которые он покупает. В конечном счете, впечатления тоже теряют свою остроту, и в нашем движении к реальности (не вполне ясно, какой именно – по всей видимости, она создается нами в процессе ее открытия) нам нужно нечто более основательное.

В качестве примеров трансформационных процессов авторы «Экономики впечатлений» называют фитнес, коучинг, заботу о здоровье. На наш взгляд, эти процессы вполне вписываются в традиционную рыночную экономику, поскольку на них сегодня успешно зарабатывают деньги в ущерб развитию смысла. Понятие саморазвития также нуждается в критерии – но, задумываясь об этом, мы приходим к идее разнообразия форм и целей саморазвития, поскольку живем в эпоху индивидуализма. Найти универсальное определение саморазвития трудно – но можно предположить, что саморазвитием будет любой процесс, приводящий индивида на качественно новый (качественный

аспект трансформации Дж. Пайн и Дж. Гилмор связывают с понятием эффективности – у изменения, которое претерпевает человек, должен быть эффект, причем долгосрочный) уровень осознания себя в мире, взаимодействия с миром, окружающими людьми и самим собой. Что именно будет таким качественным сдвигом для определенного человека – решает он сам.

Маркетинг впечатлений

В настоящее время экономика впечатлений активно используется в маркетинге. Для маркетинга идею постановки впечатлений как формы бизнеса разработал американский ученый Бернд Шмитт [см. Шмитт, 2005; Шмитт, 2001]. Цель маркетинга впечатлений – уйти от стандартизированной продукции (товаров и услуг) к инновационному бизнесу. Новации – важное понятие маркетинга впечатлений: без постоянного обновления тем и сценариев для впечатлений компания может утратить конкурентное преимущество. И поскольку в экономике впечатлений клиент платит за свои собственные желания, чувства и ощущения, неудивительно, что многие компании видят своей целью формирование наших потребностей.

Как отмечают В.П. Дюков и Т.Э. Тимкова, успешный маркетинг впечатлений начинается с «анализа эмпирического мира клиента» [Дюков, Тимкова, 2010, с.78] – его картины мира, социокультурного контекста его жизни, желаний, потребностей, эмоций и проч. Следующий этап – эмоциональное позиционирование; здесь компания определяет, какие бы впечатления и эмоции она хотела пробудить в клиенте. Затем формируется целостное впечатление от бренда, включающее в себя эстетику последнего. Четвертый этап – создание интерфейса клиента: сотрудники компании размышляют о поведении клиента в магазине, о том, когда ему лучше всего звонить, какую структуру сайта магазина покупатель сочтет наиболее удобной [см. Дюков, Тимкова, 2010, с.78]. Последний этап, реализуемый непрерывно в деятельности фирмы, это поиск и внедрение инноваций разных типов.

Действует маркетинг впечатлений и в сфере искусства. Как отмечает Б. Шмитт, искусство становится развлечением, и этим пользуются музеи, чтобы стать популярными у потенциальных посетителей [см.: Шмитт, 2005, с.7]. Российским примером шоу в искусстве являются выставки в пространстве Art Play, где шедевры художников мировой известности проецируются на гигантские экраны, картины движутся и изменяются. В этом суть и того, о чем пишет Б. Шмитт, называя современные музеи «торговыми центрами культуры» [Шмитт, 2005]. Шоу, которые устраивают известные музеи, приглашают посетителей активно участвовать в процессе. Среди впечатлений, предлагаемых сегодня музеями, можно найти фильмы, перфомансы, лекции, видео-шоу, торговые бутики, фуд-корты, сувенирную продукцию (не только альбомы художников, но и чехлы для айфонов, обложки для паспорта и другие товары с принтами великих произведений искусства). К организации музейных шоу привлекаются спонсоры, для которых эти траты являются благотворительностью и не облагаются налогами.

Как отмечает в своем выступлении на недавнем форуме «Искусство и капитал» немецкий искусствовед Х.-П. Шверфель, в наши дни большинство музеев образуется благодаря частным коллекционерам, стремящимся не к быстрой прибыли от покупки-продажи предметов искусства, но к долгосрочным инвестициям [см.: Шверфель, 2016]. Исследователь отмечает еще одну интересную черту современного искусства – оно больше не занимается критикой эпохи, в которую развивается. Искусство встроено в эту эпоху, и на примере музейных шоу мы можем видеть, насколько глубока эта интеграция.

Заключение

1. Экономика впечатлений проникает во все сферы жизни человека – образование, спорт, медицину, культуру, работу, развлечения. Человек становится точкой пересечения множества усилий привлечь его внимание именно к этому товару, услуге, бренду. Компании, использующие впечатления для развития своего бизнеса, фактически изобретают клиента, который поэтому может быть назван товаром новой экономики.

2. Существенной чертой экономики впечатлений является симулирование реальности, создание новых уникальных миров на границе различных искусств и видов человеческой деятельности. Интересно, что новые реальности – это продукт экономики, а не культуры в чистом виде. Собственно, чистой культуры уже не существует.

3. На наш взгляд, в новой экономике можно выделить следующие положительные черты: развитие нестандартного мышления как у тех, кто продает, так и у тех, кто покупает; развитие новых видов искусства на границе жанров; расширение наших представлений о реальности; появление новых возможностей для саморазвития.

4. Среди отрицательных последствий жизни в эпоху экономики впечатлений мы назовем: утрата чувства реальности происходящего; обман, которому подвергаются потребители, – часто вследствие низкой культуры мысли и эстетического чувства; использование сведений о личных предпочтениях, желаниях и проч. недобросовестными маркетологами; создание напряженной социокультурной среды, в которой очень высока психологическая загруженность индивида, к чьим чувствам и эмоциям постоянно обращаются более или менее назойливые рекламные объявления и представители компаний.

5. В экономике впечатлений индивид сталкивается с интересным парадоксом: с одной стороны, он рискует полностью утратить власть над своим внутренним миром; с другой стороны, он должен обрести ранее небывалую самостоятельность, уверенность в себе, способность к критическому мышлению. Такая ситуация нередко порождает стресс и желание уединиться. Но одиночество тоже может быть ловушкой.

Литература:

Дюков В.П., Тимкова Т.Э. Экономика впечатлений: актуальные тенденции // Материалы пятой международной научно-практической конференции для

преподавателей, аспирантов и молодых ученых «Современные технологии управления предпринимательством и возможности использования информационных систем: состояние, проблемы, перспективы». Одесса: Букаев В.В., 2010. - С.76-79.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: 2010. URL: <http://ozhegov.textologia.ru/definit/vpechatlenie/?q=742&n=167446> (дата обращения 20.10.2016).

Пайн Дж., Гилмор Дж. Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. М.: Вильямс, 2005.

Пекар В. Введение в экономику впечатлений // Маркетинг и реклама. 2008. URL: <http://pekar.in.ua/ExperienceEconomics.htm> (дата обращения 20.10.2016).

Торвальдс Л., Даймонд Д. Ради удовольствия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. URL: http://www.lib.ru/LINUXGUIDE/torvalds_jast_for_fun.txt (дата обращения 20.10.2016).

Шверфель Х.-П. Роль денег в обороте товара «искусство». Дискуссионно-аналитический форум «Искусство и капитал». Гете Институт, 03.-04.10.2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1ZyDmQqXSrI> (дата обращения 20.10.2016).

Шмитт Б. Бизнес в стиле шоу. Маркетинг в культуре впечатлений. М.: Вильямс, 2005. – 400с. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=70398> (дата обращения 20.10.2016).

Шмитт Б. Эмпирический маркетинг: Как заставить клиента чувствовать, думать, действовать, а также соотносить себя с вашей компанией. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 400с. URL: http://web.krao.kg/6_marketing/0_pdf/3.pdf (дата обращения 20.10.2016).

Фомин А. П.

БЫТИЕ И ОБЫВАТЕЛЬ: ДИАЛЕКТИКА ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО В КАРТИНЕ МИРА

Художественный образ и искусство.

В теме семинара хотелось бы сразу обозначить два аспекта – общий (философский) и частный (психологический). Нас интересует философский аспект, в то время как частный мы оставляем психологам. То есть мы не будем говорить о роли конкретно-образного мышления и воображения в познавательной деятельности индивида. Наряду с предметно-действенным и словесно-логическим, конкретно-образное мышление – это важная и не заменяемая форма человеческого мышления. Как и воображение – важнейшая и не заменяемая часть психики. По этой причине вопрос об участии конкретно-образного мышления и воображения в познавательной деятельности человеческого индивида просто, на наш взгляд, не стоит. Это вообще не философский вопрос и не проблема, а просто предметная область психологии;

психология говорит нам, что и конкретно-образное мышление, и воображение всегда участвуют в процессе познания, как же, как и эмоции, с которыми образы психики всегда связаны. Даже научный текст я не могу читать без эмоций и образов, хотя не они являются главным продуктом этого чтения.

На уровень методологии и общенаучной проблематики мы выходим, когда ставим вопрос именно в таких терминах, как «художественный образ» и «картина мира». Во-первых, потому, что не любой образ индивидуальной фантазии и конкретно-образного мышления является художественным. И это – проблема эстетики, раздела философии. Художественным образ индивидуального воображения и конкретно-образного мышления становится только тогда, когда является *частью искусства*, то есть частью *объективно-идеального* (об этом – чуть ниже). А во-вторых, потому, что картина мира не есть продукт индивидуального «ума», индивидуального сознания, как не являются продуктами индивидуального «ума» религия, философия, наука.

Художественный образ – часть искусства. Но что такое искусство? Разве не все художественное творчество индивида? И это тоже серьезная методологическая проблема – что есть искусство, а что – не искусство. Мы для себя даем такое определение: искусство в индивидуальном творчестве есть там и тогда, где и когда присутствуют: а) творческий *труд* автора, подразумевающий, прежде всего, владение какой-то техникой и демонстрацию этого владения; и б) социально значимые смыслы в продукте. Это определение позволяет нам не отождествлять искусство с квази-самовыражением и пустым оригинальничаньем, замотивированными исключительно желанием публичного эпатажа, стремлением шокировать публику и запечатлеть в сознании людей, тем самым, не произведение искусства, а исключительно себя-любимого.

И тема в результате звучит так: *роль искусства в формировании современной картины мира*. Но тогда мы должны разобраться, что такое картина мира. Как оказалось, проблема-то как раз здесь, то есть в трактовке картины мира.

Картина мира.

Начнем с констатации факта: в информационном пространстве Интернета мы можем легко найти два принципиально противоречащих определения картины мира. Ясно, что одно – истинное, другое – либо ложь и манипуляция, либо заблуждение. Ведь мы имеем дело с наукой, а, стало быть, со **знанием**, а не с мнениями, которые могут быть какие угодно. Или у нас уже полный постмодерн и науку можно выбросить за борт или («мягкий» вариант) считать ее интеллектуальной игрой профессионалов?

Тематический словарь «Философия науки и техники» на Academic.ru определяет картину мира как «совокупность взаимосвязанных систематизированных представлений об устройстве мира, Вселенной, о месте в ней человека, его познавательных и творческих возможностях» [Картина мира, URL] которая складывается *исторически и объективно*. В ней отражается суть эпохи, и отсюда – религиозная, философская и научная картины мира, в зависимости от эпохи.

Религиозная картина мира складывается в недрах религии и объективна в том смысле, что не является вымыслом отдельных индивидов и строится строго в конфессиональных рамках конкретной религии с опорой на известные религиозные источники, догмы и авторитеты. Если индивид начинает выдумывать «свою» религию и своего «бога», то этот индивидуальный опыт имеет другое название – мистика и сектантство. Субъектом (создателем и носителем) является в этом случае в первом этапе сообщество интеллектуалов адептов (патристика, жития, пророки), а затем церковь как социальный институт, включающий в себя, конечно, всех верующих. Поэтому религиозная картина мира имеет определение как *объективно идеальное*. Я надеюсь в этой аудитории не надо объяснять, что общество, социум, в том числе сообщество адептов какой-то религии, – это не просто механическая сумма индивидов – носителей «индивидуального» сознания. Общество – это еще и объективно существующие *отношения и смыслы*, которые могут индивидами осознаваться, а могут и не осознаваться, и, как правило, в полной мере редко осознаются. В теории систем (а социум – это сложная, сложнейшая система) это тот случай, когда целое больше механической суммы своих частей.

В отличие от религиозной, **философская картина мира** складывается как результат процесса рационального, но еще не опытно-экспериментального познания наиболее общих закономерностей и законов развития природы, общества и мышления без опоры на сверхъестественное. Поскольку философская картина мира не подтверждается опытом и экспериментом, она критична, что превращает ее в процесс. Все это также делает философскую картину мира *объективно идеальным*, не сводя ее к мнениям различных философов. Это – развивающееся и общезначимое знание.

Современная **научная картина мира** складывалась в недрах физики как результат конвергенции рационализма и эмпиризма. Она претерпела изменения, будучи представлена в формах механистической, электромагнитной и релятивистской физической картины мира. Поскольку наука не стоит на месте, то и научная картина мира меняется, превращаясь из статичной картины в процесс. Наряду с физической КМ говорят о химической, биологической и др., совокупность которых и составляет *естественно научную картину мира*. Но в любом случае опираются на положение М.Планка, согласно которому «образ мира», картина мира *формируется в науке и отражает объективные закономерности мира природы*. То есть научная картина мира есть результат процесса познания, складывающийся в научном сообществе. Проще говоря, субъектом-создателем и субъектом-носителем научной картины мира в полной мере является научное сообщество, а не индивид.

Подытожим: картина мира (религиозная, философская или естественно-научная) есть часть общественного сознания, то есть *объективно-идеального* в социуме; создателем и носителем картины мира в полном ее объеме является социум в лице его специфических духовных структур, форм общественного сознания – религии, философии и науки.

В индивидуальном сознании все три типа картины мира могут присутствовать как результат индивидуального же процесса *познания*, как

знание и понимание объективно-идеального, сформировавшегося в религии, философии или науке. Говорить, что индивид творит картину мира сам создавая индивидуальную картину мира, все равно, что сказать, что индивид творит свою индивидуальную религию, или свою науку, или свою философию. По этой причине выражение «индивидуальная картина мира» означает «деревянное железо». Это – нонсенс.

Коллега из Воронежа В.В. Чучупал [Чучупал,2016], обвинил одного из участников семинара С.О. Гапановича [Гапанович, 2016] в алармизме. Между тем, о гуманитарной катастрофе не мы первые и не сегодня заговорили. А в грандиозных возможностях современных информационных сегодня уже ни кто не сомневается. И наивно думать, что продуктом деятельности IT-корпораций являются только нейтральные и безобидные компьютерные программы и IT-технологии. Продуктом их деятельности (производственной и маркетинговой) является сознание, о чем и идет речь в нашей статье. И то, какое сознание «на выходе» мы получим, зависит, во-первых, от контента информационного поля, формируемого сегодня, а во-вторых, и это главное, от нашего понимания этого контента и адекватно-критического отношения к нему.

Вот, например (продолжая тему картины мира), мы читаем наиболее популярный современный источник информации Википедию: картина мира – это «совокупность основанных на *мироощущении, мировосприятии, миропонимании и мировоззрении, целостных и систематизированных представлений, знаний и мнений* человеческих общностей и *отдельного человека (мыслящего субъекта)* о мире (Земле) и мироздании (Вселенной, Мультивселенной), а также опознавательных и творческих возможностях, смысле жизни и месте человека в нём. В любой картине мира преобладающими являются те идеи (обыденного, религиозного, философского, научного и эстетического сознания), которые соответствуют ценностным представлениям и смыслу жизни *отдельного человека*» [Картина мира, URL]. И далее, через ссылки на Ясперса и Тоффлера, делается вывод: «*Всё это многообразие даёт возможность современному человеку [читай: человеческому индивиду] творить и дополнять свою собственную личную картину мира*» [Там же].

Через этот информационный ресурс вымывается старый и адекватный смысл и внедряется постмодернистский, конструктивистский: *сегодня современную картину мира каждый индивид творит сам.*

Меня, пожалуй, могут обвинить в ограничении индивидуальной свободы творчества. На самом деле все как раз наоборот – эта точка зрения Википедии индивидуальную свободу творчества как раз и ограничивает, ориентируя индивида на интеллектуальное рабство. Ведь творить-то он творит свою, индивидуальную «картину мира», но что это значит и что и кто за этим стоит – не понимает. И главное – какой индивид получается в этом случае на выходе? Индивид, у которого «в голове» - «деревянное железо».

Конечно, необходимо ответить на вопрос: достаточен ли перечень картин мира, приведенный выше? Может быть наряду с религиозной, философской и естественно научной КМ корректно говорить о художественной картине мира, экономической, политической или какой-то другой? На наш взгляд, это

корректно только в той мере, в какой существует в науке физическая, химическая картина мира. Они являются частью научной картины мира, не противореча ей. Так, в науке филологии, объектом изучения которой является *язык как объективно идеальное*, существует языковая картина мира и языковая личность.

Предпринимаются попытки сформировать картину мира в искусстве, морали, праве, политике, однако единых результатов пока нет. Более того, мы считаем, что они и не сформируются по объективным причинам, каковы: многошкольность, отсутствие единой методологии, жесткая ангажированность интересами, а не истиной. А картина мира – это все же форма познания. И это все – не недостатки этих форм общественного сознания, а их достоинства. Именно в этом и состоит их сущность и важнейшая функция – в дополнении и попытке творческого синтеза указанных выше основных картин мира (религиозной, философской и естественно-научной).

Для ясности мы предлагаем следующую классификацию:

1. общие картины мира (религиозная, философская и научная), сформировавшиеся исторически и существующие как объективно идеальное;

2. частные картины мира (физическая, языковая и др.), не противоречащие общим и являющиеся их частью;

3. вспомогательные картины мира, которые никогда не сформируются как объективно идеальное и всегда останутся *субъективно идеальным* и, на этом основании, будут играть важную, но вспомогательную роль (художественная, эстетическая, нравственная и др.).

Поясним, что быть *субъективно идеальным* (в отличие от объективно идеального) – это значит нести в себе преимущественно характеристики субъекта, а не объективного мира, не бытия. Например – характеристики сознания художника, автора авторской художественной картины мира, или некоего моралиста, судящего, например, об истоии с моральных позиций. Это, безусловно, тоже очень важно; но при этом всегда надо помнить, что мы рассуждаем, таким образом, не о бытии, не о мире, а о частной концепции, частном взгляде на мир, и именно этот частный взгляд на мир, а вовсе не мир сам по себе, является предметом нашего анализа (об этом подробнее – в критической части семинара).

Мы предполагаем, что «индивидуальная картина мира», которую, по мысли Википедии (если у «нее» есть хоть какая-то мысль, учитывая специфику этого источника), сегодня творит каждый индивид, это «картина мира», сформированная на базе обыденного сознания, которое вообще выпадает из всех форм общественного сознания, в том числе и из тех, о которых идет речь в третьей группе картин мира в приведенной выше классификации. Но об объектеле как феномене чуть ниже. Сначала о бытии.

Бытие.

Мы не раз уже употребляли выше термин «объективно идеальное». В философии для обозначения объективной реальности существует категория бытия. Бытие – это *«философская категория, обозначающая реальность,*

существующую объективно, вне и независимо от сознания человека» [Огурцов, 1983, с.69].

Для того, чтобы понять, что такое объективно *идеальное*, необходимо, как рекомендовал Ф.Бэкон, избавиться от «идолов», то есть от ложных стереотипов. Первый идол – объективную реальность сводить к материи, материальному миру. Эту устаревшую вульгано-материалистическую картину мира преодолела уже немецкая классическая философия, отказалась от механистического материализма эпохи Просвещения. Наряду с материальным миром бытие включает в себя и объективное идеальное: это «ценности культуры, общезначимые принципы и категории научного знания» [Там же]. Проще говоря, объективно идеальное, которое входит в структуру бытия – это все формы общественного сознания или, как часто их называют, формы духовной деятельности человека (общества): мораль, право, религия, философия, наука, искусство, политическое сознание.

Второй идол – связывать идеальное только с деятельностью мозга и считать идеальное продуктом деятельности мозга индивида. Идеальное не существует без участия человеческого мозга, но мозг не производит идеального. В самом мозге нет ни грана идеального; то есть образы, мысли, чувства «не находятся» в мозгу. А где? Они – в человеческой деятельности, которая по определению социальна. Формы человеческого мышления, «производящего» идеальное, это прежде всего *формы человеческой деятельности* [См.: Ильенков, 1984]. Мышление изначально предстает как деятельность в «матрице» культуры, то есть социальная деятельность, как в онтогенезе, так и в филогенезе. Даже деятельность отшельника в лесу социальна. Даже асоциальная и революционная деятельность социальна в том смысле, что сущностно связана с социумом самой своей антисоциальной или антисистемной интенцией.

После того, как мы избавились от идолов и больше не отождествляем бытие с материей, а сознание с мозгом, мы можем сказать, что *картина мира есть общественная форма идеального отражения бытия*. Или иначе: *бытие в идеальной форме существует как картина мира*. Это и есть диалектика бытия и сознания в приложении к конкретной теме: бытие и сознание не существуют друг без друга, это две противоположности одного целого. В данном случае таким целым является картина мира. Но тогда мы вправе утверждать, что «индивидуальное сознание», в котором не присутствует ни одна картина мира как объективно идеальное, ни общая, ни частная, ни вспомогательная, а присутствует только бессистемная смесь впечатлений из личного опыта и личные интересы, выключен из бытия, существует вне бытия. Или, попросту, не существует. Так в теории. Но как на практике?

Личность.

Пожалуй могут возразить, что я в своих рассуждениях потерял личность как уникальность и неповторимость. Нет, не потерял. Вернемся к определению бытия как объективной реальности и с удивлением прочтем, что бытие как объективная реальность включает в себя также и (внимание!) «бытие личности» [Огурцов, 1983, с.69]. И это еще один «идол»: утверждают, что в философии и

психологии советского периода личность нивелируется и подчиняется государству или коллективу. Между тем я цитирую определение бытия из источника 2983 года; автор ссылается на С.Л. Рубинштейна и Э.В. Ильенкова, создателей отечественной теории личности.

Как это понять: *бытие личности есть объективная реальность, не зависящая от нашего индивидуального сознания?* Как может моя собственная личность не зависеть от моего собственного сознания? Ведь это полностью противоречит современным индивидуалистическим установкам, согласно которым личность есть чуть ли не основная «собственность» индивида, которой только он и вправе распоряжаться. Собственная личность не зависит от собственного сознания только при одном условии: если моя личность «принадлежит» не только мне, то есть включает в себя нечто, вне меня существующее, а часто даже мне не известное.

Традиционная отечественная теория личности, разработанная Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, Э.В. Ильенковым и др. и подтвержденная эмпирической базой, определяет личность как *индивидуальный ансамбль, неповторимую систему социальных отношений, то есть отношений, сложившихся в обществе, в социуме, в культуре*. Проще – *личность есть индивидуальная форма существования социального*. И это не апологетика конформизма или тоталитаризма, поскольку и социальный протест (его содержание и формы), и неконформизм, и эскапизм, и продукты фантазии (в том числе художественной) – это тоже продукт конкретного социума, общественного сознания, а не индивидуального мозга. Выделение в личности ее неповторимых черт, уникальности, ее отличий от других личностей – это первая и весьма внешняя, формально-логическая задача на пути изучения личности. Вторая и более существенная задача состоит в обнаружении и выявлении общественного, «голосов» социального в индивидуальном; то есть в проявлении того «ансамбля» социальных отношений и смыслов, который «звучит» в индивидуальной деятельности. При этом индивид сам может и не слышать этот «ансамбль», и чаще всего и не слышит за дымовой завесой собственной уникальности. Если же начинает слышать, то поднимается на гораздо более высокий уровень мышления и творчества.

Зададимся вопросом: всегда ли, каждый ли индивид и в какой степени индивид причастен к бытию? То есть любой индивид, конечно, часть бытия. Но всегда ли бытие в формах своего объективно идеального представлено в индивидуальном сознании?

В далекой античности считалось, что только философ в полной мере причастен к бытию, ибо только он познал логос. Средневековые философы в рамках религиозной картины мира считали, что причастие к бытию возможно только в вере, в боге, ибо только бог есть истинное бытие. Логос стал богом. Библия начинается с фразы «Вначале было слово», но «слово» по-гречески «логос»; и это не то слово, которое произносит кто-то еще, ибо еще нет никого, кто бы его произносил. Возрождение считало причастным к бытию только того индивида, кто уподобился богу-творцу в своем творчестве, оправдав тем самым, что он – венец Творения, а не просто часть тварного мира.

Богоборческое Просвещение считало, что бытие есть природа, и причастен к бытию тот, кто выкинул бога из своего индивидуального сознания и опирается на научную картину мира. Эта традиция механистического материализма на Западе была продолжена позитивизмом и сциентизмом, которые оставили бога частной жизни. Традиция механистического рационализма в западной философии неизбежно должна была упереться в индивида, и апофеозом индивидуализма стал экзистенциализм. Ж.-П. Сартр в своей книге «Бытие и ничто» [См.: Сартр, 2004] отрицает вообще объективные смыслы в бытии и снимает эту проблему в индивидуальном существовании: бесконечное творчество, причем любое, не только художественное, и бесконечное утверждение своих смыслов индивидом делает вообще ненужным причастие индивида к бытию как объективной реальности. Но у Сартра была острая проблема экзистенциального выбора: человек ежесекундно реализует себя путем выбора себя как Человека, а не зверя. И это и делает его жизнь напряженной борьбой. Экзистенциальный человек – это не обыватель! Экзистенциальный человек – это Сизиф, бросивший вызов богам! И вот теперь, в эпоху постмодернизма, а «информационного» общества нам говорят, что бытие – это информация, а быть причастным к бытию значит быть частью «информационного поля». Если ты не информационном поле – тебя нет вообще. Обратная сторона этой медали – отождествление объективной реальности (то есть бытия) с информационной реальностью. Это мы и называем термином *виртуализация* [Фомин, 2007], который означает, конечно, не технологический процесс цифрового переформатирования текстов и перемещения их в информационное пространство, и не все более широкое использование цифровых технологий в обществе, в частности и в образовании. Виртуализация – это процесс «переформатирования» сознания человека; суть этого процесса – в массовом производстве такого сознания, которое уже не отличает субъективного от объективного и принимает первое за второе. Массовое общество, общество потребления – вот известные имена для этого явления.

Между тем, в диалектическом материализме, который сегодня не популярен, проблема решается иначе. Если бытие – это объективная реальность, включающая в себя как свою противоположность сознание в его общественных формах, а картина мира – это часть общественного сознания, то есть объективно идеальное, то индивид, причастный к бытию – это индивид, причастный к картине мира как объективно существующему феномену. То есть – личность, понимаемая как ансамбль социального в индивидуальном сознании.

Обыватель.

Настало время вернуться к главному персонажу – обывателю и к теме статьи. Эти два слова, бытие и обыватель, имеющие одинаковый корень, будучи воспринимаемы как понятия, совсем не родственны. Простой логический анализ показывает, что объемы этих понятий никак не пересекаются, а сами понятия являются не только не совместимыми, но и несравнимыми. Как колодец и поэма, как весна и треугольник, как образование и пылесос.

Понятие бытия – это понятие самого высокого уровня абстрагирования; понятие, содержание которого крайне бедно, а объем огромен. Понятие же

«обыватель» всего лишь обобщающее, то есть служит для обобщения конкретных объектов и обозначает определенную группу людей, обладающих конкретными свойствами. Содержание его огромно и в литературе раскрыто очень хорошо, а объем ничтожен по сравнению с объемом понятия «бытие». Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова обыватель – это *«человек, лишенный общественного кругозора, с косными, мещанскими взглядами»* [Ушаков, URL].

В отечественной художественной литературе образ обывателя достаточно очерчен и нарисован яркими красками. Я не буду цитировать А.П.Чехова, Н.Е.Салтыкова-Щедрина, Н.В.Гоголя, И.А.Гончарова и других писателей. Рискну дать свое, философское определение. *Обыватель – это человеческий индивид, в сознании которого существует тенденция максимального исключения объективно идеального.* Результатом этой тенденции является исключение бытия из сознания обывателя, а самого обывателя – из бытия как такового.

Это значит, что если в моем индивидуальном сознании не присутствуют ни наука, ни философия, ни религия (в форме картины мира), ни мораль, ни право, ни искусство, ни политика, или они существуют только в суррогатном виде, что сегодня часто встречается, то я к бытию не причастен. Я из него выключен.

Что же в моем индивидуальном сознании в таком случае присутствует? Индивидуальные псевдонаучные «инновации» и «открытия», вроде утверждения, что знаков зодиака 13, а не 12. Индивидуальные мнения о всеобщих законах мира и человека, не связанные ни с какой логикой и аргументацией, ни с какой критикой и самокритикой. Индивидуальные мистические переживания, не имеющие никакого отношения к религии, вроде веры в черную кошку или бога Кузю. Подростковая уверенность в том, что норы морали относительны, а значит ее, морали, нет, а значит нет и чувств верующих, которые могут быть оскорблены. Убежденность в том, что искусство – это любая форма самореализации и фантазирования, а значит любая инсталляция и перформанс есть новое искусство. Но главное – стержнем такой личности становится индивидуальная выгода и индивидуальный комфорт.

Пожалуй, скажут, что такого персонажа в действительности нет и быть не может: нет такого индивида, в индивидуальном сознании которого не присутствует ничего общественного. И будут правы. Конечно, нет. Это – идеальный образ. И художественная литература дает нам описание идеальных образов обывателя. Но вот ведь в чем проблема: сегодня это субъективно идеальное стремятся сделать объективно идеальным и представить как образ желаемой личности.

Отчуждение бытия.

В философии XX века в свое время утвердилась и играла важную роль категория отчуждения. Смысл ее в том, что не любые социальные условия позволяют человеку быть человеком. Более того, при определенных социальных условиях сущность человека отчуждается от него и, будучи присвоена некими частными структурами и группами, используется для своих частных целей. Этот процесс отчуждения имеет и другое название – обесчеловечивание,

дегуманизация, а определенный критический уровень этого процесса – гуманитарной катастрофой или кризисом гуманизма (в зависимости от остроты ситуации).

Мы предполагаем, что в современном обществе, массово производящем индивида-обывателя, наблюдается процесс отчуждения от человека самого бытия. И это – онтологическая, а не социальная проблема. В качестве доказательства приведем три примера. Исламский (и любой другой религиозный) радикализм – это пример отчуждения человека от религиозной картины мира, ибо исламский радикализм противоречит религии ислама и ничего общего с ним не имеет, кроме того, что пользуется этой религией в целях манипуляции. Украинский (и любой другой) нацизм – это отчуждение от научной картины мира: мистическая вера в свою исключительность – это вообще главный признак нацизма. Наконец, американский протестантский фундаментализм – это отчуждение от философской картины мира, в рамках которой когда-то сложилась великая идеология Просвещения, попорченная идеологией современного рыночного либерализма.

Литература:

Гапанович С.О. Глобализация и антропогенез в свете проблем информационной экологии // Социум. Сознание. Язык. Выпуск пятый. СПб.: ЛЕМА, 2016. С.74-77.

Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2-е изд., дополненное. М.: Политиздат, 1984. -320с.

Картина мира // URL: http://science_philosophy.academic.ru.

Картина мира // URL: <https://ru.wikipedia.org/>

Огурцов А.П. Бытие // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С.69-70.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. Пер.с франц., предисл., прмеч., В.И.Колядко. М.: Республика, 2004. -639с.

Ушаков Д.Н. Обыватель // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/897342>.

Фомин А.П. Педагогическое сознание в условиях виртуализации социальной реальности. М.: АПК и ППРО, 2007. -208с.

Чучупал В.В. Социум. Сознание. Язык. Выпуск шестой. СПб.: ЛЕМА, 2016. С.123-125.

Пристенский В.Н. (Воронеж)

ОБРАЗЫ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА: ФИЛОСОФСКИЙ И НАУЧНЫЙ ПОДХОДЫ

Образы права в современной картине мира [см.: Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996] формируются в контексте философского и научного (юридического) подходов к праву и могут быть раскрыты через

понятие правопонимания. Данное понятие, несмотря на его кажущуюся «юридичность», выработано в рамках именно философского подхода к праву и все шире вводится в последнее время в аппарат философствования,

Еще Гегель убедительно показал, что философский подход к праву не подменяет юридического, поскольку угол зрения юридической науки объективно очерчивает ее границы в исследовании права. Философ считал, что следует различать позитивное право как систему юридических законов и философию права, которая имеет своим предметом идею права и его наличного бытия. Вот почему задача философии состоит в том, чтобы определить, что есть право вообще, в отличие от положительной юриспруденции, имеющей дело с особым правом как системой законов [см.: Гегель, 1990, с.59-63].

Точку зрения выдающегося немецкого философа в современной отечественной философии аргументировано обосновывает Р.И. Таллер. По его мнению, философское исследование права не подменяет юридического подхода, ибо выражает и реализует природу философии, ее угол зрения и, тем самым, детерминировано последними. Что может и что должна открыть философия в праве, имеющем, как и любое сложное явление, многоступенчатую структуру, различные уровни организации, сущности различного порядка? По всей видимости, то, что она открывает в мире как целом (а право – лишь фрагмент его, оно не имеет собственной логики, отличной от логики мира), – сущность самого глубокого порядка, субстанцию, всеобщее. Соответственно этим же определяется и подход. Он состоит в необходимости определения субстанции права, его самых глубоких детерминант (и, тем самым, критерия), естественно лежащих за его пределами [см.: Таллер, 1989, с.5-8,11,12,45,99,109].

Иными словами, философский подход к праву с необходимостью предполагает выявление оснований права, т.е. таких бытийных начал, которые, находясь за пределами правовой эмпирики, делают ее возможной, образуют ее первооснову, генерируют право как сущность и как явление. Основания права представляют собой тем самым совокупность факторов и условий, с одной стороны, как бы внешних по отношению к нему, а с другой – обуславливающих право и задающих его смысловой контекст.

Чтобы раскрыть этот контекст философский подход к праву использует категорию «понимание». Данную категорию в первом приближении можно рассматривать как осмысление вообще [см.: Гусев, Тульчинский, 1985, с.41], как раскрытие и воспроизведение смыслового содержания предмета. Понимание – это такой способ освоения реальности, при котором осваиваемый мир предстает для человека как сфера значений и смыслов, преломляется в связную систему предметов «мира человека». Включенные в этот мир вещи и явления предстают как носители смыслов и значений. Понимание и есть процесс освоения, постижения, выработки их человеком. Оно обусловлено социально-историческими и социокультурными предпосылками и выступает как процесс смыслопорождения (конституирования сознанием смыслообразов) [см.: Современная западная философия, 1991, с.74].

В этом контексте процесс поиска «запредельных» оснований права (его субстанции, самой глубокой детерминанты, первоисточков) выступает одновременно и как понимание права – как его общее осмысление, как поиск ответа на «гегелевский» вопрос: что есть право вообще? Иными словами, процесс поиска оснований права с необходимостью приводит к формированию смыслового образа права. Следовательно, проблема оснований права в философии связана с проблемой формирования образа права, и не может анализироваться вне ее контекста. Проблема же формирования образа права выступает как определенный этап решения указанных проблем, как своеобразный аспект проблемы правопонимания. Проблема правопонимания (и как ее аспект проблема формирования смыслового образа права), таким образом, имплицитно содержится в рамках философского подхода к праву. Различие смыслов, вкладываемых в право, различие ответов на вопрос: что есть право вообще? определяется различием подходов к решению проблемы оснований права – к поиску субстанции права, его коррелятов и самых глубоких детерминант и первоисточков. То, или иное решение данной проблемы порождает то или иное видение сущности права, его коррелята (отождествления права с чем-то, например, со свободой или принуждением), назначения в обществе, а тем самым и смыслообраза. Этот смыслообраз «вынесен» в «конец» процесса понимания [см.: Соколов, 1998, с.158] права и как бы аккумулирует в себе результаты поиска его оснований. Такой «финальный», «результатирующий» смыслообраз права представляет собой как бы завершенное правопонимание, правопонимание как некую данность, или собственно правопонимание. Правопонимание выступает как «законченная» смысловая структура, которая в силу специфичности человеческого осмысления действительности приобретает социальное, надындивидуальное значение [см.: Гусев, Тульчинский, 1985, с.52] и поэтому может рассматриваться объективно («сама по себе»), сравниваться с другими подобными смысловыми структурами (типами правопонимания, или образами права). В этом плане наличие различных типов правопонимания, давно признанное и философией и наукой (юриспруденцией), означает наличие различных объективных «правопонимательных» смысловых структур, каждая из которых воплощает в себе тот или иной вариант поиска оснований права, его тот или иной образ. А это значит, что именно «через» правопонимание, его анализ можно «добраться» до оснований права, до способов формирования его образа, именно оно выступает как главный путь их постижения.

Философский анализ правопонимания, таким образом, позволяет раскрыть основные конструкты субъективной правовой картины мира. Субъективность правовой картины мира достаточно четко и ярко прослеживается в современной философской и научной литературе [См., например: Фомин, 2016].

Литература:

- Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии: Филос.-гносеол. анализ. М.: Политиздат, 1985.

Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М. Образы права в России и Франции: Уч. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996.

Современная западная философия: Словарь. М.: Политиздат, 1991.

Соколов Б.Г. Герменевтика метафизики. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1998.

Таллер Р.И. Философия как логика и методология права. Куйбышев: Изд-во Сарат. ун-та, 1989.

Фомин А.П. Человек в плену права // Социум. Сознание. Язык. Выпуск 5. СПб.: ЛЕМА, 2016. С. 35-37.

Чучупал В.В. (Воронеж)

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В РОССИЙСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 2016 ГОДА

Образ «будущего» в России – одна из самых неопределённых категорий политической теории и практики. Это связано со многими факторами и, прежде всего, с тем, что Россия это плюралистическое государство и с тем, что официальной идеологии в России нет. В результате имеет место существование многих образов «будущего» в программах различных партий.

Выборы депутатов Государственной думы VII созыва прошли в России в единый день голосования 18 сентября. Согласно итоговым данным Центризбиркома, явка на избирательные участки составила 47,8%. В Госдуму смогли пройти только четыре партии — «Единая Россия» 343 мандата (54,4% голосов), КПРФ - 42 (13,5% голосов), ЛДПР - 39 (13,2% голосов) и «Справедливая Россия» 23 (6,1% голосов).

Конституционное большинство дало возможность единороссам принимать конституционные законы и вносить изменения в Конституцию только своими голосами в Госдуме. В абсолютном выражении количество избирателей «Единой России» снизилось. Пять лет назад за «Единую Россию» проголосовали 32,4 млн человек, на этот раз — 28,5 млн избирателей.

«Единая Россия», как партия власти, должна была сформировать повестку дня и предложить избирателю внятный и привлекательный образ будущего. Но в ее предвыборной программе не просматривается долгосрочная перспектива, которая действительно задает образ будущего, вдохновляет общество, позволяет каждому избирателю почувствовать свою причастность к тем целям и задачам, которые формулирует верховная власть.

Отказ от прорывных проектов не случайность, а осознанная тактика руководства страны. Еще на выборах в 2011 году партия власти звала в россияне в будущее («За нами будущее» – один из основных лозунгов), обещала модернизацию – ведь единороссов вел идеолог модернизации, премьер Дмитрий Медведев. Последовательно ставились такие амбициозные задачи как удвоение ВВП, реализация национальных проектов, достижение уровня жизни среднеразвитой западноевропейской страны (Португалии) и многое другое, что

должно было доказать рядовому обывателю, что жертвы «шоковой терапии», «приватизации», отказа от социалистического выбора были не напрасны. Что плоды нового способа хозяйствования будут равномерно распределяться между всеми гражданами новой России, а не дурачить участников рыночного обмена по принципу старой русской сказки о том, кому достаются верхшки, а кому корешки.

На выборах 2016 г. программа ЕР вышла под двусмысленным лозунгом «Успех каждого — успех России!». Такой слоган почему-то навеивает ассоциации с иронически-издевательской фразой о том, что «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих!».

Получается, что, с одной стороны, каждый должен добиться успеха в одиночку, не спрашивая, что ему должна дать страна, а, наоборот, думать о том, что он может дать ей, чтобы приумножить общую копилку национального успеха. А, с другой, непонятно, почему власть будет стоять в стороне, «равнодушно слушая проклятья в битве с жизнью гибнущих людей», и ожидать общего счастливого будущего. Ведь капитализм, как показал горький опыт прошедших десятилетий это антагонистическая «игра с нулевой суммой», успех одного субъекта рынка – это убыток или даже разорение для другого. «Общий пирог» (по крайней мере, в России) не пухнет на дрожжах предпринимательства, а, наоборот, все более и более сокращается под звуки арии Германа из оперы «Пиковая дама»: «...пусть неудачник плачет, кляня свою судьбу».

Стремление затушевать, отодвинуть на задний план различия между личной и социальной судьбой является одним из распространенных пропагандистских приемов нынешней власти. «Каждый сам творец своего будущего», «мы дали вам свободу, а уж как вы ею распорядитесь – это ваше дело!» – вот, что мы слышим от сторонников либеральной экономической модели. Недавно премьер-министр Д.А. Медведев ярко продемонстрировал, быть может сам того не желая, такой стиль мышления и способ решения острых общественных проблем, заявив, что никто не заставляет недовольного зарплатой учителя сидеть на своем рабочем месте. Идите в бизнес! – с пафосом посоветовал он тем, кто педагогическое призвание ставит выше денег.

Непонимание того, что на социальное дно уходят не просто безынициативные, неумелые и пассивные люди из преподавательского сообщества, а целый социальный слой, который политика властей лишает достойного будущего, лежит в основе примитивного понимания того, что успех страны – это арифметическая сумма личных успехов ее граждан.

На самом деле все обстоит ровно наоборот, успешными, конкурентоспособными, обеспеченными людьми делает их страна, общественный строй, та модель исторического развития, которая была выбрана властной элитой той или иной страны. Страна делает «массового человека» успешным, а не наоборот. Тот, кому повезло родиться в стране, принадлежащей к «золотому миллиарду» человечества, по определению имеет больше шансов на обеспеченное и благополучное будущее, чем житель бедной и отсталой страны.

Стремление снять с себя груз ответственности за благополучие и достойную жизнь каждой российской семьи, законопослушного и работающего гражданина оправдывается лидером «Единой России» Д.А. Медведевым тем, что партия «не должна обещать того, что не может реализовать». «Мы помним, какие обещания раздавались в 1990-е годы и что из этого сделано — практически ничего», - говорил он в своих предвыборных выступлениях. «Поэтому в предложениях партии нет ничего сверхреволюционного – потому что нам революции вообще не нужны, мы, как известно, свой лимит уже исчерпали в прошлом столетии, — и нет ничего популистского. Все прекрасно понимают, какова цена популистских ошибок», — пояснял далее лидер партии.

Составители программы ЕР, видимо, полагали, что на фоне умопомрачительных доходов крупных чиновников и олигархической верхушки, работники бюджетных организаций поверят в свое обеспеченное будущее, если узнают, что правящая партия обещает учителям школ к 2018 году довести зарплаты учителям школ до средней зарплаты по региону. Сколько это будет в рублях, скажем, в Воронежской области? Всего на всего 24-25 тысяч рублей в месяц. Для семьи, где двое детей и работает один отец – это копейки, меньше прожиточного, а точнее, физиологического, минимума на человека.

Понятно, что сегодня будущее туманно и не располагает к оптимистичным прогнозам. Поэтому партия власти начала обращаться к прошлому. Строились школы, ремонтировались больницы – даже агитация шла в прошедшем времени. В ход пошли цитаты президента – тоже про былые достижения. В качестве ориентиров будущего указываются проекты, которые уже поддержаны правительством в текущем режиме. Все это говорит о том, что проекта будущего в избирательной кампании «Единой России» фактически не было, и это соответствует общему настрою нынешнего руководства страны, который многими аналитиками определяется хрестоматийными словами о том, как бы «день простоять, да ночь продержаться».

Программа КПРФ вышла под лозунгом «Десять пунктов нашей программы — это новый образ будущего Родины». Как следует из названия, она полностью посвящена образу желаемого будущего. Это будущее столь же прекрасно, сколь и недостижимо, особенно теми методами, которыми предполагает действовать партия Г.А. Зюганова. В программе констатируется: «Власть цинично нарушает Конституцию, по которой Россия — социальное государство. Фактически по стране прошёл крайне опасный раскол. Десять процентов населения захватили почти 90 процентов национального богатства. Чем это оплачено? Тем, что одни жируют, а большинство граждан едва сводит концы с концами. Идёт наступление на их трудовые и пенсионные права, на образование и охрану здоровья». Все правильно, примерно так оно и есть.

А как же победить столь ужасающее социальное неравенство, восстановить справедливость? Очень даже просто говорят соискатели думских мандатов: «КПРФ предлагает законодательно запретить принятие решений, усугубляющих социальное неравенство... Необходимый пакет законов у нас готов». Вот так путем простого голосования можно, оказывается, запретить

капиталистам наживаться за счет трудящихся. Так же, не выходя из зала заседаний Государственной Думы, фракция КПРФ может, судя по предвыборным обещаниям, национализировать нефтяную и газовую отрасли, ключевые банки, энергетику, железные дороги и системы связи. Ввести прогрессивный налог на доходы физических лиц, снизить подоходный налог на бедных, и отменить его для самых обездоленных граждан.

Возникает, конечно, законный вопрос, почему думские коммунисты не сделали этого раньше, когда были парламентским большинством в Государственной Думе 3-его созыва, и даже продвинули своего человека, Г.Н. Селезнева, на пост спикера. И самое главное, как без революции добиться смены общественного строя, или же нынешних коммунистов не устраивает только власть крупного капитала, а за мелкобуржуазную стихию в лице мелкого и среднего бизнеса, которая ежеминутно порождает крупный капитал они, судя по программе, готовы стоять горой.

Забыто и гениальное предостережение К.Маркса: «Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, социальные эволюции перестанут быть политическими революциями. А до тех пор накануне каждого всеобщего переустройства общества последним словом социальной науки всегда будет: «Битва или смерть; кровавая борьба или небытие. Такова неумолимая постанова» (Жорж Санд)» [Маркс К.]. Т.о., без четко прописанного механизма реализации предвыборных обещаний будущее России в программе КПРФ превращается лишь в красивую картинку, призрачный туман, сон Веры Павловны XXI века.

В отличие от программ ЕР и КПРФ, программный документ ЛДПР не имеет основного слогана. Но программа В.В. Жириновского может дать им фору по масштабам прекрасодушному фантазированию и полной оторванности от реальности. Здесь и строительство железной дороги Тынды–Аляска до соединения с американскими рельсами. И зарплата чиновникам на уровне 50-150 тыс. рублей в месяц, и минимальная зарплата 20 тысяч рублей с ограничением максимальной разницы зарплат в 10 раз. «Если минимальная зарплата 20 тысяч рублей, то самая большая не может быть выше 200 тысяч рублей», – провозглашается в программе партии.

Здесь и возрождение унитарного государства, империи с гимном «Боже, царя храни!». Не забыто и увеличение материнского капитала до 500-700 тысяч рублей и право каждого молодого человека один раз в жизни до достижения 30-летия получить государственный сертификат на покупку молодежного автомобиля с 50-процентной скидкой. И многое, многое другое, что должно сделать жизнь в России приятной и комфортной. В связи с этим вспоминается старый, еще советский анекдот. Воспитательница в детском саду спрашивает: «Дети, в какой стране самые красивые игрушки?» Дети (хором): «В Советском Союзе!» Воспитательница: «А в какой стране самые нарядные детские одежды?» Дети (хором): «В Советском Союзе!» Воспитательница: «А в какой стране самое счастливое детство?» Дети (хором): «В Советском Союзе!» Вдруг Вовочка заревел. Воспитательница: «Вовочка, почему ты плачешь?» Вовочка (сквозь слезы): «Хочу жить в Советском Союзе!» Так и после чтения

программы ЛДПР хочется заплакать от желания жить в той стране, о которой партия трогательно рассказывает своему потенциальному избирателю, тем более, что счастье это так близко, и так возможно, всего-то нужно пойти и проголосовать за соколов Жириновского. Но избиратели – не дети и знают, что чудес в жизни не бывает. Странно, что из-под пера такого жесткого и прагматичного политика, как В.В. Жириновский, вышла такая прекраснородушная маниловская программа в стиле «хорошо бы через речку мост построить, и чтобы купцы на нем торговали». Только вместо речки указан Берингов пролив. Уж кому как не Жириновскому знать хищническую сущность российского бизнеса, безмерные аппетиты чиновников, да и самих депутатов Государственной Думы, которые вряд ли согласятся работать за зарплату 200 тыс. рублей в месяц.

Предвыборная программа «Справедливой России» получила название «25 справедливых законов». В документ вошли 25 ключевых законопроектов, добиваться принятия которых партия намерена в случае прохождения в Государственную Думу VII созыва.

По части раздачи невыполнимых обещаний справроссы явно превзошли всех своих политических соперников. В их многостраничной программе «прекрасное будущее» описано во всех подробностях. Не забыты никто и ничто: начиная от работы участкового и заканчивая наращиванием боевого потенциала Черноморского флота. В программе с пафосом провозглашается: «Не должно быть заработных плат, на которые нельзя жить. Наша цель – закрепить реальные гарантии достойной оплаты труда в Трудовом кодексе и других законах. Поднять уровень оплаты труда в три раза: увеличить долю заработной платы в ВВП с нынешних 25,3% до 55%. Партия требует: повысить оплату труда путем установления почасового минимального размера оплаты труда – 100 рублей в час с повышающими коэффициентами по территориальному, отраслевому и профессиональному критериям».

Понятно, что вряд ли найдется в стране избиратель, который отказался бы от реальной возможности увеличить свою зарплату в три раза! Но что-то не видно было на избирательных участках столпотворения жаждущих проголосовать за партию «Справедливая Россия». И та малочисленная фракция из 23 человек, которую ей удалось сформировать в новой Думе, наглядно свидетельствует о том, что возгонка объемов невыполнимых обещаний не лучший способ завоевать доверие избирателей.

Вспоминаются слова персонажей пьесы В. Шекспира «Генрих IV»:

– Я духов вызывать могу из бездны!

– И я могу, и всякий это может.

Вопрос лишь, явятся ль они на зов.

Звать избирателей к прекрасному будущему – это одно, а вот показать к нему реальный путь – это совсем иное. Избиратель это чувствует, знает и не отзывается на зов пустых обещаний. Тем более, что «Справедливая Россия» из бездны социальной памяти общества пытается вызвать сразу двух, находящихся между собой в вечном антагонизме духов – дух капитализма и дух социализма. Будущее России связывается составителями программы с

наступлением эры «Нового социализма», как братского единения богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых, держателей несметных капиталов и не имеющих ничего, кроме своей рабочей силы, наемных работников. «Новый социализм – это современная рыночная экономика, обеспечивающая развитие социально ориентированного государства. Мы за честную конкуренцию, за предпринимательство и частную инициативу», говорится в программе.

Социализм на основе частной собственности на орудия и средства производства – такого в России никогда не видели и вряд ли когда увидят! Оказывается, достаточно принять 25 «хороших» законопроектов и все в стране будет прекрасно, и волки будут сыты и овцы целы, не будет никакого антагонизма между богатыми и бедными. Такую веру во всеислие закона К.Маркс называл «юридическим кретинизмом», и не уставал напоминать, что законы пишут не боги, а люди, со своими чаще всего узкоклассовыми и корыстными интересами. А право есть не что иное как «...воля господствующего класса, возведенная в закон» [Маркс К., Энгельс Ф.,1958, с.55].

Таким образом, прошедшие в 2016 году выборы в Государственную Думу показали отсутствие, как у правящей партии, так и оппозиции мощного, притягательного для всех слоев общества образа будущего. Избиратель поставлен перед ложной дилеммой – или голосовать за унылый железобетонный реализм программы партии «Единая Россия», которая в условиях кризиса вдруг вспомнила давно позабытую теорию «малых дел», и обещает избирателям лишь медленное чуть заметное улучшение жизни к 2018 году. Не забывая при этом напомнить, что все блага будут поступать сверху в строго дозированном виде, в зависимости от международной и политической конъюнктуры. Или же голосовать за партии, которые предлагают утопический образ будущего страны, эру всеобщего благоденствия, которая наступит с помощью простого опускания избирательных бюллетеней за «нужную» партию.

Объединяющего всю страну, намечающего реальные пути достижения высоких целей проекта будущего нет как у правящей партии, так и у оппозиции, как системной, так и несистемной. На выборах в Госдуму-2016 нечего было выбрать, поэтому и интерес к ним низок. Голосование стало тестом на лояльность, и ничем больше, связь с власти обществом все больше теряется. Поэтому многие на выборы и не пошли. Но если посмотреть на ситуацию чуть шире, то есть у «Единой России» настоящий противник, которого она победила, причем не в ходе выборов, а за все годы своей работы. Настоящий противник «Единой России» – это народ. Это те 75% избирателей, которые не стали голосовать за Единую Россию. И даже из 25%, отдавших партии власти свой голос, многие сделали это не потому, что поддерживают ЕР, а либо от безысходности, либо по требованию начальства. Либо из-за опасений, как бы ни стало еще хуже. Власть, которую представляет Единая Россия, не позволила возникнуть и вырасти такой партии, которая стала бы реальной альтернативой. На протяжении многих лет власть прикармливала

одних и изолировала других, дискредитировала тем или иным способом всех возникавших противников, душила в зародыше партии, которые могли в будущем составить конкуренцию «Единой России». Власть просто зачистила политическую поляну. И тем самым победила народ, предложив ему в итоге одну действующую партию и набор бездействующих маргиналов, голосовать за которых еще противнее, чем за существующую власть.

Власть создала ситуацию отсутствия достойной альтернативы будущего при наличии множества формальных альтернатив. Формально выбор есть. Но выбора по существу нет. Единая Россия победила народ, загнав его в патовую ситуацию, когда все доступные ходы либо плохи, либо просто лишены смысла. Поэтому главный исторический выбор России, борьба за ее будущее еще впереди.

Литература:

Маркс К. Ницета философии // Маркс К., Энгельс Ф. М., Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 185.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Госполитиздат, 1958.

Семенова Е.В. (Воронеж)

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИКЕЛАНДЖЕЛО

Достаточно только трех имен, чтобы понять значение итальянской культуры Высокого Возрождения: Леонардо да Винчи, Рафаэль Санти, Микеланджело Буонарроти. Они были очень несхожи между собой, у них были разные человеческие и художественные индивидуальности, но в сознании потомков эти три вершины образуют единую горную цепь, олицетворяющую главные ценности итальянского Возрождения – Интеллект, Гармонию, Мощь. В их творчестве ренессансный антропоцентризм достиг своей вершины

Микеланджело Буонарроти – единственный из гениев Возрождения, которому пришлось пережить две эпохи живописи – Высокое и позднее Возрождение. И в этом – величайший трагизм гения, чей талант развернулся в полную силу в самую прекрасную и высокую эпоху живописи. Он творил вместе с Леонардо и Рафаэлем, но когда их идеалы терпели крах, он был один. Только он увидел и пережил гибель прекрасного, сильного, мужественного человека, человека, способного творить свою судьбу наперекор всем стихиям и препятствиям. Только он понял, что человек может быть бессилем в неравной борьбе, покорен более могущественными силами, трагически одинок. Поэтому так непохожи поздние творения Микеланджело на его ранние произведения.

Поэтому творчество художника разделяется на два основных направления, две линии соответственно двум этапам развития Ренессанса. Сначала – нарастающая линия. Все более прекрасны, более могучи его герои, их

жизненная сила, воля к борьбе неуклонно возрастает. Это образы «Пьеты», где сама скорбь прекрасна, лишена отчаяния; это «Давид» – прекрасный юноша-победитель; наконец, это «Моисей» – вершина гуманистических идеалов Микеланджело, человек титанической мощи, вождь, способный повести за собой народы.

Позднее творчество Микеланджело характеризуется упадком этой веры в победу. Его герои либо сломлены, безвольны (Капелла Медичи), либо полны безысходного отчаяния, ибо, несмотря на свою мощь, они не в состоянии победить враждебные силы (Пленники). Но Микеланджело не отрекся от своих гуманистических идеалов. Его герой по-прежнему – прекрасный человек, исполненный силы, но сила эта уже надломлена, герой побежден.

Гений Леонардо – это воля к познанию мира и овладению им в искусстве, полное утверждение силы и власти человеческого ума. Рафаэль дал людям радость безмятежного любования миром во всей его величавой и упоительной красоте. Гений Микеланджело выражает в искусстве иное начало. Именно в его творчестве гуманистический идеал находит свое высшее, предельно яркое выражение, ибо Микеланджело выделяет в этом идеале его основу, сердцевину, самое ценное качество – активность, действительность человека, его способность к героическому подвигу. Понятия «человек» и «борец» для Микеланджело неразделимы. Героическое начало он понимает как способность человека к активному действию, к преодолению всех преград, стоящих на его пути. Из всех представителей Возрождения Микеланджело наиболее последовательно и безоговорочно верил в то, что человек, постоянно напрягая свою волю, может создать свой образ, более яркий и совершенный, чем сотворенный природой. И этот образ Микеланджело создал в искусстве, чтобы превзойти природу. К этой цели стремились Леонардо и Рафаэль, но именно у Микеланджело концентрация волевого напряжения, сообщающая образу героя грозную, устрашающую силу, получила у современников название *terribilita* (страшная сила).

А.М.Эфрос, впервые открывший русским читателям поэзию Микеланджело, писал: «Поэзия была младшей из микеланджеловских муз, и он держал ее на положении Золушки. Он не любил пускать свои стихи в свет. Даже по сей день потомство мало знает их: они наименее раскрыты и наименее ценимы из всего наследия Микеланджело» [Эфрос, 1964, с.349].

Действительно, основное внимание всегда уделялось изучению художественного наследия мастера. И это верно, ведь что может яснее, чем творения его рук, обнажить душу художника? Да, глядя на произведения Микеланджело, мы представляем и прекрасные идеалы, к которым стремилась его душа, и мучительную внутреннюю борьбу, раздиравшую ее.

Но все ли внутренние устремления художника выражаются в скульптурах, картинах? Почему же возникает у него потребность высказать что-то в стихах? Поэзия Микеланджело дополняет другие его произведения, сливается с ними. Поэтому нельзя до конца понять его скульптуру, живопись, не узнав, как пишет он об этом сам.

В сонетах Микеланджело главный лирический герой – он сам, гений Возрождения, который от гармонии и радости творчества приходит к трагизму человека, пережившего свое время. «Пусть тот, кто отрицает гений, кто не знает, что это такое, вспомнит Микеланджело. Вот человек, поистине одержимый гением. Гением, чуждым его натуре, вторгшимся в него как завоеватель и державшим его в кабале», – писал Ромен Роллан. Поэтому и поэзия Микеланджело посвящена творческим мукам и радостям. Вся его жизнь проникнута ими. И даже в лирических, любовных сонетах у Микеланджело сливаются радость любви и радость творчества:

Любовь моя, как я тебя люблю!
Особенно, когда тебя рисую.
Но вдруг в тебе я полюбил другую!
Вдруг я придумал красоту твою!
Но почему ж к друзьям тебя ревную!
И к мрамору ревную, и к углю!
Вдвойне люблю, когда тебя леплю,
Втройне, когда я точно зарифмую.

[Вознесенский, 1976, с.6].

Именно в посланиях любимой женщине Микеланджело рассказывает о переполняющем его творчестве:

Для мастера не может быть решенья
Вне мрамора, где кроется оно,
Пока в скульптуру не воплощено
Рукой, послушной воле вдохновенья.

[Европейские поэты Возрождения, 1974, с.137].

Его образы, запечатленные в мраморе, сделали бессмертным его имя. Это ли не воплощение гуманистического идеала человека, «созданный существом не смертным, но и не бессмертным», может сам выковать свой образ. Сам Микеланджело понимал могущество художественного творчества:

Творенье может пережить творца:
Творец уйдет, природой побежденный,
Однако образ, им запечатленный,
Веками будет согревать сердца.

[Вознесенский, 1974, с.6].

И еще один пример того, как Микеланджело, осознавая свою силу, творит прекрасное:

Я истинную вижу красоту.
Я вижу то, что существует в жизни,
Чего не замечает большинство.
Я целюсь как охотник на лету.
Ухвачено художнической призмой,
Божественнее станет божество.

[Вознесенский, 1974, с.6]

Но Микеланджело слишком редко мог безмятежно наслаждаться своим творчеством. Жестокий век, общественная несправедливость не могли не

оставить следа в его душе. В уста своей прекрасной «Ночи» (капелла Медичи) автор вкладывает такие слова:

Отрадно спать, отрадно камнем быть.
О, в этот век, преступный и постыдный,
Не жить, не чувствовать – удел завидный,
Прошу, молчи, не смей меня будить.

[Европейские поэты Возрождения, 1974, с.137].

Микеланджело ненавидел сильных мира сего. Его независимый характер, злоба и зависть других осложняли его отношения с властью и имущими. Кому-то из своих патронов, может быть, самому папе Юлию II, Микеланджело бросает такие слова:

Я думал, что возьмет твое величье
Меня к себе не эхом для палат,
А лезвием суда и гирей гнева.

[Эфрос, 1964, с.126].

И Микеланджело борется с тиранами – он защищает республику во Флоренции. Он смело обличает их в таких стихах:

Тут с копьями кресты святые сходны,
Кровь Господа здесь продают в разлив,
Благие чаши в шлемы превратив.
Кончается терпение Господне.
Мне не нужны подачки лицемеров,
Творцу преуспевать не надлежит.
У новой эры – новые химеры.

[Вознесенский, 1974, с.6]

Эта тягостная атмосфера душит талант. Злобная вражда преследует его. Вспоминая Данте, Микеланджело пишет:

Зачем, зачем горит его звезда
И над моим гнездом, не угасая.
Когда на свете нет такого края,
Где злее бы была к нему вражда?
О Данте речь. Его могучей лире
Неблагодарный не внимал народ:
Издравле слава недостойных – шире.

[Европейские поэты Возрождения, 1974, с.137].

Это очень личное стихотворение. Микеланджело страдает не только за непризнанного Данте. Ибо, как ни печальна судьба великого поэта, Микеланджело готов скорее разделить ее, чем быть баловнем низких пошляков:

Когда б достиг я дантовских высот,
И я бы счастьем в этом злобном мире
Его печальный предпочел исход.

[Европейские поэты Возрождения, 1974: 137].

А в другом стихотворении Микеланджело пишет об изгнании Данте. Конечно же, эти строки навеяны личными переживаниями художника,

вынужденного бежать из Флоренции, где он защищал республику, его тоской по Родине:

О Родина, была ты близорука,
Когда казнила лучших сыновей,
Себе готовя худшую из казней.
Всегда ужасна с Родиной разлука,
Но не было изгнания подлей,
Как песнопевца не было прекрасней.

[Вознесенский, 1974, с.7]

Эти страдания оставили неизгладимый след в душе Микеланджело. Он уже не рад и собственному труду, когда никто не может оценить его. После титанической работы над Сикстинской капеллой он писал:

Я заработал зоб, трудясь как вол,
И смахиваю зобом на породу
Ломбардских кошек, пьющих дрянь – не воду,
Но это лишь начало в списке зол.

.....

Джованни, все обман:
Я не художник в этом гиблом месте.
Спаси меня, прошу тебя по чести.

[Европейские поэты Возрождения, 1974, с.135]

Трагизм одиночества с особенной болью чувствовал Микеланджело на закате Ренессанса, когда он один остался продолжателем традиций Высокого Возрождения:

Один пылаю в бесконечной мгле,
Когда лучи закатные померкнут,
И, скорбью – не в пример другим – повергнут,
В слезах ропщу, простертый на земле.

[Европейские поэты Возрождения, 1974, с.136]

А одиночество порождает и ощущение душевной пустоты, бзысходности, неудовлетворенности собой. И опять мы видим, как тяжелы муки творчества, как беспрсветно бывает на душе у художника, когда он не чувствует вдохновения, не может творить:

Я пуст, я стандартен. Себя я утратил.
Создатель, Создатель, Создатель,
Ты дух мой похитил. Пустынна обитель.
Стучу по груди пустотелой, как дятел:
Создатель, Создатель, Создатель,
Как на сердце пусто от страсти бесстыжей,
Я вижу искусством, а сердцем не вижу.
Где я обнаружу пропавшую душу!
Наверное, вся выкипела наружу.

[Вознесенский, 1974, с.8]

И наконец, самые скорбные строки – усталость побежденного, неверие в возможность изменить все:

Кончину чую, но не знаю часа.
Плоть ищет утешенья в кутеже.
Жизнь плоти опостылела душе.
Душа зовет отчаянную чашу!

.....
Устал я ждать. Я верить устаю
Когда ж взойдет, Господь, что ты посеял!
Нас в срамоте застанет смерти час.
Нам не постигнуть истину твою.
Нам даже в смерти не найти спасенья.
И отвернутся ангелы от нас.

[Вознесенский, 1974, с.8]

Но не этими словами хотелось бы закончить. Да, неисчерпаемая сила, творческая энергия сменялись у Микеланджело периодами неуверенности, сомнений, даже слабости. Но главные качества натуры всегда оставались – этические и гражданские идеалы, бескомпромиссность; даже Богу он готов был бросить вызов:

За истину борюсь я без забрала,
Деяний я хочу, а не словес.
Тебе ж милее льстец или доносчик.
Как небо на дела мои плевало,
Так я плюю на милости небес.
Сухое дерево не плодоносит.

[Вознесенский, 1974, с.6]

Микеланджело прожил свою долгую жизнь бурно, страстно и одиноко. Утратив надежды, этот мужественный боец, хотя порой и склонный к унынию, разочарованию, был неизменно готов восстать, чтобы снова принять на себя удар – так жил и творил Микеланджело Буонарроти.

Литература:

- Вазари Д. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М.: Альфа-книга, 2008. –1278 с.
Вознесенский А. Витражных дел мастер. М., 1976. – 304 с.
Дмитриева Н.А. Краткая история искусств. Очерки. М.: Искусство, 1968. - 344с.
Эфрос А.М. Поэзия Микеланджело // Микеланджело. Жизнь. Творчество.– М.: Искусство, 1964.– 411с.

ДИСКУССИЯ

Вопросы к С.О.Гапановичу

Вопрос В.Н.Рогожниковой: Чем можно объяснить нескритичность современной «научной» фантастики о отношении к нашей реальности?

Ответ: Во-первых, фантастика «устремлена в будущее», ее задачи — прогнозировать будущее, а не критиковать настоящее. Во-вторых, «критичность», то есть критика, негативная оценка нашей реальности (если я правильно понял вопрос) может проглядывать между строк (и очень даже проглядывает). Я имею в виду, что любые фантасты всегда волей-неволей отталкиваются от современных им реалий, мысленно продолжая в будущее вектор современного развития, как он им представляется. И по результатам можно как-то судить о «точке отсчета». Я к тому, что сейчас нет недостатка в фантастических романах-катастрофах, описывающих жизнь на развалинах «после Апокалипсиса» и т.п. Это характеризует сознательное (или подсознательное) отношение авторов к нашей реальности и к чему может привести путь, по которому наша «реальность» сейчас движется. Так что критичность, на мой взгляд, усмотреть все-таки можно. И потом, «большое видится на расстоянии» - в недавнем прошлом написаны антиутопии, в котором неожиданно точно описаны (угаданы?) реалии наших дней, в первую очередь это «Хищные вещи века» Стругацких, и ведь они написали это за несколько лет до работ Бодрийяра «Система вещей» и «Общество потребления».

Вопрос В.Н.Рогожниковой: По Вашему мнению каковы объективные основания современной массовой идеологии?

Ответ: Очень сложный вопрос. Многоплановый. С одной стороны, массовая идеология — это важный инструмент управления массами и формирование такого «инструмента» требует, по всей видимости, соблюдения баланса между желаемым и действительным, между тем, куда (или на что) массы нужно направить и тем, что массы могут воспринять. С другой стороны, существует коллективное бессознательное (если существует, конечно), какая-то идеологическая специфика, традиция. То есть идеология, как нечто уже существующее.

Что касается объективности — видимо, изменившиеся условия среды обитания — победа мирового города на мировой деревней, мы же в большинстве теперь жители мегаполисов, плюс старания транснациональных корпораций, производящих все эти гаджеты, благодаря которым растет первое поколение, умеющее общаться только через «вконтакте». Эксперимент массовый, последствия пока труднопредсказуемые, но без этого вряд ли можно описывать «современную» специфику того, что можно считать идеологией. Скорость обмена информацией между отдельными людьми возросла, но жизненного опыта у них поубавилось, потому что его нельзя приобрести, уткнувшись в монитор и играя в игры, имитирующие жизнь в каких-то

проявлениях. Между тем, опыт социализации детей критически важен для их полноценного психологического развития, он должен быть получен в определенном возрасте. Так что происходящее в этом плане похоже на катастрофу. Идеология? У зомби? Вы о чем?

Вопрос М.М.Муртазаевой: Дети индиго – это не представители трансгуманной идеологии?

Ответ: Нет. К моменту появления термина «дети индиго» (если не ошибаюсь, это было в последнее десятилетие прошлого века) предполагалось, что появится поколение людей, обладающее чуть ли не сверхспособностями. Это очень интересный вопрос: откуда взялись такие предположения, на чем были основаны... Но речь шла именно о способностях ЛЮДЕЙ: что они смогут стать умнее, способнее, талантливее. Сами, а не за счет технических приставок к голове и прочим частям организма, как это предполагается в трансгуманистических фантазиях про киборгов. В совсем недавнем прошлом довольно много народу во всем мире (Конан-Дойл, например) увлеченно занималось спиритизмом, всевозможной телепатией и т.д. У нас этим увлекались и Лев Дуров, и Бехтерев, а в Ленинградском университете кафедра парапсихологии существовала до 70-х г.г. прошлого века, пока был жив возглавлявший ее энтузиаст Л. Л. Васильев, автор брошюры «Внушение на расстоянии». Не вполне ясно, так уж ли ничем все эти изыскания закончились или широкой публике всё же что-то недоговаривают, но, как известно, в итоге мы все пользуемся сотовыми телефонами, а не телепатической связью. Но на самом деле скрытых способностей у вполне реальных людей не так уж и мало: но чтобы они проявились, надо работать над собой. Это было известно задолго до появления трансгуманизма. Можно обрисовать идеал, противоположный идеалу трансгуманистов. Это человек, у которого проявляются сверхспособности в результате продолжения ЕСТЕСТВЕННОЙ эволюции. В этом случае подразумевается, что человек имеет некие до поры до времени латентные способности, которые могут быть «раскрыты» и развиты, по крайней мере у некоторых людей. Нечто подобное описано у Стругацких (такие продвинутые люди с раскрытыми сверхспособностями у них называются «людены» в произведениях «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер»). В противоположность Люденам трансгуманистические люди-киборги представляют из себя продукт активного вмешательства в естественную эволюцию и полную замену ее искусственной, киборги суть порождения технического прогресса — они либо «дополнены» техническими устройствами, либо с помощью геной инженерии выращены с какими нужными заказчику свойствами. Можем сформулировать бинарную оппозицию «киборги» vs «людены». Но советскую фантастику со всеми ее предсказаниями, образно выражаясь, сверху присыпало обломками СССР... Феномен «индиго», то есть перемывание этой темы в СМИ - это спекуляция на понятных чувствах родителей, которые хотят, чтобы дети были лучше, чем они сами.

Вопрос И.О.Бракнис (студенка 4 курса): Как Вы считаете, когда сменился уровень подготовленности читателей, фантастика стала более низкосортной и не заслуживающей внимания?

Ответ: Я бы разделил ваш вопрос на два: с первым я согласен и отвечу охотно, со вторым могу поспорить. Что касается именно читателей и именно отечественных, то уровень подготовленности сменился, видимо, в нулевые годы, когда подросли и стали платежеспособными покупателями книжек и фильмов те, кто были маленькими детьми в 90-е. Во-первых, они уже не слышали советской пропаганды с ее пафосом покорителей неизведанного, строителей нового. Во-вторых, это поколение росло во времена, когда все хотели быть бухгалтерами, юристами, чуть позже — чиновниками. Конкурс в некогда весьма престижные технические ВУЗы какое-то время падал буквально «ниже плинтуса». Сейчас возможно, ситуация как-то выравнивается... Что до «низкосортности» фантастики... Здесь претензии скорее не к фантастам, а к издателям — вот кто губит литературу (этот механизм описан еще Александром Сергеевичем: «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать»), хотя при случае книгоиздатели многозначительно кивают на загадочных оптовиков, которые, дескать, диктуют им критерии «окупаемости» изданий. Но несмотря ни на что есть (я уверен) прекрасные современные писатели-фантасты, но вот как им добраться до своего читателя? Вот тут один из редких случаев, когда я двумя руками поддерживаю технический прогресс: интернет вам (и всем нам) в помощь! Есть, несмотря ни на что, хорошие сайты (знаменитая библиотека Мошкова, например), ищите и найдете. А более низкосортным, увы, стало книгоиздание в целом, а вовсе не только фантастика. Если уж в школьных учебниках (в том числе издательства «Просвещение» в его современном формате) сплошь и рядом опечатки и ошибки в ответах (что было немислимо еще не так давно)...

Вопрос Ю.П.Болотиной: Может ли жанр утопии или антиутопии задавать вектор развития человека так же, как это делает фантастика?

Ответ: Да. Ведь и то, и другое, по сути, и есть фантастика. Это все ее жанры. Скажем, Олдос Хаксли написал фантастическую антиутопию «Прекрасный новый мир», в которой иронически обыграл восторженные ожидания грядущего научно-технического рая, который пропагандировал, в частности, его брат Джулиан Хаксли, выдающийся ученый, биолог. Джулиану, кстати, и приписывается авторство термина «трансгуманизм». Джулиана при этом никто фантастом не считает. Хотя лично я его в утописты записал бы.

Вопрос А.П.Фомина: В чем, по Вашему, главная опасность сегодняшней дегуманизации? Ведь это давняя «традиция».

Ответ: Если иметь в виду, что «дегуманизация» - это процесс, как-то направляемый, пусть даже неосознанно, как побочный результат каких-то других процессов, так вот этот процесс сейчас стократно опаснее по своим возможным итогам, ибо возможности СМИ по влиянию на массовое сознание сейчас колоссальные, в то же время научно-технический прогресс может дать в

руки человеку очень мощные (и в силу того опасные) силы и средства. То есть человек просто по неразумию может угробить вообще все. А СМИ вместо того, чтобы способствовать развитию людей, способствуют их массовой деградации. С одной стороны, очевидно, что дело не в прогрессе, а в людях, которые им пользуются. Стреляет ведь не ружье само по себе, а тот, кто его в руках держит. С другой стороны, в руках-то у этого неосторожного человека сейчас вовсе не ружье, а нечто гораздо более опасное. Тут не до шуток уже.

Вопрос А.П.Фомина: Деиндустриализация – это объективный «тренд» истории?

Ответ: Нет. На самом деле совпало (для простоты будем считать, что именно совпало) два процесса. Деиндустриализация отчасти имеет объективные основания — старые заводы, строившиеся иной раз в экстремальных ситуациях, не соответствующие экологическим требованиям и т. п. должны заменяться более современными. Ржавые трубы, коптящие небо, нужно заменять новыми с установленными на них фильтрами (я не специалист и примерно излагаю схему). Потом, в силу роста производительности и изменений конъюнктуры часть заводов подлежит сокращению — в общем, проблемы модернизации производства (и связанной с ними проблемы конверсии) объективно существуют. К концу прошлого века стало понятно, что, в масштабах глобальной экономики, тот, кто возглавит очередной виток «модернизации», тот получит серьезные дивиденды. И вот тут вступил в действие второй процесс — то есть обычная политическая борьба за власть, которая на тот момент достигла кульминации. Позволю себе напомнить, что там и тогда борьба была очень серьезной — например, в середине 70-х, когда на выборах в Италии чуть было не победил союз левых (коммунисты с социалистами, кажется), войска НАТО были приведены в боевую готовность. В общем, насмерть перепуганная старая элита (не только в Италии, но вообще в Европе) сумела консолидироваться (существует литература на эту тему, например, «Восстание элит», автор, кажется, Лэш) и выработать программу действий по сохранению власти, но для ее реализации потребовалось изменить вектор развития цивилизации. Уничтожить многие социальные программы и провести деиндустриализацию (т. е. перевести заводы в теплые страны, где много дешевой рабочей силы). Главная цель деиндустриализации на Западе - разгром профсоюзов, которые не позволили бы сокращать социальные программы. В Англии руками Тэтчер были уничтожены профсоюзы докеров и шахтеров, в США Рейган устроил показательный разгром профсоюза авиадиспетчеров — самой что ни на есть интеллектуальной технической элиты рабочего класса. Так что объективный тренд был субъективно повернут в нужном узкой прослойке людей направлении — и вот что получилось. Мир на грани катастрофы вместо обещанного всеобщего процветания в царстве демократии и «закончившейся истории».

Вопрос А.Васильевой (студ.4 курса): Для чего общественность допускает выход изданий, подобных «Диалектике пола» С.Файерстоун?

Ответ: Мне кажется, ваш вопрос лучше бы переформулировать. А как она может не допустить выход? Это зависит от издателей. Общественность может лишь отреагировать так или иначе. Но общественность особо не возмущалась, насколько можно понять, да и оттенок скандальности способствует коммерческому успеху, в итоге книга получила очень широкую известность. С другой стороны, идеи Файерстоун, какими бы сумасбродными нам ни казались, вызваны жестокими реалиями своего времени, тут надо рассмотреть исторический контекст. Книгу она издала в 1970 г., из этого следует, что творческий замысел зрел в 60-е годы. А в 60-е годы прошлого века США представляли из себя бурлящий котел. В наиболее технически развитой стране мира (население США пользовалось бытовой техникой, например, телевизорами и холодильниками лет на двадцать раньше, чем население СССР) вопрос соблюдения прав женщин стоял очень остро: были запрещены аборты, отсутствовала общедоступная система детского здравоохранения, детских садов и школ, все это в комплексе исключало возможность для множества женщин какого-либо участия в общественной или деловой жизни в случае беременности и рождения детей. В стране бушевали расовые волнения (лидер движения за мирное решение этих вопросов Мартин Лютер Кинг был демонстративно убит), народно любимый президент Кеннеди (собиравшийся продолжить линию реформ Рузвельта) был так же демонстративно убит. В то же время США были на пике культурной революции (рок-музыка, т. наз. «сексуальная революция»). Вероятно, в этой атмосфере для Файерстоун (и для тех, кто поддержал издание книги) казалось менее фантастичным придумать инкубаторы для деторождения, чем вообразить, что в реальной жизни возможно существование общедоступной бесплатной медицины, детских садов, рассчитанных на полный рабочий день, что рабочий день может быть в масштабах страны законодательно ограничен восемью часами и т. д. То есть все то, что было реализовано в СССР и очень даже работало. Но это лишь мои предположения — а если разбираться в вашем вопросе подробно, думаю, тут материала на докторскую диссертацию, и не на одну.

Вопросы к Ю.П.Болотиной

Вопрос А.П.Фомина: Как Вы считаете, действительно ли русский ум не рационален? Или это стереотип, миф?

Ответ: Многие исследователи единогласно утверждают, что русская культура обладает определенными чертами восточной культуры, в которой духовное начало преобладает над материальным. Более того, русскую культуру традиционно относят к так называемым «феминным» культурам (классификация Г.Хофстеде), для которой характерно иррациональное начало. Разделяя указанные выше точки зрения, я действительно полагаю, что русскому человеку свойственна иррациональность, что отнюдь не означает, однако, что русские лишены всяческого проявления рациональности в своих действиях.

Вопрос А.П.Фомина: Не считаете ли Вы, что в действительности «жизнь бьет» не только русского человека, но и немецкого, и китайского, и эфиопского на свой манер? Если это так, то что же является чертой русского характера – несправедливость жизни или жалобы на жизнь? А может это черта личности автора такой картины русского характера?

Ответ: На мой взгляд, «несправедливость жизни» в принципе не входит в круг понятий, описывающих черты национального характера, это условие, которое определяет некоторые свойства характера. «Жалобы на жизнь» также вряд ли можно отнести к свойственным русскому народу чертам характера, скорее это проявление эмоциональности, столь свойственной русским.

Вопрос А.П.Фомина: О каких чертах «французского характера» могут говорить сказки Ш.Перро? Например «Мальчик-с-пальчик».

Ответ: Определенные черты национального характера, на мой взгляд, целесообразнее исследовать на примере народных сказок, которые являются отражением народного духа. Однако, Ш. Перро удалось сохранить юмор, иронию и поэтичность народной сказки, а также те черты, которые ценит народ. Так, в сказке «Мальчик-с-пальчик» главный герой наделен такими качествами, как находчивость, трудолюбие, великодушие.

Вопрос А.П.Фомина: Как Вы считаете, почему на Западе русский характер рассматривают через такой «кристалл», как Ф.М.Достоевский, но не через такие «кристаллы», как А.А.Блок, В.В.Маяковский, М.А.Шолохов, или такие, как М.В.Ломоносов, В.И.Вернадский? Нет ли здесь предвзятости?

Ответ: Многочисленные произведения русской культуры были переведены на иностранные языки. Однако, социальная и культурная значимость произведения может значительно различаться в родной для него культуре и культуре языка перевода. Так сложилось, что именно произведения Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого нашли наибольший отклик у читателей за рубежом и стали такими же популярными, как и в русской культуре (в отличие от произведений названных Вами авторов). Именно поэтому сведения о русском характере и русской душе широкий круг читателей на Западе извлекает из произведений Достоевского и Толстого, а также Тургенева и Чехова.

Вопрос С.О.Гапановича: Следует ли рекомендовать иностранцам более современного писателя, или Достоевский выразил сложность русской души уже достаточно, и с тех пор русский характер не менялся?

Ответ: На мой взгляд, русский характер мало изменился со времен Достоевского. Однако, сегодня в условиях глобализации русская культура (как и многие другие национальные культуры) испытывает колоссальное давление чужих ценностей, традиций, устоев. Такому же давлению подвергается и национальный характер. Устоит ли и то и другое? Ответ на этот вопрос может дать только время.

Вопрос С.О.Гапановича: Не считаете ли Вы, что проблемы японцев с восприятием сказки о Емеле связаны просто с неудачным переводом?

Ответ: Думаю, что не связаны. Проблемы с восприятием текста, вызванные неадекватным переводом, как правило, касаются низкого качества языка переводного текста. Сюжетная линия даже при самом низком качестве перевода меняться не должна. Негодование же японцев было вызвано теми чертами, которые непосредственно связаны с описанными в сказке событиями и поступками главного героя, что и составляет сюжетную линию. Причина такого восприятия связана, как я уже сказала, с различным делением признаков центрального персонажа на существенные/несущественные, что, в свою очередь, обусловлено культурными различиями.

Вопрос А.Боталовой (студ. 4 курса): Как Вы считаете, что формирует русский национальный характер?

Ответ: Характер русского народа формировался под влиянием исторических условий, географического положения страны, размеров страны с ее огромными пространствами, климата и религии.

Вопрос В.Н.Рогожниковой: Можно ли намеренно изменить образ национального характера, и насколько «живуч» будет такой новый образ?

Ответ: Вероятно, возможно, используя для этого средства массовой информации. История знает такие примеры, да и в настоящее время мы являемся свидетелями применения таких технологий.

Вопрос В.Н.Рогожниковой: Влияет ли и в каком ключе современная русская литература на формирование образа национального характера русского человека? Насколько этот образ отличается от традиционного?

Ответ: Если считать литературу конца 20 века современной, то в произведениях А.И. Солженицына создан образ русского человека, живущего в условиях тоталитаризма и сохраняющего силу духа и нравственные идеалы. В рассказах В.М. Шукшина (одного из создателей так называемой «деревенской прозы») создан образ простодушного, наивного, непосредственного человека, ищущего счастья и справедливости. Приведенные выше черты русского национального характера мало отличаются от традиционного образа.

Вопросы к С.Г.Филипповой

Вопрос В.Н.Рогожниковой: Можете ли Вы охарактеризовать образность, возникающую вследствие активного включения в русский язык английских слов и выражений? Видимо, как определенную картину мира?

Ответ: Не думаю, что заимствования из другого языка способны образовывать особую картину мира. Заимствования приспосабливаются под систему принимающего языка и занимают свою «нишу» в языковой картине мира. При этом меняется (иногда значительно) их семантика, поскольку значение слова - результат системных отношений в языке, и вместе со

значением изменяется его «образный отклик». Что касается активности заимствований из английского языка, то, на мой взгляд, это естественный процесс, связанный с мировым доминированием этого языка. Можно описать целый ряд причин того, почему именно английский язык сегодня выступает (лучше сказать – выбирается говорящими) в качестве языка международного общения. Сближение языков прагматически оправдано – людям необходимо понимать друг друга. Особенно ярко такое сближение представлено в научном дискурсе, где традиционно заметно преобладает интернациональная терминология. Более того, наука и современные технологии – основной источник англоязычных заимствований в русском языке.

Вопрос В.Н.Рогожниковой: Влияет ли обыденный язык на образность, лежащую в основании научной картины мира?

Ответ: Безусловно, образность присутствует в научном дискурсе. Более того, образ, выраженный обыденным языком, - часто является действенным средством научного объяснения какого-либо явления. Например, в фонетике формирование слога (как части слова) представлено в образе холма, откуда образующий слог гласный (или сонорный) звук называют пиком (peak), а согласные, предшествующие гласному или следующие за ним - склонами (slopes).

Вопрос А.П.Фомина: Разве художественный образ не может быть средством манипуляции?

Ответ: Нет, если это эстетико-художественный образ, в котором состоит суть искусства. В намерение художника не входит обман, иначе – он не художник, а его произведение – не искусство, а нечто другое.

Вопрос А.П.Фомина: Образ всегда вымысел?

Ответ: Нет, в основном образы – ассоциации, картины, которые возникают из памяти, личного опыта и, прежде всего, это воспоминания о чем-то реальном. Образы, возникающие в результате воображения, - образы несколько иного порядка. Они - условие создания художественных образов. Поэтому, художественный образ всегда вымысел, хотя и с различной степенью правдоподобия.

Вопросы к В.Н.Рогожниковой

Вопрос М.М.Муртазаевой: Не получается ли иногда, что «создать впечатление» значит обмануть потребителя?

Ответ:

Безусловно, такова одна из опасностей экономики впечатлений, поскольку частью стратегии фирм на этой стадии развития экономики является искусственное формирование у клиента потребностей и желаний, опираясь на которые, можно создать впечатление и продать вместе с ним товар или услугу.

Вопрос С.О.Гапановича: Аргументация Дж. Пайна и Дж. Гилмора кажется Вам убедительной?

Ответ:

Авторы книги «Экономика впечатлений», конечно, рисуют картину в какой-то степени идеальную. Но, несмотря на то, что черты новой экономики больше присущи западным развитым обществам, отдельные признаки экономики впечатлений есть и в российской экономике. Аргументация Дж. Пайна и Дж. Гилмора в целом кажется мне заслуживающей внимания. С другой стороны, интересно поразмышлять, насколько массовой может быть такая экономика. Целью фирм по-прежнему выступает заработок, а больше всего можно заработать на богатых клиентах – но их меньшинство. Думаю, экономика впечатлений все-таки развивается не в бесклассовом обществе, и чем богаче клиент, тем более индивидуальным, редким, незабываемым будет разработанное для него впечатление. А значит, тем большее количество денег удастся заработать фирме. Проблема в том, что сегодня разрыв между бедными и богатыми отнюдь не стирается, и не совсем ясно, как именно будет развиваться новая экономика в таком обществе.

Вопрос С.О. Гапановича: А что, раньше у людей не было впечатлений? Готические соборы оставляли людей равнодушными? А музыка, женские моды и связанный с этим бизнес появились только в 1990-е годы? А пряности, привозимые в эпоху великих географических открытий из далеких сказочных стран – это не было экономикой впечатлений?

Ответ: Впечатления укоренены в нашей психике, без них наше восприятие не было бы возможным. Новым сегодня является то, что современные фирмы в условиях товарного однообразия стремятся к «постановке впечатлений» как осознанной стратегии, рассчитанной на определенного клиента. Готический собор не нужно было сопровождать никаким дополнительным впечатлением, да и собор не является товаром. Товаром может быть религия. Музыка в классическую эпоху не должна была затрагивать все чувства человека, а сегодня рок-концерты – это не только музыка, но и свет, и движение, и алкоголь. Современный театр – это театр вовлечения зрителя в происходящее. Такие спектакли, правда, не носят массовый характер, лучшей иллюстрацией является кино – в частности, формат 5D.

Вопрос А. Васильевой (студ. 4 курса): Стоит ли переплачивать за впечатления?

Ответ: Все зависит от человека, который планирует купить впечатление. Фирмы, конечно, увеличивают цену на товар или услугу, которые сопровождаются ярким впечатлением. Если у человека есть сильная потребность в данном впечатлении, он вряд ли сможет устоять. Не случайно сегодня в рекламе мы часто слышим такие фразы, как «невозможно устоять», «соблазн, которому нельзя не поддаться» и проч. Поэтому помимо внешних ограничений – бюджета, который мы можем потратить на впечатления –

необходимо развивать самоконтроль. Но это противоречит современной экономике, в основе которой лежит предпосылка о неограниченных потребностях человека.

Вопрос Е. Завадской (студ. 4 курса): Почему развлечение относится к «пассивному поглощению»?

Ответ: Развлечение как пассивное поглощение – это сегодня уже несколько устаревший взгляд на вещи. Такое определение развлечения справедливо для фильмов и книг, на сюжет которых мы не влияем. Но сегодня существуют фильмы, сюжетную линию которых и финал определяет зритель. Вероятно, за такими фильмами будущее – в этом случае развлечение уже не будет носить характер пассивного поглощения впечатлением. Что касается книг, в наше время издаются произведения, которые не обязательно читать с начала, а можно начинать с любой страницы и следовать своему желанию, определяя последовательность глав.

Вопрос А.П.Фомина: Уже Д. Гэлбрейт писал и доказывал, что в современном обществе второй половины XX века производитель формирует наши потребности, а первичность потребителя осталась в прошлом. Разве сегодня, в XXI веке, не так?

Ответ: Все так, но этот процесс может вступать в новые стадии своего развития. Как пишут авторы «Экономики впечатлений», мы стоим на пороге экономики, в которой фирма формирует не только потребности клиента, но и его самого. Это спорное утверждение, но определенные основания у него есть.

Вопросы к А.Н.Назарову

Вопрос С.Г.Филипповой: В современном историческом романе Х.Мантелл «Вулфхолл» представлен образ Томаса Кромвеля как интересного, умного и щедрого человека, для которого главное – долг! Как Вы думаете, насколько автор художественного произведения имеет право отходить от исторической правды?

Ответ: На мой взгляд, на этот вопрос трудно ответить однозначно. Дело в том, что значительная часть любителей истории читает именно художественную историческую литературу, а не научную или даже научно-популярную. Безусловно, она формирует историческое сознание общества, представления о «героях» и «антигероях» в истории. Поэтому, с одной стороны искажение исторической правды, а именно, приписывание реальным историческим персонажам вымышленных качеств может выглядеть несколько неэтично по отношению к уже ушедшим людям и, кроме того, может сформировать ложное представление об этих личностях. С другой стороны, писатель – не историк и ничем не связан. В принципе, все понимают, что он выдумывает, берёт какую-то версию событий, которая нравится ему лично. То есть, возникает «договор» между писателем и читателями. Кроме того, такие книги способны привить людям первоначальный интерес к истории.

Вопрос В.Н.Рогожниковой: В чем различие исторического и философского подходов у изучению картины мира?

Ответ: В принципе, особых отличий нет. Сама идея изучать картину мира в рамках истории навеяна, в том числе, и философией. Поэтому, здесь используются философские подходы.

Вопрос В.Н.Рогожниковой: Позволяет ли история предсказать какой будет картина мира? И если «да», то каков предел и каковы возможности этой «способности» истории?

Ответ: История не берётся заглядывать в будущее так далеко, как это было в классической модели исторического исследования. Безусловно, существуют объективные законы общественного развития. Однако определённая доля принадлежит и «случайностям», которые предсказать сложно.

Вопрос А.П.Фомина: Разве общество – это совокупность индивидов? Не механицизм ли это эпохи Просвещения?

Ответ: Нет, общество не является суммой индивидов. Общество – это система с новыми системными характеристиками. Каждый элемент этой системы – личности – обладает этими характеристиками.

Вопрос А.П.Фомина: «Антропологический поворот в исторической науке» в чем состоит? Постмодернизм? Либерализм? А как быть с нелинейностью истории?

Ответ: Для «антропологического поворота в исторической науке» свойственны признание плюралистичности и вариативности исторического процесса, нелинейности истории, взгляд на историю «глазами конкретного человека» или какой-либо малой группы (воинского подразделения, жителей какой-либо деревни и т.д.). Учитывая идею вариантности, можно сказать, что среди представителей «антропологического подхода» есть сторонники разных идейно-философских течений, в том числе и постмодернизма и либерализма. Однако не мало таких, которые не ставят под сомнение формирование личности в социуме, просто для них этот метод, так сказать, возможность «рассмотреть большой процесс под микроскопом».

Вопрос А.П.Фомина: Согласны ли Вы с утверждением, что сегодня США уже не только не продолжают проект Просвещения, но и разрушают его?

Ответ: Да, с этим можно согласиться.

Вопрос А.П.Фомина: Утверждение, что «история есть реализованный продукт человеческой психики» кажется мне образцом какого-то вульгарного, механистического материализма эпохи Просвещения. Ведь психика есть только у индивидов, следовательно история есть результат действия индивидов, результирующая от суммы этих действий. Вы настаиваете на

этом утверждении? А как же органицизм и системный подход? Его в истории нет?

Ответ: В моём выступлении звучало не «история есть реализованный продукт человеческой психики», а «исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики». Считаю, что это принципиально разные понятия. Просто историк в первую очередь имеет дело с историческим источником, за которым «стоит» человек. И этот человек определяется как член социума, часть системы.

Вопросы к А.П.Фомину.

Вопрос С.Г.Филипповой: Человек, который не обладает научными знаниями, никак не приобщен к картине мира?

Ответ: Такого человека в современном обществе, думаю, нет; это – продукт фантазии. Впрочем, в глубоко архаичном обществе где-нибудь в глубинке Африки, наверное, есть такие люди; они действительно не приобщены к *научной* картине мира, но являются носителями религиозной картины мира, а может быть и мифологической, о которой мы не говорили в силу ее архаичности. В современном же обществе каждый, по крайней мере, социализировался через социальный институт образования и, волей-неволей, к научной картине мира хотя бы частично приобщен.

Вопрос С.Г.Филипповой: Какую картину мира объективируют тексты Википедии?

Ответ: Тексты Википедии – это информационная крошка, в которой есть все. Однако, поскольку эта крошка не систематизирована по существенным признакам (на то она и крошка), то говорить об объективации какой бы то ни было картины мира в Википедии нельзя. Хотя мой личный опыт работы с Википедией все же дает основания заметить кое-какую тенденцию: в Википедии, явно или не явно, мотивированно или нет, я заметил тенденцию к субъективистским концепциям постмодерна. По этой причине я могу утверждать, что Википедия в большей степени объективирует именно обыденное мировоззрение и обывательскую «картину мира», то есть, по сути, не картину мира, ибо картина мира – это, все же, система, а эклектичный калейдоскоп разных идей и образов, нанизанных на стержень личной выгоды и комфорта. Убеждения такого индивида, воспитанного на Википедии без других ориентиров, основаны на личном *мнении*, а не на знаниях, источником же этих его личных мнений является голая, взятая на веру информация, подобранная на основании личных пристрастий и предпочтений. Но еще Аристотель разделял мир мнения и мир знания.

Вопрос С.О.Гапановича: Вы отрицаете положительную роль обывателя как типажа, но ведь мирный обыватель не становится радикалом. Может не стоит придавать понятию «обыватель» столь негативный смысл и задавать установку негативного восприятия?

Ответ: Мирный обыватель не становится радикалом, но в эпоху радикализации духа он неизбежно становится социальной почвой для эскалации радикализации. Ведь радикал – это тот, кто нарушил его, мирного обывателя, личный покой и комфорт. И тогда обыватель вначале становится почвой для страха, тем самым подпитывая радикализм, а затем из того же страха рождается «праведный» гнев, и обыватель требует от кого угодно защитить его покой и жизнь. Более того, именно буржуазный немецкий обыватель, бургер в страхе перед радикальной левой революцией дал себя объединить в еще более радикальную, но уже правую партию. Фашизм как социально-политическая практика и нацизм как идеология этой практики – это формы реализации программы обывателя.

Вопрос С.О.Гапановича: Не допускаете ли Вы, что «непобедимость» пассионарных радикалов объясняется вовсе не их пассионарностью, а финансовой подпиткой со стороны заинтересованных лиц (с помощью спецслужб)?

Ответ: Во многом это, думаю, так. Однако согласитесь и Вы: не любая финансовая подпитка ведет к активности радикала; лучше сказать – изначально пассионарные группы ищут и находят финансовую подпитку. И это то, что, сегодня, к сожалению, мало анализируется в публичном пространстве: каковы объективные причины радикальных движений?

Вопрос В.Н.Рогожниковой: Есть ли у Вас мировоззрение и каков механизм его образования?

Ответ: Свое мировоззрение я считаю философским. Механизм его формирования известен: от веры (в гносеологическом смысле) к мнению, от мнения к знанию, от простого и фрагментарного знания к философской картине мира как системе знаний.

Вопрос В.Н.Рогожниковой: Является ли виртуальная реальность частью объективно идеального в бытии?

Ответ: Думаю, что нет.

Вопрос В.Н.Рогожниковой: Может ли быть так, что мы еще не знаем всю размерность бытия? И новые измерения открываются нам в процессе общественного развития в его различных формах? Объективны ли эти размерности измерения?

Ответ: Что понимать под размерностью? Очевидно, что не множественность параллельных миров (бытий), ибо это – плод фантазии на грани шизофрении, интеллектуальная игра воображения. Бытие одно – по определению. А вот о безграничности и неисчерпаемости материи как компонента бытия говорить не только можно, но и нужно – в рамках науки. Но, кроме того, вторым компонентом бытия является объективно идеальное, то есть общественное сознание. А сознание, как общественное, так и индивидуальное, имеет свойство отрываться от действительности, абстрагироваться от него. И

на этом пути его подстерегают опасности. Можно абстрагироваться от действительности так, что эти абстракции отражают сущность явлений. Пример – математика. А можно так заиграться абстракциями, что полностью или частично утратить сущность и исказить картину мира. Пример – мистика, эзотерика. Даже в искусстве, где такая игра фантазии необходима – без нее искусство перестает быть творчеством, полное забвение принципа реализма вредно как для самого искусства, так и для человека в целом. В науке же такая игра воображения постоянно «контролируется» методологией.

Вопрос С.Г.Филипповой: Если языковая картина мира – частнонаучная, то те, кто не приобщен к науке о языке, не приобщен и к языковой картине мира?

Ответ: Не совсем так. Любой человеческий индивид, так или иначе, приобщен к языку как идеально объективному через свою речь. Она и есть его языковая картина мира, если я правильно понимаю этот филологический термин. В определенной степени эта его языковая картина мира им осознается, а именно – в той мере, в какой он владеет наукой о языке. Это овладение начинается в школе – грамматика. Можно сказать, что степень владения этой «наукой» есть степень приобщения индивида к научной картине мира в области языка.

Вопрос Ю.П.Боломиной: Как Вы относитесь к принятому в науке понятию «авторская картина мира»? Это миф?

Ответ: Понятие авторской картины мира существует в искусстве. Этим понятием пользуется эстетика, раздел философии. То есть авторская картина мира является частным случаем философской картины мира. Отсюда и все ее особенности, в частности, отражение в ней *наиболее общих* законов и закономерностей мира и человека. Еще одна особенность авторской картины мира как философской – довольно не простая и перманентно изучаемая диалектика субъективного и объективного в этой картине мира. Эстетика, не анализирующая связь авторской картины мира с действительностью, рискует превратиться в «игру в бисер» – бесконечную интеллектуальную игру с терминами, чувствами и эмоциями. Что часто эстеты и делают. Литературоведение, сужающее свой предмет до субъективного в авторской картине мира, рискует также утонуть в такой игре и часто и тонет. Поскольку игра воображения – важнейшая функция искусства как формы общественного сознания, такая интеллектуальная игра также является важнейшей функцией эстетики. Но зато эстетика и литературоведение и не отвечают в полной мере статусу науки. И только филология, поднимаясь до статуса науки, анализирует диалектику субъективного и объективного в авторской картине мира, но для этого филология сама должна отразить свою методологию и мировоззренческую платформу.

КРИТИКА

Е.В. Семенова (Воронеж). Этические аспекты в истории экономической науки.

Данная статья не является критической в полном смысле этого слова. Это скорее попытка анализа доклада В.И.Рогожниковой на тему «Этическая проблематика экономической науки как предмет философии экономики» [Рогожникова В.И., 2013]. В современной ситуации именно такая постановка проблемы кажется действительно актуальной и своевременной. Поэтому замечания, которые, возможно, будут в данной статье, относятся не к существованию этой проблемы, а являются скорее мелкими уточнениями и дополнениями, продиктованными стремлением раскрыть столь важную тему максимально подробно.

Итак, в целом статья В. И. Рогожниковой представляет собой обзор истории экономической науки с точки зрения развития этических взглядов ее носителей. Во вступлении автор дал определения экономической науки и этики, а затем попытался соединить эти два понятия в единое целое – «этические аспекты экономической науки». Кстати, к определению этики как «нормативной науки, которая занимается проблемами регуляции индивидуального и социального поведения людей, используя (в числе прочих) категории ценности и оценки, справедливости, счастья и др.» [Рогожникова В.И., 2013:99] следовало бы добавить и основополагающие категории этики – категории добра и зла. Но вернемся к основной цели исследования В. И. Рогожниковой – синтезу этики и экономической науки, при котором важно, чтобы появилось действительно единое понятие, а не механическое соединение категорий «экономическая наука» и «этика». Рассмотрим, как это удалось.

Автор предлагает следующую периодизацию «истории экономической науки с точки зрения отражения в ней этической проблематики»: 1 этап – античность и средневековье; 2 этап – новое время; 3 этап – возникновение экономической науки; 4 – современный этап развития этической проблематики в экономике [Рогожникова В.И., 2013: 99]. Эти этапы в основном совпадают с общепринятой периодизацией истории экономической науки, и это вполне разумно. Остановимся подробнее на их характеристике.

Античность и средневековье. Объединение столь разных эпох в одном периоде является вынужденной мерой, вызванной отсутствием богатого материала по периоду средних веков. Но дифференцировать предпосылки возникновения экономической мысли в античной философии и христианской теологии было бы вполне уместно, однако автор сконцентрировался на античности, забыв про средние века. Что касается персоналий, то выбор древнегреческих философов абсолютно верен – Ксенофонт, Платон и Аристотель, бесспорно, лучшие представители экономической мысли Древней Греции, хотя в описании взглядов Ксенофонта приведены лишь его экономические идеи, а его представления об этических проблемах не выявлены. Существенным недостатком в анализе этого этапа является, на наш взгляд, полное игнорирование экономических идей Древнего Рима. А ведь там были

блистательные мыслители – Каттон Старший, Варрон, Колумелла. Кризис рабовладельческого строя заставлял их серьезно задуматься о проблеме рабства во всех ее проявлениях и тем самым подталкивал к размышлению над глубокими этическими проблемами.

Относительно средних веков: характеристика взглядов Фомы Аквинского вполне соответствует проблематике доклада, но огорчает отсутствие хотя бы краткого упоминания об идеях меркантилистов. Это весьма многообещающее направление экономической теории именно с точки зрения этических взглядов, т.к. оно сложилось на стыке эпох, в период разложения феодализма и первоначального накопления капитала.

Новое время. Не сочтите меня жадной, но и в этом разделе мне хотелось бы больше информации. В частности, не хватает предпосылок формирования новых идей (в разделе «Античность и средневековье» они были представлены), а также характеристики взглядов физиократов. Конечно, они не выделяли в своих трудах чисто этические проблемы, но их идеи все равно носили яркую этическую окраску, взять хотя бы их предложения о минимальной заработной плате (1заработная плата = 1 стоимости жизни).

Возникновение экономической науки. В этом разделе всесторонне анализируются идеи Адама Смита, Дж. Н. Кейнса, Г. фон Шмоллера и К. Менгера, и это прекрасно. Но мне опять чего-то не хватает, и на этот раз не кого-нибудь, а самого К. Маркса. Уж у него экономические и этические взгляды переплетены наиболее тесно. К. Маркс даже предложил новые нравственные критерии – основанные на классовом подходе. Всю историю экономического развития он пересмотрел с точки зрения этого подхода. Его теория классовой борьбы, общественно-экономических формаций, революций – все это проникнуто «экономической этикой» (если можно так выразиться). Впрочем, тут такой огромный простор для исследования, что не берусь продолжать.

Современный этап развития этической проблематики в экономике. Этот раздел содержит наиболее взвешенные выводы автора, рассмотрен так подробно и всесторонне, что не нуждается ни в каких комментариях, кроме хвалебных.

Подводя итоги, можно сказать, что доклад В. И. Рогожниковой, бесспорно, интересен, полезен и очень актуален. Хотелось бы, чтобы он был еще подробнее и содержал информацию о большем количестве мыслителей, а также анализ собственно экономических предпосылок формирования экономических и этических взглядов. Но это явно не является недостатком исследования, а наоборот, говорит о его необходимости для современной науки.

Литература:

Рогожникова В.И. Этическая проблематика экономической науки как предмет философии экономики // Социум. Сознание. Язык. Выпуск четвертый. Спб.: ЛЕМА, 2015. С.99-105.

Ю.П. Болотина К вопросу о глобализации и антропогенезе в свете проблем информационной экологии.

В статье «Глобализация и антропогенез в свете проблем информационной экологии» С.О. Гапанович описывает тревожные тенденции, вызванные постоянным погружением современного человека в информационную среду. По мнению автора, резкое увеличение информационных потоков в конце 20 века «не привело ни к повышению уровня общей образованности (особенно это заметно на примере молодого поколения), ни к улучшению здоровья, особенно в плане его нервно-психических аспектов». Сложившаяся ситуация может быть охарактеризована как «информационная экологическая катастрофа» или даже «антропологическая катастрофа» [Гапанович, 2016, с.74]. Нередко мы сегодня слышим и тревогу за судьбу русского языка, который также испытывает на себе последствия распространения сети интернет и глобализации.

Первое и очевидное следствие технического прогресса – «глобанглизация», распространение английского языка. Ситуация не нова, так как примерно 2 столетия назад русский язык уже испытывал первую волну двуязычия, сегодня мы переживаем вторую. Первая волна началась в начале 18 века. Известно, что, начиная с эпохи Петра 1, русское дворянство европеизировалось и активно изучало иностранные языки. А с конца 18 века высшие слои русского общества являются франкоговорящими билингвами. Французский язык стал средством приобщения к культурным ценностям (как настоящим, так и мнимым) и сыграл важнейшую роль в формировании литературного русского языка.

Вторая волна двуязычия, которую мы наблюдаем сегодня, имеет несколько последствий. Самое яркое ее проявление, которое зачастую расценивается как отрицательное, – появление большого количества новых заимствованных слов, а также менее частое появление нового значения у уже существующих слов. Однако, не все исследователи считают тревожным сигналом наблюдаемую сегодня «интернетизацию» лексики. Во-первых, изменение словарного состава языка под действием экстралингвистических факторов – естественный и неизбежный процесс развития любого языка. Во-вторых, по мнению М.Кронгауза у русского языка «есть очень мощные защитные ресурсы. И состоят они не в отторжении заимствований, а в их скорейшем освоении» [Кронгауз, 2008, с.17]. Об этом свидетельствуют примеры творческой переработки заимствований (мыло, поджарый, аська).

Исследователи также отмечают, что распространение интернета привело к так называемой американизации русского речевого этикета. Например, в интернете широко используются как сами англоязычные формулы речевого этикета, так и их сокращения. Кроме того, экспансия английского языка, в котором только одна форма местоимения 2 лица, привела к распространению фамильярного обращения на «ты».

Последствия «глобанглизации» и «интернетизации» трудно предсказать, сложно определиться с ответом на вопрос о положительном или негативном нативизации, т.е. влиянии чужого языка на какое-либо лингвокультурное

пространство. История знает такие примеры, возьмем, к примеру, английский язык, изменившийся до неузнаваемости вследствие ситуации двуязычия (верхи говорят на французском, низы на английском языке с 11 по 14 век). Вместе с тем английский язык приобрел ту простоту, которая в том числе позволила ему сегодня с легкостью занять лидирующее положение в качестве языка межкультурного общения.

Необходимо отметить, что сам характер коммуникации с помощью использования технических средств влияет на развитие национального языка. При этом, влияние интернета на язык настолько велико, что некоторые ученые сегодня предсказывают переход на латинский шрифт и отказ от кириллицы. Так, устно письменный характер коммуникации в интернете определяет использование не столько принципа языковой экономии (естественного для любого языка), сколько принципом экономии усилий при наборе текста. Как следствие, участники коммуникации используют сокращения, пренебрегают правилами пунктуации и используют формы, характерные для устного общения в письменной речи, по мнению многих, это свидетельствует о деградации языка. Показательной в этом отношении является история с «также» и «так же», рассказанная В.В.Кабакчи на его официальном сайте. Излив свое возмущение по поводу ошибок, которые допускают не только студенты, но и средства массовой информации В.В. получил неожиданный для него самого ответ от коллеги (филолога): «Это языковые мелочи следить за которыми будут машины если им это будет мешать понимать человека. А мне это не мешает хотя разницу я конечно знаю. Вот и сейчас запятые не ставлю так как на iPad неудобно. И так понятно правила придумали люди люди их и забудут или изменят». Подобный ответ тем более тревожен, как пишет В.В.Кабакчи, что исходит от вузовского преподавателя, автора десятков пособий и учебников по методике преподавания английского языка, и это не просто пророчество, «а продуманная воинствующая перспектива развития русского языка» [Кабакчи, URL].

В отношении синтаксиса необходимо сказать, что тенденции действительно тревожные. Дело в том, что интернет развивает привычку чтения «по диагонали», а освоение сложных синтаксических конструкций предполагает вдумчивое, неторопливое чтение. Поэтому, помимо нарушения норм употребления знаков препинания, наблюдается тенденция к сокращению использования сложных синтаксических конструкций. Например, возможность цитирования или использования гиперссылки приводит к утрате конструкций с косвенной речью. Ученые считают, что это может в конечном итоге привести к упрощению синтаксической системы, при этом более сложные синтаксические конструкции будут вытеснены в пассивный запас.

Наконец, не осталась в стороне и наука, изучающая язык. Так, Н.Б. Мечковская, описывая влияние интернета на филологию, отмечает, что предоставляя небывалые возможности для исследований с одной стороны, интернет девальвирует ценность филологического труда. По ее мнению интернет обесценивает процесс поиска знаний, стирает различия между профессиональными и парапрофессиональными (любительскими) текстами и,

являясь проводником массовой культуры, усиливает относительно новый тренд депрофессионализации филологического и другого гуманитарного знания [Мечковская, URL].

Итак, все вышесказанное позволяет согласиться с тем, что под влиянием сложнейших социальных, технологических и даже природных изменений происходит гигантская перестройка языка [Кронгауз, 2008, с.13]. Это заставляет задуматься: не означает ли это, что эпоха всеобщей информатизации положит конец существованию русского языка, как и других национальных языков?

Литература:

Гапанович С.О. Глобализация и антропогенез в свете проблем информационной экологии // Социум. Сознание. Язык. Выпуск 5. СПб.: ЛЕМА, 2016.

Кабакчи В.В. Русский язык, камо грядеши? // URL: <http://vorto.ru/statyi/russkiy-yazyk-kamo-gryadeshi>.

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянской культуры, 2008.

Мечковская Н.Б. Будущее филологии в век массовой культуры и интернета // URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/5590/1/14%20МЕЧКОВСКАЯ.pdf>

М.М. Муртазаева. К вопросу изучения национального характера средствами художественной литературы.

Вопрос о национальной специфике является неотъемлемым качеством не только русской литературы, но и мировой. Проблема национального характера в последние годы актуализирована и приобретает важное значение в духовном климате современности, раскрывая особенности национального самосознания и самоопределения, усиливая интерес общественной и художественной мысли.

Определяя национальный характер как понятие, мы изучаем его, прежде всего, как явление историческое, а динамику его развития раскрываем через литературный образ героя, который наделен некоторыми качествами, определяющими его бытие и самосознание. В процессе общественных и исторических изменений национальный характер приобретает или теряет те или иные признаки и формирует тем самым свою индивидуальность. Однако изменения, которым он подвергается, не влекут за собой полного разрушения основополагающего нравственно-психологического стержня.

Изучением данной проблемы занимались многие видные философы, писатели и критики: П.Я.Чаадаев, В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Д.С.Лихачев, Н.А.Бердяев и др. Она вызывала много дискуссий, и каждый вкладывал в нее свой смысл. Так, например, Д.С.Лихачев отмечал, что «нет единого национального характера, есть разнообразие характеров, свойственных определенной нации. Эти характеры противоречивы» [Лихачев, 1968, с.137]. Он также считал, что вернее будет говорить не о национальном характере народа, а о сочетании в нем различных характеров, каждый из которых в той

или иной степени национален. Одновременно в своем труде он признает, что «отрицать наличие национального характера и национальной идентичности – делать мир народов скучным и серым» [там же].

Статья Ю.П. Болотиной «Формирование образа национального русского характера посредством художественной литературы» [Болотина, 2016] представляет комплексный теоретический анализ на основе лучших образцов классической литературы 19 и 20 вв. Автор объективно отмечает то, что мы часто воспринимаем окружающий мир через призму родной культуры, а это влечет за собой иную интерпретацию одного и того же образа в межкультурной коммуникации. Так сказка «По шучьему велению» вызывает негативную реакцию у японских студентов, считая ее безнравственной. В их трактовке образ героя отражает извечную склонность русского народа к лени.

На наш взгляд, данная сказка может раскрыть для иностранного слушателя еще одно отличие: в ней нет трепетного отношения к понятию «труд», которое свойственно, например, американцам и немцам. Русский человек воспринимает работу как неизбежность, но он умеет и расслабляться в отличии от них.

Изучение национального характера сегодня активизируется в самых различных науках, в том числе и в педагогике. В качестве материала чаще всего используют художественные литературные произведения, так как они имеют огромное значение в освещении нравственных основ национального характера. Литература способна наиболее ярко и рельефно воспроизводить народный образ, а ее содержание будет способствовать формированию когнитивного компонента национального самосознания. Важно развивать у школьников не только знания и представления, но и чувства, а как результат – умения видеть в каждом человеке носителя общечеловеческих ценностей: добра, любви к ближнему, сочувствия и морали.

Художественная литература в полной мере отражает все богатство культурного наследия народа, она помогает подрастающему поколению осознать принадлежность к тому или иному сообществу, доносит в доступной форме правила социального общежития.

Литература:

Болотина Ю.П. Формирование образа национального русского характера посредством художественной литературы // Социум. Сознание. Язык. Выпуск шестой. СПб.: ЛЕМА, 2016. С.57-62 (наст. сб.).

Лихачев Д.С. Национальное единообразие и национальное разнообразие // Русская литература. 1968. №1.

В.В. Чучупал. Алармистский взгляд на информационное пространство и его последствия.

(от фр. à l'arme — «к оружию») так называется тревожное или даже паническое настроение в тех или иных интеллектуальных кругах. «Враг у ворот», все на борьбу с коварным и опасным противником, грозящим оставить

граждан без всего, что дорого уму и сердцу. «Караул в ружье», хватай винтовку и беги отражать нападение на охраняемый объект.

Такие ассоциации приходят в голову после прочтения статьи Гапанович С.О. «Глобализация и антропогенез в свете проблем информационной экологии» в сборнике «Социум. Сознание. Язык.» [Гапанович, 2016: 74-77]. Автор сделал «открытие» – много информации в современном мире – это очень плохо, такое обилие травмирует мозг взрослых людей и особенно пагубно действует на детскую психику [Там же: с.74]. Так губительно, что ума детям не прибавляет, а наоборот, ведет к деградации умственных способностей подрастающего поколения.

С медицинской точки зрения, утверждает автор, каналы восприятия и усвоения информации человеком непрерывно перегружены, что ведет к «информационному неврозу».

Вообще-то согласно классической психологии, да и житейскому опыту, к неврозу, к тревожности и беспокойству ведет не избыток информации, а ее недостаток, когда не знаешь, – откуда ждать той или иной напасти, как выкрутятся из сложного положения, какой диагноз поставят врачи твоей болезни, что ждет тебя за очередным жизненным поворотом. Неопределенность, страх перед будущим – вот что больше всего омрачает жизнь людей.

Возникает вопрос и о том, можно ли «перегрузить информационные каналы» человека, нам представляется, что сделать это невозможно, если только не ставить себе цель специально сбить человека с толку, или же сама жизненная ситуация не оставляет времени на принятие верного решения. Здесь уже много ли мало ли информации значения не имеет. Успеете ли вы увернуться от мчащегося поезда на железнодорожном переезде, зависит не от того, что у вас слишком много информации, а от того, что у вас нет времени думать и рассуждать.

Особенно зловредную роль в «перегрузке каналов» взрослых и детей автор отводит телевидению. Спору нет, рекламные вставки во всех передачах раздражают всех телезрителей, всю страну просто невероятно, это издевательство над людьми, насилие над психикой. Но ведь это происходит не от обилия информации в современном мире, а от непомерной жадности дельцов различных медиа-структур. Они виноваты в том, что прерываются телепередачи, а не обилие информации о новых рекламируемых товарах. Не надо телегу ставить впереди лошади, обвинять научно-технический прогресс в том, в чем виноваты конкретные люди.

По мнению автора, медиа-среда виновата в том, что портит детям художественный и музыкальный вкус, коверкает речь, прививает пошлость и безвкусицу. Отчасти это, конечно, и так, но то, что у нас многие не только школьники, но и школьницы младших классов матерятся как сапожники виновато ведь не телевидение, а та, мягко говоря, «стихия народной речи», которая их окружает чуть ли не с пеленок.

Можно полностью согласиться с автором в том, что «в бурных потоках масс-медиа царит такая путаница, что ребенок не в силах ориентироваться во

множестве позиций». Но с одним добавлением – это не в силах сделать и взрослые дяди и тети, каждый день мы видим как на различных ток-шоу людей с академическими званиями и генеральскими погонами, которые наперебой опровергают друг друга, доказывают прямо противоположное по одному и тому же вопросу. Но дело опять-таки не в обилии информации, а, наоборот, в ее недостатке, мы не знаем, что думают по самым острым проблемам современности наши руководители, куда они собственно ведут страну, почему вместо их ясного и твердого мнения мы слышим лишь информационный шум, создаваемый телевизионными шоуменами. Все это укладывается в идеологию постмодерна с его отсутствием «привилегированного знания», но губит страну. А это уже вопрос цивилизационного выбора, а не информационной политики.

Рассуждения автора об «антропологической катастрофе» ничего, кроме улыбки вызвать не могут. Ведь давно известно, что природа человека не менялась со времен возникновения *Homo sapiens*, и что древний грек был ничуть не глупее современного человека, он был лишь менее информирован, и то не во всех, а только в более важных с точки зрения современного человека областях. В кинокомедии «Данди-крокодил» прекрасно показано, как человек, воспитанный среди аборигенов Австралии, вполне комфортно чувствует себя в огромном мегаполисе и не умирает от обилия информации. Умирают, наоборот, другие, которые утратили звериные навыки охоты на своих ближних. Никакая информационная революция не сможет разрушить природу человека, изменить его как антропологический тип.

И в заключении хотелось бы привести житейский пример. У автора этих строк есть товарищ весьма почтенного возраста, который часто вспоминает свою бабушку, которая была уже пожилым человеком в те времена, когда вдруг исчез в продаже хлеб в результате чудачеств тогдашнего руководителя государств Н.С. Хрущева, обещавшего незадолго до этого стране полное изобилие продуктов питания. Так вот на сетования родни о трудностях с хлебом мудрая бабушка сказала: «Ну, ничего, если голодовку пережили, то уж изобилие и подавно как-нибудь переживем!». Так и здесь, пережили мы когда-то информационный голод в условиях «железного занавеса», переживем и информационное изобилие. Главное, пережить нынешнюю власть, как когда-то советские люди пережили «славное десятилетие» тогдашнего «кукурузного» вождя.

Литература:

Гапанович С.О. Глобализация и антропогенез в свете проблем информационной экологии // Социум. Сознание. Язык. Выпуск пятый. СПб.: ЛЕМА, 2016. С. 74-77.

С.О. Гапанович. Ответ «оптимисту».

Трудно не позавидовать социальному оптимизму коллеги В.В.Чучупала, обвинившего меня алармизме [Чучупал, 2016] однако оптимизм – это ведь эмоция. А мы занимаемся научным анализом, уважаемый Вячеслав Васильевич!

Попробую начать с конца: чувство юмора и неунывающий характер бабушки вашего товарища вызывает глубочайшее уважение. Обратите внимание, что эта бабушка (если она при Н.С.Хрущеве была уже в возрасте) принадлежала к поколению, которое провело свою молодость без влияния телевизора, что, по всей вероятности, изрядно способствовало сохранению душевного здоровья.

Теперь про телегу и лошадь: прошу процитировать то место моей статьи, из которого, на ваш взгляд, следует, что я «обвиняю научно-технический прогресс в том, в чем виноваты конкретные люди». Вообще-то я придерживаюсь противоположной точки зрения: наука (или науч.-тех. прогресс в широком смысле) — это лишь средство, инструмент, результаты применения которого зависят от грамотности его применения этими самыми «конкретными людьми». То есть тут наши с вами позиции, по-видимому, должны совпадать.

Продолжаем спор. Термин «информационный невроз» - не мои выдумки, это официально существующий медицинский термин, а причины формирования подобных состояний описаны в книге Хананашвили, см. список литературы. Кстати, приведенный вами же пример («ситуация не оставляет времени на принятие верного решения») фактически описывает один из рассматриваемых в этой книге вариантов развития инф. невроза.

Кроме того, в качестве примера того, что «больше всего омрачает жизнь», вы приводите «неопределенность, страх перед будущим». Ну, тут хотелось бы уточнить, какого рода неопределенность вы имеете в виду. Дихотомия «определенность — неопределенность» используется в физике, математике, философии... В быту, повседневных ситуациях неопределенность сама по себе вовсе необязательно вызывает страх. Некоторая неопределенность, например, в плане служебных обязанностей может означать свободу действий и, в конечном счете, более успешное их исполнение. В культуре (по крайней мере, европейских) народов северного полушария «веселый месяц май» является символом жизнерадостного ожидания совершенно неопределенных, но тем не менее, приятных возможностей и новых приключений предстоящим летом. Примерно такие эмоции (предвкушение удовольствий, некоторая неопределенность, вызывающая эйфорию, возможно, и неоправданную, но уж, во всяком случае, никак не страх) может испытывать в пятницу вечером молодой человек, приглашенный за компанию в гости в женское общежитие, направляясь туда с бутылкой и коробкой конфет.

По поводу телевидения. Речь о том, что наш с вами мозг эволюционно не приспособлен к воздействию телевизора (равно как постоянному прослушиванию радио, портативного магнитофона, плеера и т. п.). Об этом очень хорошо сказал Конрад Лоренц еще в 70-е гг прошлого века в своей замечательной книге «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества». Почему именно Лоренц и именно тогда? Да просто в 60-е гг прошлого века впервые в человеческой истории (и/или эволюции) у людей появилась возможность не расставаться с портативными радиоприемниками и магнитофонами. А к 70-м годам уже накопился «статистический материал», стало возможным делать первые обобщения. На всякий случай поясню, что для

тех, кто изучает или просто интересуется биологическими основами поведения человека, К. Лоренц — это авторитет высочайшего уровня, примерно как Карл Маркс для коммунистов или Менделеев для химиков (Прошу прощения за чрезмерную, быть может, назойливость, но я очень советую поинтересоваться биографией Лоренца (вот уж кто действительно заслужил свою нобелевку!) и не полениться найти в ютубе ролик с документальными кадрами, иллюстрирующий открытое им явление импринтинга). Тем не менее, телевизор по силе воздействия на нервную систему из всех вышеперечисленных видов техники являлся наибольшим злом — впрочем, только до появления планшетов с подключением к интернету. Подытоживая тему воздействия телевидения на человеческий мозг в эволюционном плане, отмечу, что специалисты (психологи, биологи, этологи, медики) испытывают по данному поводу серьезную тревогу и не устают об этом писать. Читайте. Что касается интернета, то, согласно самым свежим и абсолютно серьезным данным, интернет-зависимость вот-вот станет официально признанным заболеванием, она балансирует на грани официального включения в международный медицинский перечень наряду с нарко- и прочими зависимостями. Нахождение в этом списке влечет за собой (для стран Европейского Союза во всяком случае) возможность получения социальных и страховых выплат для лиц, признанных «страдающими» такими зависимостями — это главная причина, по которой интернет-зависимость таковой пока официально не признана. По всем остальным вполне верифицируемым медицинским показателям, в первую очередь по своему разрушительному действию на психику и в еще более первую очередь именно на подростковую, она этого вполне заслуживает. «Цивилизованное человечество» (К. Лоренц (С)) ставит над собой очень опасный эксперимент. Впрочем, с учетом разработки все новых видов оружия массового поражения, не единственный...

По поводу «рассуждения автора об «антропологической катастрофе» ничего, кроме улыбки, вызвать не могут...». Во-первых, авторство термина «антропологическая катастрофа» принадлежит не мне, этот термин ввел в оборот Мераб Мамардашвили, если не изменяет память, еще в сверхблагополучном (как теперь ясно) начале 80-х гг прошлого века. Как в воду глядел. Советую поехать на ближайшую конференцию, посвященную его творчеству, и там улыбаться на здоровье.

Насчет древних греков не могу не согласиться, вряд ли стоит сравнивать, кто умнее: Аристотель или Эйнштейн, равно как и сравнивать античных дураков с современными.

По поводу к/ф «Данди по прозвищу крокодил» (слава богу, мой возраст позволяет, я еще помню правильное название этого фильма) — видите ли, одно дело — ирония авторов художественного фильма (это как раз на тему «Художественный образ...»), другое — суровая реальность. Судьба австралийских аборигенов, которые в принципе не могут вписаться в жизнь мегаполисов, это одна сплошная трагедия. Можно вспомнить книгу Арсеньева «Дерсу Узала». Тема та же, конец совершенно не комедийный. Навыки «естественной» жизни в природе отнюдь не помогают осваиваться в городе.

Если уж вам так хочется, чтобы посмешнее, то можно вспомнить рассказ О'Генри о приезде техасского миллионера со своего ранчо в большой город. Герой рассказа в конечном счете чуть ли не в депрессию впадает, одна из главных причин — обилие совершенно ненужной и бессмысленной информации. Что и побуждает героя вернуться обратно.

Что касается телевизионных ток-шоу, на которых люди со званиями и/или погонами «опровергают друг друга», то...

- именно поэтому я и перестал смотреть ТВ уже несколько лет тому. Не могу. Тошнит.

- К вопросу «о прогрессе» (то есть «кто виноват» — техника или управляющие ей конкретные люди): шоу, где люди ведут себя по-идиотски, изначально срежиссовано именно так. Те, кто показывает вам по телевизору ТАКУЮ картинку, ставили своей целью показать не логичное обсуждение какого-то вопроса, а именно свару. Такие передачи безусловно оказывают (как бы это сказать по-русски?) антипедагогическое влияние на свою аудиторию, но это, понятно, не вина самого телевизора (равно как не вина основателя и сотрудников фирмы Sony, Funai или других). И тех же самых людей со званиями можно показать в передаче, снятой в более спокойной тональности. Это как раз и есть вопрос «информационной политики».

Что касается «стихий народной речи», то у меня мало иллюзий на эту тему, но проблема в том, что СМИ могли бы способствовать развитию не шибко грамотной части населения, но именно проводимая в настоящее время «информационная политика» вместо этого способствует его окончательной деградации. Впрочем, почему только информационная...

Литература:

Чучупал В.В. Алармистский взгляд на информационное пространство и его последствия // Социум. Сознание. Язык. Выпуск шестой. СПб.:ЛЕМА,2016. С.123-125 (нас. сб.).

В.Н. Пристенский. Антропоцентризм (философский и правовой аспекты).

В пятом выпуске сборника «Социум. Сознание. Язык» за 2016 год опубликована интересная статья Ю.П. Болотиной «К вопросу об антропоцентризме» [см.: Болотина, 2016], с основными положениями которой вполне можно согласиться. Автор совершенно справедливо указывает о важности принципа антропоцентризма для национального менталитета и межкультурной коммуникации [см.: Болотина, 2016, с.79]. Попробуем, оттолкнувшись от основных идей статьи Ю.П. Болотиной продолжить осмысление этой тематики и порассуждать об антропоцентризме как типе философствования и о его философско-правовых аспектах, о его соотношении с правом.

На наш взгляд, антропоцентризм можно считать проявлением более широкого принципа – принципа антропологизма. Антропологизм (от

греческого *antropos* – человек и *logos* – учение) – это позиция, рассматривающая человека в качестве системообразующего принципа философии. Антропологический тип философствования считает человека базовой реальностью мира, высшим и совершеннейшим творением природы, познание которого дает ключ к ее тайнам. Поэтому антропологизм объясняет действительность из человека. Антропологизм в широком смысле присутствовал в философии всегда, уже на ее ранних этапах (примером может служить знаменитое изречение софистов «человек – мера всех вещей»). Здесь опять-таки можно согласиться с Ю.П. Болотиной [см.: Болотина, 2016, с.78]. Но наиболее ярко он проявился в философии эпохи Возрождения (XV-XVI вв.) в форме антропоцентризма.

Антропоцентризм – это воззрение, согласно которому человек есть центр Вселенной и конечная цель всего мироздания. Человек – не просто природное существо, он – творец самого себя и (наряду с богом) сотворец мира. В своей деятельности и замыслах он не может быть ничем ограничен. Ему все по плечу. Он может переделывать, изменять окружающий мир. Его отличительные качества: гордость и самоутверждение, сознание собственной силы и таланта, жизнерадостность и свободолюбие.

Начиная с XV века, Западная Европа вступила в новую эпоху – эпоху Возрождения, которая противопоставила себя Средневековью. Христианский теизм (согласно которому, Бог – это высшая личность, которая находится вне мира, выступает его Творцом) сменяется пантеизмом. Бог утрачивает внеприродный характер, отождествляется с природой, которая таким образом обожествляется. Тем самым Бог утрачивает роль духовного центра мира (он теперь как бы размыт, рассредоточен в природе) и поэтому духовным центром мира становится человек.

Пантеизм – это мировоззрение, отвергающее идею личного Бога, который выступает как творец природы и находится вне нашего мира. Н. Кузанский и Дж. Бруно утверждали, что Бог и природа – одно и то же, Бог как бы растворен в природе, а природа божественна, выступает как совокупное божество. В пантеизме возродилась старая идея гилозоизма о мировой душе, которая как бы пронизывает Вселенную, идея о том, что все в мире одушевлено.

Николай Кузанский считал, что Бог – это ничто мира, в нем содержатся все возможности, которые развертываются потом в мире. Он отступил тем самым от христианского мировоззрения и вообще от теизма, поскольку тот основывается на идее, что Бог – это высшая личность, которая не тождественна миру. Бог выступает творцом нашего мира, но к нему не сводится, и после создания нашего мира продолжает существовать в своем особом мире [см.: Кузанский, 1980].

Джордано Бруно усилил природную тематику пантеизма, пытался изучить природу во всех ее проявлениях, утверждал, что наше Солнце – не единственная звезда, в мире существует бесконечное множество солнц, (т.е. звезд). Он так же утверждал, что природа бесконечна, наш мир не единственен, а является одним из вариантов бесконечного множества миров природы, т.е. бесконечно много не только звезд, но и Вселенных [см.: Бруно, 2000]. За такое отступление от христианского

мировоззрения Джордано Бруно, как известно, поплатился жизнью – по приговору инквизиции был сожжен на костре как еретик.

Антропологический тип философствования проявил себя и в праве. Поступки людей в правовой сфере, законы в контексте антропоцентризма рассматриваются сквозь призму человеческих мотивов, свободной воли и естественного права, а не божественной воли.

Так французский философ Мишель Монтень (XVI в.) считал, что законы создаются не Богом, а людьми для улучшения их жизни. Все законы делятся на две группы:

- нравственные («законы чести»);
- юридические («законы правосудия»).

Они не всегда совпадают (например, месть правомерна для «закона чести», но недопустима с точки зрения «законов правосудия») [Монтень, 2009].

Итальянский мыслитель Никколо Макиавелли (вторая половина XV в. – первая половина XVI вв.) в своем произведении «Государь» впервые показал зависимость стабильности государства от действенности законов. Законы могут быть недейственными по следующим причинам:

1) некоторые из них вынужденно устанавливаются в периоды политических кризисов и поэтому недолговечны;

2) неумение законодателя найти в законах оптимальное сочетание старых и новых порядков;

3) из-за их неточной формулировки, открывающей возможность неоднозначного толкования.

Именем Макиавелли (в значительной мере необоснованно) назван принцип политического аморализма, т.е. принцип безнравственной, коварной политики правителя. Макиавелли действительно утверждал, что для достижения благих целей в политике допустимы и аморальные способы (угроза, месть, подкуп, шантаж, клевета и т.п.). Успех такой политики обеспечивает сильная власть, а сильной она является, если сосредоточена в одних руках [см.: Макиавелли, 1990].

Однако в раздробленной междуусобицами Италии доктрина Макиавелли был выражением политического реализма. Он мечтал об объединенной Италии, защищал единовластие во имя конечного торжества законности. Его идеал – республиканский, а не императорский Рим.

Антропоцентристский подход к праву отражает глубинное различие между тем, что принято называть «Западом» и «Востоком». Оно состоит в базисной ориентации принципов социального устройства либо на индивида (личность), либо на некое «сверхиндивидуальное» (надличностное) целое, на «систему». Соответственно и назвать эти два базисных типа можно «персоноцентризм» (Персоноцентризм выступает, на наш взгляд, как социальное проявление антропоцентристского мировоззрения, как своего рода социально-эмпирический антропоцентризм, антропоцентризм, воплощенный в социальной практике, в социальной эмпирике) и «системоцентризм». В персоноцентристской шкале ценностей главное – индивид, или человек как «мера всех вещей» (Протагор), как «абсолютная цель» (И. Кант), как высшая

ценность. Всё рассматривается через призму человеческой личности, её свободы. В системоцентристской шкале ценностей человек либо вообще отсутствует, либо воспринимается как средство для достижения каких-либо надындивидуальных – «системных» целей [см.: Оболонский, 1992].

В XVI-XIX веках персонцентризм в ходе так называемых буржуазных (а по сути правовых) революций занял ключевые позиции в крупнейших странах Европы и Северной Америки. Произошла переориентация принципов социального устройства. Базовым принципом стал считаться индивид, а изначальный неотчуждаемый характер его свободы был закреплен законодательно. Возник ряд социальных (правовых) институтов, призванных реально обеспечить свободу человека: демократия, конституционный строй, парламентаризм и т.п. Все это означало победу антропологического (антропоцентристского) подхода к праву: он воплотился в существенных характеристиках социальной системы. Закрепившееся признание свободы человека высшей ценностью означало признание ценностью и права как формы реализации этой свободы.

Литература:

Болотина Ю.П. К вопросу об антропоцентризме (языковая личность в межкультурной коммуникации) // Социум. Сознание. Язык. Выпуск пятый. СПб: Лема, 2016. С. 78-80.

Бруно Дж. Избранное. Пер. с ит., вступ. и прим. А. А. Золотарёва. Самара: Агни, 2000.

Кузанский Н. Сочинения в двух томах. М.: Мысль. Том 1., 1979. Том 2, 1980.

Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990.

Монтень М. Опыты // Монтень М. Полное собрание в одном томе. М.: Альфа-книга, 2009.

Оболонский А. Почему Россия не стала Западом? // Дружба народов. 1992. № 10. С. 71, 72.

А.П. Фомин. О разном прочтении термина «человек».

Трактовка термина «антропологизм» столь же многочисленна, как и трактовка термина «человек». Иногда создается впечатление, что мы говорим на разных языках, употребляя одни и те же слова. По этой причине, порой, полезно и даже необходимо прояснить понятия, чтобы определить позицию автора. Иначе за ширму «антропологизма», как и за ширму «гуманизма» можно спрятать очень много.

На наш взгляд коллега В.Н.Пристенский [См.: Пристенский, 2016] за ширму антропологизма-антропоцентризма прячет индивидуалистически-механистическую концепцию человека эпохи Просвещения, игнорируя все, что было в социальной философии и философии права после Канта. Что это так, выдает любопытная цитата, которую уважаемый мною автор приводит в статье дважды. Он цитирует софиста Протагора, его слова: «Человек есть мера всех вещей», забывая процитировать продолжение: «...существующих – что они

существуют, не существующих – что они не существуют». А что еще мог сказать софист, которому платили деньги за то, что он докажет все, что нужно! Софист отрицал истину как таковую, считая, что все относительно. Казалось бы, очень странно, что коллега истоки антропологизма ищет именно у софистов, а не в линии Сократа-Аристотеля-Платона. Но в этом нет ничего странного. Ведь в терминах «антропологизм» и «антропоцентризм» корень «антроп» В.Н.Пристенский читает как «индивид», линия же Сократа-Платона-Аристотеля вовсе не индивидуалистическая; истина как общее, как *благо* в этой линии пристствует. Так что антропологизм и антропоцентризм в прочтении коллеги В.Н.Пристенского – это индивидуологизм и индивидуоцентризм.

По этой причине все тексты автора надо читать именно так. Если он пишет, характеризуя эпоху Возрождения: «Антропологический тип философствования считает человека базовой реальностью мира, высшим и совершеннейшим творением природы, познание которого дает ключ к ее тайнам», то это означает «Антропологический тип философствования считает *человеческого индивида* базовой реальностью мира, высшим и совершеннейшим творением природы, познание которого дает ключ к ее тайнам». Между тем, антропологизм эпохи Возрождения вовсе не в этом. Согласно христианскому гуманизму, базовому принципу той эпохи, человек есть вершина, «венец» творения *лишь в потенции*, а не в действительности. В действительности человеческие индивиды вовсе не были «венцами», это же было очевидно и Кузанскому, и Бруно, и Монтеню, и Макиавелли. «Венцами» у них была возможность стать, и для этого Бог наделил их разумом и свободой, чтобы не на Бога пеняли, а на себя. Свобода, стало быть, это тоже не возможность максимального выбора. *Свобода – это способность и возможность быть человеком*. Эта возможность, в принципе, согласно тому же христианскому гуманизму, есть у каждого, поскольку у каждого есть воля и разум, но не каждый ею пользуется и достигает степени «венца творения» или «венца природы», а только тот, кто становится на путь разума и творчества. Так что реальный индивид вовсе не был центром философствования эпохи Возрождения.

То же можно сказать и о трактовке В.Н. Пристенским пантеизма. В этой концепции он не увидел, на наш взгляд, главного – человека. Ведь в пантеизме меняется сущность не только Бога, но и человека. А именно: не только Бог перестает быть трансцендентным существом, а становится имманентным самой природе, то есть «ядром», «зерном» этой самой природы, будучи одновременно ею самой. Как зерно есть растение в зародыше, так Бог есть природа в зародыше. Но дальше концепция пантеизма, наиболее полно развернутая Кузанским, предполагает идею эманации, то есть развертывания во времени и пространстве божественной сущности из возможности в действительность, из потенциального в актуальное. И человек – высшая форма этого процесса. Но какой человек? Только тот, в деятельности которого и развертывается божественный разум, то есть тот, кто воспользовался божественным даром – разумом и волей, а далеко не каждый индивид.

Хотя индивидуальная активность в эпоху Возрождения и ценилась высоко (разница между фортуной и фатумом), однако об индивидуализме речи тогда вовсе не шло. Не забудем – это было Средневековье. Если же говорить об индивиде, то далеко не в каждом индивиде эта божественная сущность раскрывается, а в некоторых она просто спит. Однако взгляд, что в каждом она есть, был нов. И это и есть христианский гуманизм эпохи Возрождения, который суть антропологизм и антропоцентризм. Но это ничего общего не имеет с индивидоцентризмом и индивидологизмом. Поэтому мы дополним автора: «духовным центром мира становится человек» не в смысле «каждый индивид» как он есть, а в смысле – человек как потенциальный носитель божественной сущности – разума и воли.

Причина такого прочтения термина «человек» (= индивид) и такого понимания термина «антропоцентризм» (= индивидоцентризм), как нам показалось, то, что уважаемый автор ставит знак равенства между индивидом и личностью, что приводит уже к неполной, на наш взгляд, трактовке философии права условного Запада и условного Востока (России).

Совершенно согласны мы с автором, что первый «состоит в базисной ориентации принципов социального устройства на индивида». Но на какого индивида? На индивида – собственника; именно частная собственность является атрибутом личности в Западной концепции права и политической философии Гоббса, Локка, Монтескье, Дидро, что совершенно не противоречило теории личности протестанта Канта.

Но когда автор пишет: «В системоцентристской шкале ценностей *человек* либо вообще отсутствует, либо воспринимается как средство для достижения каких-либо надиндивидуальных – «системных» целей», то здесь опять нужен перевод. В «системоцентристской» шкале пропадает не человек, а индивид как отдельная единица. Просто потому, что в этой системе ценностей человек – это, и есть эта система, общество, социум, частью которой является не индивид как механическая единица, а личность как реализация социального в индивидуальном. Поэтому именно в «восточной», то есть Российской традиции реализовался не индивидуалистический, но личностный подход.

Коллега совершенно справедливо замечает, что в результате индивидоцентристской концепции «Возник ряд социальных (правовых) институтов, призванных реально обеспечить свободу человека [то есть индивида!]: демократия, конституционный строй, парламентаризм и т.п.». И это – бесспорная заслуга Запада. Однако необходимо помнить ту экономическую базу, на которой строилась вся эта индивидуалистическая конструкция. Этой базой является *частная собственность*. И тот «человек» (читай – индивид), о котором речь, – это частный собственник. И совершенно прав В.Н. Пристенский, когда, опираясь на глубокое изучение антропологических оснований права в своей концепции, пишет: «В XVI-XIX веках персонцентризм в ходе так называемых буржуазных (**а по сути правовых**) революций занял ключевые позиции в крупнейших странах Европы и Северной Америки». Именно право должно было закрепить частную собственность, защита которой становится священной обязанностью нового

государства. Но парадокс истории заключается в том, что именно *диктат права над моралью* уничтожил к нашему времени на Западе личность, утвердив индивидуальность. Буржуазное право попутно, наряду с созидательной ролью утверждения демократии, выполняло также и разрушительную роль уничтожения другой формы общественного сознания – морали. А именно на этой форме строилась «системоцентристская» социальная система. Дело в том, что система морали больше укоренена в культуре и исторической традиции, в менталитете. Право объединяет граждан, мораль объединяет народ. Правоцентризм В.Н.Пристенского не позволяет ему, на наш взгляд, во-первых, увидеть эту разрушающую роль буржуазного права, а во-вторых – увидеть другую правовую традицию, родившуюся после Канта. Эта правовая традиция, которую вполне можно назвать «системоцентристской», не имеет в качестве своего экономического основания частную собственность.

Мы считаем, что глубокая, оригинальная и основательно продуманная концепция антропологических оснований права В.Н.Пристенского выиграла бы, если бы автор воспринимал обе традиции права, «Западную» и «Восточную», как две равноправные исторические традиции. Думается, что в конвергенции этих двух традиций скрывается глубокая диалектика истории, которую автор гениально нашупал на современном материале. Быть может тогда отечественный опыт советского времени нашел бы свое место в этой диалектике и не представлялся бы правовой черной дырой в нашей истории, «правовым нигилизмом» и «потенциальным правом».

Не могу, в связи с этим, не ответить также и на беглое, без аргументов, замечание нашего визави в наш адрес. Так, он пишет: «**Субъективность** правовой картины мира достаточно четко и ярко прослеживается в современной философской и научной литературе» [Пристенский, 2016, с.93] и при этом приводит в пример нашу статью. Однако в предыдущем абзаце читаем: «...наличие различных типов правопонимания, давно признанное и философией и наукой (юриспруденцией), означает наличие различных **объективных** «правопонимательных» смысловых структур, каждая из которых воплощает в себе тот или иной вариант поиска оснований права, его тот или иной образ» [там же].

Так все-таки не понятно, наша правовая картина мира субъективна или объективна? Если наша субъективна, то почему у нашего визави она объективна? И, собственно, почему наше правопонимание субъективно, если оно не является плодом индивидуальной фантазии, а опирается на философскую традицию, которую уважаемый коллега назвал «не-Запад», или «Восток», или «системоцентризм»? Тщательней надо, ребята!

Литература:

Пристенский В.Н. Антропоцентризм (философский и правовой аспекты) // Социум. Сознание. Язык. Шестой выпуск. СПб.:ЛЕМА,2016. С.128-130 (наст. сб.).

АВТОРЫ

Болотина Юлия Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарного образования и педагогических технологий Волховского филиала РГПУ им.А.И.Герцена

Гапанович Станислав Олегович, аспирант факультета философии человека РГПУ им.А.И.Герцена

Дешеулина Лариса Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарного образования и педагогических технологий Волховского филиала РГПУ им.А.И.Герцена.

Зорькина Наталья Владимировна, аспирант кафедры педагогики РГПУ им. А.И.Герцена

Муртазаева Марита Максудовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарного образования и педагогических технологий Волховского филиала РГПУ им.А.И.Герцена.

Назаров Артем Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономического образования Волховского филиала РГПУ им.А.И.Герцена.

Пристенский Владимир Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Воронежского института МВД РФ.

Рогожникова Варвара Николаевна, кандидат философских наук, научный сотрудник кафедры философии и методологии экономики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Семенова Елена Викторовна, доцент кафедры мировой и национальной экономики Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г.Ф.Морозова.

Семенова Наталья Александровна, социальный педагог Сясьстройской средней общеобразовательной школы №2.

Филиппова Светлана Геннадьевна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой гуманитарного образования и педагогических технологий Волховского филиала РГПУ им.А.И.Герцена.

Фомин Андрей Петрович, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарного образования и педагогических технологий Волховского филиала РГПУ им.А.И.Герцена.

Чучупал Вячеслав Васильевич, ст. преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук Воронежского государственного лесотехнического университета имени Г.Ф. Морозова

Подписано в печать 25.11.2016 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8. Тираж 200 экз.
Заказ № 4384.

Отпечатано в ООО «Издательство “ЛЕМА”»
199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д.28
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru
<http://www.lemaprint.ru>